

Дмитрий Боррони

Мой город 5. Инвалид

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мой город

Дмитрий Боррони

Мой город 5. Инвалид

«Автор»

2020

Боррони Д. Г.

Мой город 5. Инвалид / Д. Г. Боррони — «Автор», 2020 — (Мой город)

Эта история о девочке-инвалиде. О ее нелегкой судьбе в жизни. Книга рассказывает о том, как трудно и порой невыносимо быть инвалидом. В ней рассказывается о некой схеме политической кухни страны. О том, что было при разрухе КПСС. Эта ироническая история довольно интересная и смешная. Она тесно сплетается с инвалидностью. В этой истории говорится и о некой мистической стороне главной героини. О ее мыслях, о ее хотении достичь чего-то. Содержит нецензурную брань.

© Боррони Д. Г., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	16
Глава 4.	25
Глава 5.	31
Глава 6.	37
Глава 7.	43
Глава 8.	47
Глава 9.	51
Глава 10.	63
Глава 11.	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дмитрий Боррони

Мой город 5. Инвалид

Глава 1.

Новые Русские: неформалы

Вероника Васильевна уже шла по улице в приподнятом настроении. Получив гонорар за статью, она была рада этому событию. Ведь в начале девяностых двадцатого века все зарплаты задерживали на год, а то и больше. Никто не знает, каким способом выжила экономика России? Очевидно, за счет повальной безработицы, хотя если так, то кто же трудился на благо отечества? Непонятно. Но вернемся к Веронике. Где она сейчас? А вот она. Сидит на лавке возле кинотеатра Пушкина, и о чем-то думает. В ее руках был свежий номер журнала «Молодежь против». Хотя против чего она была против, эта молодежь, было неясно. На пушкинской площади играла музыка. Двухлетние подростки, одетые в черт знает что; Мальчики в какие-то нелепые брюки, и рубашки какого-то непонятого фасона, очевидно зарубежного производства. Прически, ну тут и говорить не о чем. Девочки. На них были одеты мини-юбки. Кофточки, из которых была видна грудь, и сама просилась потискать ее. А на ногах, как и у мальчиков, так и у девочек были надеты заграничные кроссовки. Те и те смеялись и курили. Пили вино и водку, и ругались матом. Перемена дала свой результат. Общество просто деградировало, и продолжает деградировать сейчас. Просто никто этого не понимает, а если понимает, то ничто не хотят делать с этим. Один парень, увидев сидящую на скамейке Веронику, крикнул словно издеваясь.

–Во! Смотрите! Юбка сидит, думает? – вся компания рассмеялась. Затем он крикнул. – Эй! Тормоз, я к тебе обращаюсь! – затем он под нос плюнул. – Чувырла. – затем он снова крикнул. – Твое время прошло! Что сука! Сидишь? Дома небось миллионы лежат. – затем он крикнул. – Эй, я к тебе обращаются, швабра! Где миллионы?

–Да что с этой сукой говорить? – раздался чей-то женский голос. – Не видишь Сань, она не из наших.

–А мне плевать. Ишь, какая краля сидит! Читает? Сразу видно из тех, интеллигентка сраная. – затем он обратился к какому-то парню. – Эй, коришь, наливай. Сейчас она с нами за свободную жизнь выпьет.

Коришь налил стакан водки, и протянул его своему корешу, Сани.

–Держи.

Тут сидящая рядом девка, с призрением сказала:

–Да она небось и сигареты никогда не пробовала курить? – и закурив одну сигарету, она бросила. – Сука. – и сделав затяжку, она сказала. – Блин, водки хочу, и взяв бутылку водки, начала пить из горла. Затем поставив бутылку на скамейку, сказала. – Вот так надо. – затем она обтерла губы рукой, и сделав затяжку, крикнула. – А ты так можешь?

Тут все увидели, как женщина встала с лавки и пошла прочь.

Вслед ей эта компания что-то кричала. Но Вероника уже не слушала их. Признаться ей было все равно. Она знала, что то, что она написала в этом журнале, поймут единицы, а остальные просто проигнорируют это, и будут жить дальше, как неформалы – граждане новой России. Сейчас она шла к себе домой, домой, где ее ждали Лена и Вера. Она взяла их к себе, чтобы помочь им. Помочь выйти из этого положение, в которое они попали. И в это время ее сотовый зазвонил. Вероника взяла трубку сотового, и нажав кнопку вызова, спросила:

–Это кто?

Вслед компания сидевших на лавке у кинотеатра Пушкина, что-то еще долго обсуждали, куря и пив водку, они говорили о ней, о Веронике. Об этой женщине, которая только что ушла с Пушкинской площади. Они не знали, кто была эта женщина? Откуда она пришла? Они просто видели в ней просто тупую стерву. Стерву, которой не место в их обществе. Ведь они так если можно сказать, люди новой России, а она прошлое. Что ж, время рассудит, кто прав в этом споре классовых различий. Ведь те, кто считает себя неформалами, на самом деле просто недоразвитые и больные. Ведь сколько ни говори, дай человеку свободу, он просто не знает как с ней поступить, и гуляет в свое удовольствие. А когда погуляет, поймет, если, конечно, поймет, что есть на самом деле, свобода.

Итак, поговорив по телефону, Вероника Васильевна услышала длинные гудки в свой сотовый. Вероника Васильевна задумалась. Она не знала, что ей делать? Идти туда, и узнать, что говорили ей по телефону или оставить все так все есть? Но все же... что произошло далее, но об этом уже было написано в книге; Мой город 4: история их жизни.

Сейчас, я расскажу, что произошло с этими выродками, их больше никак не назвать. Неформалами свободной России, и узнаем, что произошло с ними, а с Вероникой мы встретимся позже.

Итак, начнем. Когда Вероника Васильевна скрылась из виду. Коришь сказал:

–Эти тормоза жить мешают. Все развалили, сволочи.

–И не говори. – согласилась курящая девка. – Эти ублюдки все насмарку пустили. – затем она предложила. – Погуляем!

–А почему бы и нет? – согласился Саня. – затем он поинтересовался. – Куда пойдем?

–Да что, в Москве нечем заняться что ли? – ухмыльнулась пьяная девка. – Всегда найдется чем заняться, – сказала она, и добавила. – Надо только захотеть.

Коришь поинтересовался:

–Чем?

–Да что думать? – пробурила пьяная девка, и предложила. – Ай да электрички бомбить. – затем она добавила. – Поразвлечемся.

–А что, – согласился Коришь. – пойдем, по бомбим, – затем он добавил. – Развлечемся.

Саня с явной гордостью за самого себя добавил:

–Вчера у меня целый вагон задохнулся. У меня еще дымовые шашки остались, знал, что пригодятся.

–Ну решили, – сказала девка. – поедим, развлечемся.

–На какой вокзал?

–Сань, а не все равно? – она сделав паузу, предложила. – Ай да на Казанку.

Остальные согласились, и допив горячительные напитки они пошли к ближайшему метро, коих на площади Пушкино их три.

Прошли дни. Среда. За окном хорошая погода. Солнце светит ярко. На улице играли дети. Взрослые спешили по делам. Все казалось хорошо. Но что-то в этот день было ни так. Что-то сегодня изменилось. Вы спросите что? Я не знаю. Впрочем, для героини этой истории был не лучшей день.

Какая-то девочка очнулась лежащая на кровати. Она не знала где она? Она не помнила, что с ней произошло? Она вообще ничего не помнила. Сейчас, лежа на кровати, в палате больницы, она не могла вспомнить, что с ней произошло? Она сейчас не знала этого, и лишь чувствовала, что с ней что-то ни так. Что-то не хватало. Ее тело было как будто неполноценное. Какой-то или каких-то его частей не доставало в нем. Она хотела посмотреть на себя, но не могла. Ее тело было парализовано. Она была подключена к какому-то аппарату, и была по напичкана всяческими контактами. Она не знала, что с ней? Как она здесь оказалась, и вообще, что произошло? Почему она здесь, и где ее друзья? Тут она захотела пошевелить

ногами. Попробовать встать если это возможно? Но это не было для нее теперь возможным. Она больше не чувствовала своих ног, их словно не было вовсе. В этот момент она ужаснулась. Ей на секунду показалось что ей показалось что у нее не было ног. Она подумала, что она ошиблась, и ноги у нее есть. Она снова захотела пошевелить ногами, но и в этот раз это не представляло никакой возможности. Она просто их не чувствовала. Сделав невероятные усилия, она приподняла голову, и откинув край одеяла левой рукой, она увидела ужасную картину. Ее правой ноги не было вовсе, а левая болталась как обрубок, и заканчивалась где-то чуть выше коленного сустава. Она снова прикрылась одеялом и в тот же миг разревелась. Она разревелась горькими слезами. Она так и не могла понять, как это произошло? Она не помнила ничего из того дня, когда она потеряла ноги. Все было словно во сне. Ей казалось, что она вот-вот проснется, и этот сон закончится. Ущипнув себя за руку, она поняла, что это не сон. Все то, что произошло с ней, реально. Она лежит здесь, на койке, и это реальность. Тут она вспомнила о Кореше и Сани. Она не знала, что стало с ними? Где они сейчас? Может быть они, как и она, лежат в палате с недостающими конечностями, или уже в морге? При этой мысли ее охватил ужас. Теперь она вспомнила, что они пошли на казанский вокзал, и выехав из города стали... при этом одном воспоминании у нее побежали мурашки по всему телу. Она не помнила, что с ней произошло, но с чего все началось она помнила. Тут она вспомнила, что сама предложила поехать на вокзал, отвести душу, и очевидно они там погуляли. Но что произошло с ней, и где ее друзья? Этого она не знала.

В это самое время в палату вошел врач. Он увидел, что девочка пришла в себя, и подойдя к ней, сказал:

–Мы думали, что Вы еще поспите.

Девочка посмотрев на доктора, тихо спросила:

–Что со мной? Где мои ноги?

Доктор тихо сказал:

–Для начала, здравствуйте.

Девочка тихо произнесла:

–Здравствуйте доктор. – затем она снова спросила. – Где это я? Где мои ноги?

Доктор присев возле нее, представился:

–Меня зовут доктор Бедов, Илларион Романович. – затем он сказал. – Вы находитесь в Раменской городской больнице. – затем он спросил. – Вы что-нибудь помните?

–Нет, – ответила девочка. – ничего не помню. – затем она спросила. – Где мои ноги? Что произошло?

–Что произошло я не знаю. – ответил доктор Бедов. – Но Вас доставили к нам без документов, прямо с железнодорожного полотна.

Девочка удивилась:

–Что значит с железнодорожного полотна?

–Очевидно, – предположил доктор. – Вы с друзьями решили покататься на самой электричке. Прицепившись к ней, вы просто не удержались, и сорвались на проходящий мимо поезд. – он сделал паузу, и добавил. – Я удивляюсь как Вы вообще остались живы? – затем он продолжил. – Вашу левую ногу, к сожалению, не удалось спасти, – он сделал долгую, тяжелую паузу, и добавил. – а правую удалось сохранить только частично.

Девочка умолкла. Ей нечего было что сказать. Она не помнила того, что произошло с ней? Тут она спросила:

–А два мальчика, – не зная, что она услышит в ответ, с опаской спросила девочка. – что с ними?

–К сожалению одного спасти не удалось, – сказала доктор Бедов. – а второй в реанимации. – сказал он, и добавил. – к сожалению у него нет ног и рук. – затем он сказал. – Если он выживет, то станет ничем.

– Это как?

– Ну как Вы думаете? – ответил доктор Бедов. – У него нет обеих ног, и одна рука. – он сделав паузу, добавил. – Ну какая тут жизнь?

Девочка поняла, что хотел сказать доктор Бедов.

– Да, это не жизнь. – согласилась она с ним.

– Так что же Вы ищете приключений на свою голову? – спросил Илларион Романович. – Что Вам дома-то не сидится? – укорял он ее. – Все приключений жаждете, а о последствиях не думаете. Вот Вы, Вам бы учиться и радоваться жизни. Вместо этого Ваша жизнь кончина. Что Вы теперь увидите? Четыре стены и кровать? Да – уж, перспектива. Ну ладно. – перевел он разговор на иную тему. – Как Вам дальше жить, мня не касается. Займемся лучше Вами. – Затем он спросил. – Как Вас зовут?

Девочка напрягла память, и вспомнив свое имя, она ответила:

– Марья.

– А полностью?

– Марья Анастасиевна Мшэртц.

– У Вас родные есть?

– Да. – ответила Марья. – Есть?

– Как с ними связаться?

– Можно позвонить.

– Какой у них номер телефона?

– 495-575-79-92.

– Кого спросить?

– Олеся.

– Она Вам кто?

– Сестра.

– А мать?

– Мать? – Марья, сделав паузу, сказала. – Есть мать. – она, сделав тяжелую паузу, сказала. – Лучше позвоните сестре.

Видя, что Ядвига не хочет говорить о своих родителях, он сказал:

– Хорошо, сестре так сестре.

Прошли сутки, и в больницу вошла женщина. Эта была Олеся Анастасиевна, сестра Марьи Родионовны Мшэртц

Она прошла в палату своей сестры, и увидев ее лежащей на кровати, сказала словно плюнула:

– Ну что, доигралась?

Марья ответила:

– Недовольно сказала:

– Развлеклись:

Олеся Анастасиевна спросила:

– И что дальше? – затем она сказала. – Я на сносях, скоро рожу. – затем она добавила. – Мне что, помимо того, что ребенка воспитывать, так и за сестрой утки выносить что ли?

– Я знаю, Вы меня все ненавидите. – сказала Марья. – И я обойдусь без Вас как-нибудь. – затем она сказала словно хотя ее принизить. – Я знаю, таких как мы, неформалы, Вам в тягость. Вы живете праведно, а нас Вы ненавидите за то, что мы ни такие как Вы.

– Какая чушь!

– Это ни чушь. – ответила Марья Анастасиевна. – Это так. – затем она скинула с ног одеяло, и Олеся Анастасиевна увидела торс своей сестры. – Ее правой ноги не было вовсе, а левая болталась как обрубок, и заканчивалась где-то чуть выше коленного сустава. – Вот. – сказала она. – Теперь Вы довольны?

–Здесь не на что смотреть. – ответила Олеся Анастасиевна. – Здесь плакать надо. – затем она сказала. – Мне горько стыдно за сестру. – она, сделав паузу, добавила. – Все как все, только... – она кинула на сестру презрительный взгляд, затем сказала. – Одна только...

–Да. – согласилась Марья. – Вы меня ненавидите, что ж, это Ваше дело. Я ничего не прошу, просто заберите меня отсюда, когда меня выпишут.

–И куда я Вас возьму?

Марья пожала плечами.

В это самое время, в палату вошел доктор Бедов, Илларион Романович. Он увидел пришедшую к Марье, Олеся, и сказал:

–Я рад что Вы пришли. – затем он, обретаясь к Марье Анастасиевне, сказал. – У меня для Вас хорошая новость.

Марья, посмотрев на доктора Бедова, спросила:

–Какая? – затем она с горькой иронией добавила. – Вы что, мне новые ноги пришьете?

Илларион Романович развел руками:

–Этого, конечно, мы сделать несхожем. – с горечью сказал доктор. – Это мы не сможем сделать, даже если захотим. – затем он добавил. – У Вас нет правой ноги, а левая, только ее половина. – затем он сказал. – Мы, конечно, можем сделать Вам протез на левую ногу, но костыли все равно будут с Вами. – Он сделал грустную паузу, и продолжил. – Но я пришел не по этому поводу.

Марья спросила:

–А что тогда?

Тут доктор Бедов сказал радостную весть:

–Вы беременны.

–Что? – удивилась Олеся Анастасиевна, и переспросила. – Что она, и как, будто не веря своим ушам, спросила. – беременна?

А Марья, удивленно выпучив глаза на доктора, спросила:

–Беременна?

–Да. – подтвердил Илларион Романович. – Вы беременна. – затем он сказал. – поверьте, это чудо!

В это самое время Олеся Анастасиевна потеряла сознание, а Марья, раскрыв от удивления рот, не могла вымолвить ни единого слова. Она тут подумала: «Что это? Ирония судьбы? Насмешка? Как я смогу вырастить и воспитать ребенка? Ведь теперь за мной нужен уход. Что ни говори, но я теперь на всю свою жизнь буду прикована в лучшем случае к инвалидному креслу? Я не смогу ходить, лишь кататься в кресле. А за ребенком нужен уход. Менять пеленки, кормить, воспитывать. Что это? Ирония судьбы? Насмешка? Жестоко!». Тут она поняла, что она думает о том, о чем никогда не думала. Что-то изменилась в ней. Она уже была ни той девочкой-неформалкой, которая на всех начхала, которая пила и курила, когда ей захочется. И на всех начхала. Ни в грош никого не ставила. Все это куда-то исчезло, и вместо этого появилась рассудительность, осознание того, кем она была. Что делала? Она заботилась только о себе, и не о ком больше. Сейчас же, когда она потеряла обе ноги, она осознала, что ее жизнь была бессмысленной. Сейчас, если доктор Бедов не лжет, если она действительно беременна, то ей в первую очередь нужно решить, оставить ребенка и вырастить его, при этом зная наверняка, что и ей понадобится помощь, или сделать аборт, и никогда не рожать. Ведь порой воспитывать ребенка хотя бы мамам сложно, что уж говорить о... Хотя, порой люди не понимают, что они делают? Им потерять ту или иную часть тела ничего не стоит. Они смеются, как было классно, снимают на видео, и загружают в WWW.YouTube.com. Безумцы, другого слово не подберешь. Впрочем, это их дело. Ни будем строго судить безумцев. Вернемся к Марье. Сейчас, когда все это произошло с ней, и услышав эту новость, она не знала, что и сказать. Лишь доктор, увидев ее непонимающий вид, словно иронизируя сказал:

–Поздравляю, Вы скоро станете матерью. – затем он вышел из палаты, и закрыв за собой дверь, тяжело вздохнув, словно сочувствуя будущему ребенку и его матери, произнес. – Дура. – затем он снова вошел в палату. Он увидел смотревшую в окно Марью, и рядом с ней сидевшую Олесю Анастасиевну. Не дав вымолвить ни единого слово, он сказал. – Я вижу, Вы повеселели! – затем он сказал. – Что печалиться? – обратился он к Марье. – скоро Вы станете матерью. – и добавил. – Вам не печалиться, а радоваться надо!

Тут Олеся Анастасиевна не сдержала свои негодования:

–Вы что, издеваетесь? – крикнула она что есть силы. – Вы что не видите, что сестре плохо!

Доктор Бедов посмотрев на Марью, совершенно серьезно сказал:

–Многие люди теряют какие-либо конечности, но жизнь на этом не кончается. Мы живем дальше и помнем о своих ошибках. – затем он добавил. – Вам дан шанс на лучшее. Конечно, это не та жизнь, на которую Вы надеялись, но поверти доктору, который на своем веку видел многое. Счастье не в том, что всю свою жизнь, которую люди порой бесцельно живут, жизнь – это жизнь, в которой мы делаем что-то полезное в этой жизни. – затем он добавил. – Этот ребенок, тот лучик надежды на светлую жизнь, которую Вам уготовлена. – затем он добавил. – Может он станет защитником отечества, или будет сидеть в белом доме, в правительстве. Кто знает, кем о станет.

–Ну Вы и негодяй. – сказала резким тоном. – Вы видите, в каком она состоянии?

–Вижу. – ответил доктор Бедов. – Я вижу, что Марья так и не может понять, что это такое, жить без ног.

–Да. – согласилась Олеся Анастасиевна. – Не знает. – затем она сказала. – И не знала бы, если... тут из ее глаз потекли горькие слезы. Она не знала, почему она плачет? Она никогда в своей жизни не плакала. Ей было жалко кого-нибудь, но так переживать? Она не понимала, почему это с ней? Ведь она всегда ненавидела свою сестру, призирала ее. А их мать вовсе бросила Марью на произвол судьбы. Выгнав из дома, она не жалела об этом. Ведь Марья сама выбрала свою жизнь. Так считала их мать, и больше о ней не вспоминала. Что тут скажешь? Пожалуй, ничего.

Тут Илларион Романович сказал:

–Рад, что Вы любите свою сестру Олесю Анастасиевна.

–Что? – возмутилась Олеся Анастасиевна, и почувствовав себя оскорбленной, залепила доктору Бедову пощечину. При этом она сказала. – Я всегда любила свою сестру. – затем она, посмотрев на сестру, добавила. – Рожай, мы вместе его воспитаем.

–Что ж, – начал доктор Бедов. – Теперь я спокоен. – затем он сказал. – Я думал, что вы Олесю Анастасиевна бросите свою сестру. Но, я ошибся.

Тут Марья удивленно спросила:

–Это что, был только спектакль? Значит я не беременна?

–Беременна. – ответил доктор Бедов. Затем он сообщил. – Срок, две недели. После чего он поинтересовался. – Вы знаете кто отец Вашего ребенка?

Олеся Анастасиевна, вопросительно посмотрев на сестру, поинтересовалась:

–Кто?

Тут Марья спросила доктора Бедова:

–Кто из парней умер? – затем она как бы напомнила. – Вы сказали, что одного спасти не удалось, а второй в реанимации.

–Мы не знаем, как их зовут. – ответил доктор Бедов. – у них так же, как и у Вас не было при себе паспортов. – затем он осторожно поинтересовался. – Это кто-то из них?

Марья напрягла память. Она не знала кто мог бы быть отцом ее ребенка? Ведь она имела связь со всеми своими друзьями, а их было немало.

–Я не знаю. – призналась она и предположив. – Возможно, это коришь, а возможно и Саня. – затем она секунду подумав, сказала. – Вроде я ни с кем больше не спала?

Тут Олеся Анастасиевна поняла, что ее сестра, Марья, не знает кто отец ее ребенка? Да и доктор Бедов признаться вряд ли мог чем-то помочь в этом.

Тут Олеся Анастасиевна, взявшись за живот, почувствовала, что у нее отходят воды. Она рожает! Что делать?

– Доктор! – неожиданно воскликнув, она добавила. – Я сейчас рожу.

Доктор, посмотрев на Олесю Анастасиевну, тотчас же выбежал в коридор, и через минуту вернулся с санитарями, которые привезли с собой каталку. Они положили Олесю Анастасиевну на нее, и вывезав из палаты, повезли к лифту.

Тут надо пояснить, в чем был здесь прикол или трагедия Раменской больницы. Дело в том, что в те времена роддом находился в лесу, недалеко от станции Фабричная, а хирургия, впрочем, как и кардиологическое отделение, около Раменского Борисоглебского озера, на другом конце города. Так что, добраться от одной больницы до другой, можно было только на машине. Так что пришлось бедной роженице поехать на скорой помощи, в другую часть города. А ехать туда без автомобильных пробок было не менее десяти – пятнадцати минут. Интересно, что может произойти за это время с роженицей? Итак, вернемся к Олесе Анастасиевне, и ее родам. В следующей главе, а пока...

Марья лежала на кровати. Она только что поговорила со своей сестрой, и винила себя за то, что у той от стресса пережитого ей начались преждевременные роды. Она думала о том, что не позови ее, ее сестра была бы в порядке, и никаких преждевременных родов у нее не случилось бы. Она винила себя в том, что произошло с ней. Она этого не хотела, но это произошло. Тут она подумала, что от нее одно горя. Что она сделала в жизни? Ничего. И уже ничего не сделает никогда. Это просто невозможно? Как что-то можно будет сделать, если нет ног? Тут образованные порой никому не нужны, а инвалиды, подавно.

Вот был такой случаи. Одна девочка закончила институт. Знала много чего, а на работу устроиться не имеет возможности. Вы спросите почему? Ей отвечали везде: Ваше специальности в России нет, езжайте за границу, там она есть. А порой посмотрят в диплом об образовании, и увидят там такую фразу: учился платно. Так на кой нам такой специалист? У нас и без него купивших свои дипломы полно, и учиться не надо. Купи, и все. Профессия есть. Я уж не говорю об образовании по компьютеру или зачет по телефону. Смешно.

Но вернемся к Марье Анастасиевне. Что с ней?

Думая обо всем этом, она не находила себе место. Ее желание было простое, вернуть все назад. Но этого уже было сделать нельзя. Она лежала на больничной койке. Ее правой ноги не было вовсе, а левая болталась как обрубок, и заканчивалась где-то чуть выше коленного сустава. И это был неопровержимый факт, горькая правда жизни.

Глава 2. Авария и рождение

Итак, Олеся Анастасиевна ехала в машине, или как ее еще называют, в карете скорой помощи, в роддом, который находился в те времена, в лесополосе на станции Фабричная, возле Раменского медучилище. Не знаю, почему не приняли у нее роды в хирургии? Наверное потому, что просто не захотели брать на себя ответственность. Впрочем, и на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Может быть принимать роды в хирургии не умели, только резать человека, и отнимать у него конечности. На это и учиться не надо, чтобы оттяпать часть тело. Раз, и готова. Легко и просто, не правда ли?

Но вернемся к скорой помощи, и дороги в роддом. Поездка была легкой, к счастью, Олесе Анастасиевне на дороге было мало машин. Выехав из больничного участка, они поехали по улице Чугунова, и выехали в микрорайон Холодова. Проехав далее, они остановились на перекрестке, и когда загорелся зеленый свет, то они повернули налево, и въехали на мост. Этот мост находился между станцией Фабричная, и пл. 47 КМ. Это был и остается единственный мост, по которому можно переехать, с одной стороны, на другую, минуя железнодорожное полотно. Проехав его, и оказавшись на другом конце моста, водитель скорой помощи был вынужден остановиться, так как проехать далее было невозможно, из-за небольшой аварии в которой пострадали люди. Дело в том, что при въезде на мост, ехавший из города Бронниц, на скорости более двухсот километров в час, черный джип протаранил разворачивающуюся на круге, который служит вроде самим перекрестком, большую фуру дальнобойщика, ехавшего из города Жуковского. Итак, как это был единственный разворот, движение встало. Джип, влетев в фуру, превратился в большую лепешку. Все находившиеся в джипе погибли на месте. А фуре хоть бы что, только вмятина на лестнице, и все. Можно конечно было как-то разъехаться, и хоть как-то нормализовать движение, но этого сделать было нельзя, так как по закону, до прибытия тогда еще ГАИ, движение запрещено. Поняв это, водитель скорой помощи хотел развернуться или поехать задним ходом, но это сделать ему не удалось, так как позади него уже стояли с сотни автомобилей, и ни то, что развернуться, но и дать хотя бы на сантиметр задний ход не представляло ни капли возможным.

Водитель черкнулся:

–Черт Вас всех побери! – затем он добавил. – Давеча тоже вез одну тут, так той ноги в конце концов оттяпали. Не спасли. Да она сама виновата. Прицепилась сзади к электричке со своими так называемыми друзьями, и не удержались. А ехавший навстречу скорый или товарняк, позаботился об остальном.

Услышав эти слова, Олеся Анастасиевна озабоченно поинтересовалась:

–А как ее звали?

–Кого? – не понял водитель. – Вы это о ком?

–О той несчастной, которая под поезд попала?

–Несчастной? – ухмыльнулся водитель, и словно проигнорировав вопрос Олеси Анастасиевны, продолжил. – Скорей уж пьяной чем несчастной. – иронизировал он. – Когда мы к ней приблизились, – продолжал он свой рассказ. – Так все почувствовали тотчас же как от этой, с позволения сказать девушке чистым алкоголем несло, и табаком тоже. – затем он сказал. – Когда мы к ней подошли, она лежала на земле, и что-то бормотала в нос. – затем он продолжал. – Она не понимала, что с ней произошло? Она думала, что все еще она едет, прицепившись к электричке. – затем он равнодушно добавил. – Конечно мы отвезли ее в ЦРБ, но, – тут он умолк, а затем с грустью кинул. – Уж лучше б она умерла, – затем он добавил. – Теперь до

конца своей жизни в инвалидном кресле кататься будет. – затем он словно поняв, что женщина его о чем-то спросила, поинтересовался. – Вы что-то спросили?

– Да. – сказала Олеся Анастасиевна из последних сил. У нее уде отошли воды, матка была открыта, и вот-вот должен был появиться ребенок. Она задала повторный вопрос. – Как ее звали? – и в это время у нее начались схватки. Врачам не оставалось ничего, как принять роды в машине скорой помощи. Водитель ответил:

– Ее звали...

В это самое время, у Олеси Анастасиевны произошла вторая или третья схватка. Она понимала, что она вот-вот родит, и понимая это, она с трудом спросила еще раз, впрочем, это был скорее не вопрос, а вопросительный союз, заданный как вопрос:

– Как?

– Я не знаю. – признался водитель. Затем он сказал. – Она была без документов, а ее друзья, двое пьяных парня, тоже не имели при себе никаких документов. – затем он обратился к врачу, и попросив у нее как бы подтверждение, спросил. – Вероника Платона Вы там были? – затем он сказал. – Скажите, верно я говорю?

– Да. – ответила принимающие роды женщина-врач. – Вы все правильно говорите. – подтвердила она. – затем она сказала, признавшись. – Мы даже не хотели их брать, думали, что они умрут. Нет, не умерли. – плюнула она, и выругнулась. – Сволочи. Нажраться до усрачки, наркоманы проклятые, а потом спасай их жизни. Хоть бы передохли все эти нынешние неформалы. – ругалась она, злясь, и вспоминая былые времена, продолжила. – Вот в наше время, попробуй пьяным на улице показаться, так пятнадцать суток сразу получишь, а о том, чтобы так запросто расставаться с жизнью, и речи не шло. Все жить хотели, и жили. «Работали и жили», – затем она сказала. – При КПСС не было ни то, что разговора на эту тему, я имею в виду такое безобразия как сейчас творится не было никогда. – затем она сказала. – Лишь во время революции и в тридцатые года мода была с жизнью расставаться. Но те времена сгнули в лету, сейчас? – не было ничего что можно было добавить к сказанному, и Вероника Платона как бы в подтверждение своих слов, спросила у водителя. – Ведь я права? Вася, подтверди.

Вася гордо и непринужденно равнодушно, сказал одно слово:

– Точно. – причем он его сказал гордо и непринужденно. Считая себя правом, добавил. – Тогда не побалуешь. Все знали свое место, и ничего, жили хорошо, – затем бросил. – не жаловались?

В это самое время Олеся Анастасиевна разрешилась от бремени. На свет появилась маленькая девочка. Она была прекрасна. Ее лицо светилось как новорожденное солнце. Ее улыбка словно говорила, что солнечный свет всегда будет в ней. Она смотрела на свою уставшую от родов мать, и видела на ее лице счастье. Она видела, что лицо ее матери было счастливо. Глаза матери были счастливыми. Вероника Платона посмотрела на маленькое чудо, и обернув ребенка в чистую пристань, которая находилась в ящике машины на тот случай, если пациент станет кровоточить, и ему понадобится чистая простыня. Затем она дала новорожденную матери, и та, приняв ее, не могла на нее налюбоваться.

Вероника Платона сказала:

– Покормите ее.

Олеся Анастасиевна дала новорожденной свою грудь, а водитель Вася сообщил в роддом что в скорой прошли роды, а они так и не могут приехать в роддом, из-за аварии, которая перекрыла все движения по мосту. Он попроси помощь, но ему ответили, что скопление машин у них такое, что приехать не представляется никакой возможности. Ну что тут поделаешь? Остается только ждать.

Олеся Анастасиевна дала новорожденной девочке грудь, а Вероника Платона поинтересовалась:

– А отец знает где Вы сейчас?

Этот вопрос заставил Олеся Анастасиевну задуматься. Она не хотела вспоминать про отца своего ребенка. Ведь его и не было вовсе. Олеся Анастасиевна сказала:

–Отца нет, и не было вовсе.

–Это как? – удивилась Вероника Платона. – Насколько я знаю, и еще не изобрели способа иного, как зачатие вдвоем, а не от духа святого.

–Это так. – согласилась Олеся Анастасиевна, и горько добавила. – Иного способа не изобрели. – в голосе Олеси Анастасиевны слышалось отчаяние, какая-то грусть и тоска. Затем она добавила. – Даже в ЭКО и то есть отец.

Тут Вероника Платона догадалась что произошло с Олесей Анастасиевной, она осторожно поинтересовалась:

–Вас изнасиловали?

Олеся Анастасиевна ничего не ответила. Она кормила грудью новорожденную, и улыбалась ей словно игнорировал вопрос Вероники Платоны, приговаривая:

–Моя девочка. Только моя и никого другого нам не надо.

Вероника Платона осторожно поинтересовалась:

–А как Вы ее назовете?

–Я? – задумалась Олеся Анастасиевна. – Вы спрашиваете, как я ее назову? – она на секунду задумалась, затем задумчиво сказала. – Я назову ее, – тут она снова на секунду задумавшись, произнесла ее имя. – Диана. – затем оно пояснила. – Так же, как и принцессу Диану. – затем она сказала. – Она мой кумир.

–Диана. – тихо сказала Вероника Платона. Затем словно попрекая ее таким именем, с явной издевкой, добавила. – Хорошее имя. – затем с явной иронией она добавила. – Самое главное, современное.

Заметив, что Вероника Платона недовольна тем, как она назвала свою дочь, поинтересовалась:

–Что-то ни так?

–Все так. – недовольно ответила Вероника Платона. – Просто, – продолжала она. – сейчас что не гляди, русские имена уходят в небытие. – затем она добавила. – Скоро все имена станут заграничными. Куда катится Россия? – она тяжело вздохнула, и недовольно добавила. – Скоро и русских имен не останется.

Олеся Анастасиевна спросила:

–А Вы хотели бы чтобы я назвала дочь Феклой или как в Графе Калиостро, там есть одна героиня, Парашей зовут. Так что, Вы хотите, чтобы мою дочь Парашей звали? Да и не звали вовсе, а лишь кликуха была у нее. Так лучше из дома тогда не выходить. Будут все вслед кричать: он Параша идет, дерьмо несет.

Вероника Платона ответила:

–Затем же так?

–Затем. – недовольно выкрикнула Олеся Анастасиевна. – Как хочу, так и назову дочь, и Вы мне не указ. А что касается русских имен и иностранных, то гарантирую Вам, что русских имен скоро и не услышишь вовсе. Он сколько с востока приперлись. «Одни Саремы и Абдулы с Зульфийями», – затем она сказала. Скоро от России только название и останется, а Русские переведутся вовсе. – затем она сказала. – Вы бы лучше до роддома спокойно довели, или в хирургии оставили. «Я там родила», – затем она сказала. – а не в машине.

В это самое время на мост въехала машина скорой помощи. Она доехала до коллег, и из нее вышли двое врачей. Они вошли в другую скорую помощь, и поняв, что произошло, сказали, что они отвезут мать с ребенком в роддом, правда придется ехать через станцию Задорнова, где был Сафоновский переезд.

Олеся Анастасиевна возмущенно спросила:

–Что сразу не поехали там?

Водитель Вася недовольно ответил:

–Здесь ближе.

–Оно и видно.

Олесю Анастасиевну перенесли в другую машину, и ребенка вместе с ней. Когда вторая скорая уехала, Вероника Платона недовольно сказала:

–При таком сроке надо на сохранение лежать, а не по улицам гулять. – затем она добавила. – Мы же еще виноваты будем?

–Верно говорите. – согласился Вася. – На нас всегда все шишки падают, а они чистыми остаются, суки.

–Верно. – согласилась Вероника Платона. – Суки, суки и есть. – затем она иронично добавила. – Хотят, чтобы их дети были похожи на заграничных. Если не внешне, то имя им заморское дают, и оправдывают тем, что этот человек их кумир. Забыли заповеди господни. Одна из них гласит: не сотвори себе кумира.

Вася, согласившись с Вероникой Платоновной, сказал:

–Бог им судья. – затем он сказал. – В одном она права.

–В чем?

–Скоро Россию весь восток поглотит.

–Это верно. – согласилась Вероника Платона. – Скоро от России не хрена не останется, одно название, и только.

Тем временем движение в сторону города Жуковский открылась, и машины поехали. Вскоре и скорая помощь уехала с моста. Съехав с моста, она развернулась, и поехала назад, в больницу, где ее ждал очередной вызов.

Кто Прав в том, что случилось, а кто виноват? Это решать Вам, а я продолжу эту историю, и расскажу, что произошло с Олесей Анастасиевной потом, когда они поехали на Сафоновский переезд.

Глава 3. Мама

Итак, оставим пока Олесю Анастасиевну, и посмотрим, что сейчас делает Марья Анастасиевна. Она лежала в больничной койке, смотря в потолок она так и не могла понять, как вообще такое возможно? Сейчас, осознавая всю безвыходность ситуации она осознавала, что теперь она никогда не будет той девочкой, которой она была раньше. Все ее друзья оставят ее, кому нужна она без ног? Вряд ли найдется человек, который согласится быть у нее сиделкой. Теперь она была сама по себе. И если ее не сдадут в дом инвалида, где она долго не проживет, то ее жизнь, если так можно было бы сказать, будет для нее сущем адом. Единственное утешение для нее, это ее сестра Олеся Анастасиевна. Но она вот-вот родит. Все ее заботы будут связаны с ее ребенком. Что ей дело до сестры-инвалида. У нее собственные заботы. И пусть она не говорит, что она позаботится о ней, в конце концов ей это просто надоест, и она просто отдалится от нее. Ведь инвалиды никому не нужны. Пенсия, и увядание сидящих у окна в своих квартирах, вот их удел. Ожидание смерти, которая не спешит к ним прийти. Одиночество – вот их удел. Это Марья Анастасиевна понимала сейчас как никогда. Лишь ее неожиданная беременность давала ей надежду, что она все же под старость не будет одна. Но тут возник вопрос? Он возник спонтанно. Ведь как она сможет вырастить и воспитать своего ребенка, когда она сама инвалид, и за ней нужен уход? К сожалению, закон жесток. В нем есть статья, по которой инвалиды не могут воспитывать детей. Что это? Если человек инвалид, то и о своих детях до совершеннолетия он не может позаботиться? Да – уж, закон. Одна надежда, на сестру. Но она должно быть родила. Ей сейчас о своем ребенке заботится надо, а не о ней и о ее ребенке. Марья Анастасиевна не знала, что ей делать? Вся ее жизнь изменилась, и уже обратно ничего не вернуть. Даже отца, ведь кто знает, кто он? Тогда Марья была настолько пьяна, что не помнила ничего. Нигде она была? И с кем? Хорошо погуляла, нечего сказать.

В это самое время у нее защемило сердце. Какие-то предчувствие одолевали ее сердце. Что-то ужасное и страшное ощутила она в нем. Как будто бы его опустошили. Марья подумала: «Это конец». Она не знала, что этим она хотела сказать? Эти слова у нее вырвались спонтанно, и к чему их отнести, она не знала. Тут она неожиданно поняла, что что-то произошло. Что-то страшное и по своей сущности ужасающе страшное. Ее сердце колотилось так сильно, что, когда прибежали в палату врачи, они подумали, что это конец. Сейчас сердце выскочет из груди, и разорвется на две части. Но все обошлось. Возникшей приступ так же быстро прошел, как и начался. Но предчувствие неминуемой беды осталось. Тут Марья неожиданно воскликнула имя своей сестры, и тотчас же потеряла сознание. Сердце пришло в себя, и начало биться спокойно. Приступа словно не было никогда. Марья мирно лежала на больничной койке. Ее лицо было спокойное и умиротворенное.

Врач Бедов сказал:

–Пусть поспит. Ей еще предстоят трудности жизни, с которыми она столкнется.

Прошел час, и доктор Бедов узнал страшную весть. Машина скорой помощи, в которой ехала Олеся Анастасиевна разбилась. Все погибли, только новорожденному младенцу удалось выжить.

Доктор Бедов поинтересовался:

–Где это произошло?

Санитар ответил:

– На Сафоновском переезде. – затем он пояснил. – Машина заглохла прямо на рельсах, двери заклинило, а навстречу друг другу два товарняка сближались. – затем он сказал. – чтобы спасти хотя бы ребенка, его выбросили из окна авто, а сами выбраться не смогли.

Выслушав санитар, доктор Бедов тяжело вздохнув, спросил:

– Какого черта их понесло туда?

– На мосту была авария, и роды прошли...

– Понятно. – прервал санитар доктор Бедов. Затем поинтересовался. – Где сейчас ребенок?

– В роддоме.

– Хорошо. – сказал Илларион Романович. Затем сказал. – Об этом пусть не распространяются в присутствии той, которая без ног. – сказал он, затем пояснил. – Она ее сестра. Два удара зараз, это слишком.

Санитар понимающе ответил:

– Хорошо, – и пообещал. – я сообщу.

Илларион Романович поинтересовался:

– А что делать с ребенком?

– Пока не знаю. – ответил доктор Бедов. – Надо сообщить в органы. – сказал он, добавив. Теперь все равно без них не обойтись.

– Хорошо. – ответил санитар. – Сообщу.

Не прошло и двадцати минут, как все ЦРБ знало о случившемся. Кто говорил, что виноват в аварии шофер. Кто говорил, что это просто стечение обстоятельств. Кто говорил, что это рок. Нелепое стечение обстоятельств, и только. Но тут все вспомнили, что вчера у одного из врачей было день рождения, и они погуляли. А водитель, который был за рулем той злополучной машины выпил столько самогона, что никто не понимал, как он вообще-то за руль сел? Впрочем, машины давно не были на техосмотре. Кто знает, какая причина сыграла роковую роль в этой аварии? Алкоголизм врачей или не пройденный вовремя техосмотр? Впрочем, уже поздно искать виноватых. Людей нет, лишь новорожденная сирота, и тетя-инвалид. Вот такие пироги. Что касается доктора Бедова, то он сейчас задумался. Он не знал, как сообщить эту новость Марья Анастасиевна Мщэртц. Мало одной беды, вторая не заставила себя долго ждать.

Проснувшись, Марья почувствовала, что что-то ни то. Что-то витало вокруг нее. Это что-то, какая-то непонятная тайна. Что-то, что ей надо было знать, но ей не говорили. Ее сердце не находило место. Что-то оно предчувствовало, что-то хотело ей сказать.

В это самое время в палату вошел доктор Бедов. Он поинтересовался как она себя чувствует.

– Хорошо. – ответила Марья, а затем спросила. – Как моя сестра? Она родила?

– Да. – неуверенно сказал доктор Бедов. – Родила.

В его голосе Марья почувствовала что-то. Как будто бы что-то произошло? Что-то, что не могло быть веселым.

Марья поинтересовалась:

– Что-то случилось? – в ее голосе можно было различить нотки страха. Волнение, которое она ощущала всем телом. Это предчувствие гибели и неотъемлемого конца. Что-то произошло? Что-то случилось с ней, ее сестрой Олесей. Марья поспешно поинтересовалась. – Что-то произошло с сестрой?

Илларион Романович подошел к Марье, и сообщил ей печальную новость:

– Машина, в которой ехала Ваша сестра, разбилась. – он сделал долгую, зловещую паузу, и с глубоким сожалением, добавил. – Все погибли.

В этот самый момент по всему телу Марьи пробежала непонятная дрожь. Она не верила тому, что сказал этот человек?

«Доктор. Он отправил роженицу в роддом, и она погибла. Почему он не принял роды здесь? Почему он отправил ее в роддом? Ведь она тогда осталась жива! Родила, и стала бы матерью. Почему все происходит так как происходит, и никак иначе? Ведь она могла и стала бы хорошею матерью, а вместо этого...»

Тут ее рассуждение прервались, и доктор сообщил хорошею новость:

–По дороге она родила. – затем он сказал. – Ребенок выжил.

–Где он? – торопливо поинтересовалась Марья. – С ним все в порядке? Он Здоров?

–Да. – ответил доктор. – Он здоров.

Марья облегченно вздохнула:

–Слава богу, здоров. – затем она поинтересовалась. – Где он?

–В роддоме. – ответил доктор Бедов. – Его поместили в бокс. – затем он сообщил. – Его состояние плохо. Мы делаем все, что можно.

Тут Марья бросила:

–Лучше б Вы раньше заботились о роженице, жива бы была.

Этот плевок доктор Бедов проглотил. Он понимал, что в случившемся есть и его вина.

–Что ж, – сказал он. – что произошло, то произошло. – он сделав паузу, добавил. – Ничего нельзя вернуть назад. Ни Ваши ноги, ни Олеся Анастасиевну. – затем он сказал. – Если бы была такая возможность, то Вы не потеряли ноги, и все остались бы в живых. – затем он с грустью сообщил. – Второй парень тоже умер. Я сожалею.

В палате гробовое молчание. Лежа на кровати Марья, смотря в потолок, понимала, что доктор прав. Вряд ли с ними случилось то, что случилось, если бы ни их беспечность. Наплевательское отношение к самим себе. Результат не заставил себя долго ждать. Итог. Лежащая в постели молодая девушка, без ног. Теперь всю свою жизнь она проведет в инвалидном кресле, а ее друзья в морге. Действительно, пословица истина: Жизнь коротка.

Тут доктор Бедов неожиданно сообщил:

–Мы вынуждены были сообщить в службу опеки и попечительства, а также в милицию. – затем он поинтересовался. – У Вас есть еще родственники?

Марья поняла, что доктор имел в виду спрашивая о ее родственниках. Олеся умерла, а ребенку нужна мать. Вряд ли кто согласится оставить новорожденного дитя на попечительство калеки, тем более ей самой рожать, и кто знает, может и за право быть матерью родному ребенку надо было бороться, а за ребенка сестры тем более. Ведь она калека, инвалид. А с инвалидами в России разговор особый. Их даже за людей не считают, а позволить воспитывать им ребенка, это из области фантазии.

–Есть мама. – неуверенно сказала Марья, но я не думаю, чтобы она приехала.

Доктор Бедов поинтересовался:

–Ее что, нет в городе?

На что Марья ответила:

–Просто я для нее умерла.

–Понимаю. – затем доктор Бедов спросил. – И все-таки, как можно с ней связаться?

Марья назвала номер телефона, а затем сказала:

–Я не думаю, чтобы она приехала.

–Что ж, – задумался доктор Бедов, сказав. – может она не приедет ради Вас, но ради внучки своей дочери она должна приехать. – затем он уточнил. – Ведь Олеся Анастасиевна Ваша сестра, ни так ли?

–Так. – ответила Марья Анастасиевна. – Она моя сестра.

–Вот видите, – сказал доктор Бедов. – У нее есть причина приехать.

–Да. – тихо ответила Марья, словно чего-то ожидая. Чего-то плохого, ужасного. Она тяжело вздохнула, добавила. – Причина есть.

Илларион Романович вышел из палаты оставив Марью Анастасиевну одну. О чем же она сейчас думает? Сейчас мы об этом узнаем.

Итак, лежа на больничной койке Марья Анастасиевна задумалась. Она стала размышлять о том, что будет когда она увидит свою мать? Что она сделает? Как воспримет то, что ее дочь уже никогда не сможет ходить, и ко всему прочему еще в положении. Она никогда не любила ее. Для нее, Марья была одной большой занозой. Как-то раз во время очередной ссоры она сказала: я проклинаяю тот день, когда я родила такую скотину! Я вырастила не человека, я вырастила монстра. Прочие проклятия я опущу, так как вряд ли их кто-либо захочет читать. Ведь они и так понятны. Так что при одной только мысли об этой встрече, Марья не знала, сколько грязи и обвинений выльется на ее голову, когда ее мать увидит ее в таком состоянии. Этого она даже представить себе не могла.

Дело в том, что мать Марьи Анастасиевны Мщэртц, была женщина строгих правил. Воспитанная своей матерью, она стала привередницей партии. Слепа исполняла ее поручения, и вскоре на одном съезде ВЛКПСС она была избрана в ЦК КПСС, и проработала там всю свою жизнь. Сейчас, когда Коммунизм пал, и страну раздирали на сотни маленьких кусков. Когда все отреклось от коммунизма, и организовали свои партии, которые боролись в свою очередь за власть. Клавдия Ивановна Мщэртц в девичестве «Тупиковая». Была женщина хорошая. Заботилась обо всех и ни о ком. Как все политики того, да и, впрочем, нынешнего времени, она заботилась только о своей семье. Родив Олесю, она возлагала на нее надежды. Думала, что она продолжит дело партии и дедушки Ленина. Итак бы оно и случилось, если бы не девятнадцатое августа одна тысяча девятьсот девяносто первого года. День падение коммунизма. Для Клавдии Ивановны это был шок. Она не могла поверить, что все за что она боролась было перечеркнуто одной подписью. Подписью первого генсека ЦК КПСС, М. С. Горбачева. Она посчитала что он предал партию, и больше никогда не общалась с ним. Что касается Марьи Анастасиевны, то с детства этот ребенок был для Клавдии Ивановны ее позором. Дело в том, что Мария как это иногда бывает, была зачата непорочным способом. Вряд ли можно было сказать, кто настоящий отец Марьи? Этого даже не знала сама ее мать. Когда она перешла в седьмой класс, подул ветер перемен. КПСС уже теряла свою хватку. На сцене появились челноки. Кто не знает, кто такие челноки? Я скажу: челноки – это люди перепродающие вещи, то есть спекулянты. За ними пришли и бандиты. Началось деление Москвы. Как сейчас мы вспоминаем: кровавые девяностые. Молодежь устала что им навязывали свою волю. Они хотели свободы. А свобода вскружила им голову. Их называли «неформалами». Их боялись. Их обходили стараний. Вот в такую группу и попала Марья Анастасиевна Мщэртц. Результат этой группы не заставил себя долго ждать. Это свидетельствовало и было закреплено окончательно. Ног нет, инвалидная коляска есть. Конец беззаботной жизни. До здравствует унылое прозябание возле окна в своей квартире.

Клавдия Ивановна Мщэртц не заставила себя долго ждать. Узнав о случившемся, она тотчас же примчалась на своем личном авто, которое осталось у нее с тех самых пор, как она работала в ЦК КПСС, с личным водителем в придачу. Она как ошалевшая влетела в больницу, и не ждя лифта влетела по лестнице на этаж, где была хирургия, и затем в кабинет доктора Бедова, спросила:

–Где Олеся. Где моя дочь я Вас спрашиваю?

После того как она бегом влетела в кабинет, у нее как это бывает со всеми людьми была сильная отдышка. Так что Илларион Романович не понял, что спросила у него влетевшая неоткуда к нему в кабинет женщина. Видя в каком, она состоянии, доктор Бедов встав из-за стола подошел к женщине, и предложил сесть. Та села, а он потрогал запястий женщины, и почувствовал, что ее пульс очищено бился. Да это и без пульса было понятно. Было видно и так, что женщина была вся на нервах. Он дал женщине успокоительное, и спросил:

–Кто Вы? Что Вам надо?

Женщина представилась:

– Меня зовут Клавдия Ивановна Мцэртц. – затем она пояснила. – Олеся Анастасиевка моя дочь. – затем она напомнила. – Вы мне звонили.

– Ах да. – вспомнил доктор Бедов. – Я Вам звонил.

Клавдия Ивановна нетерпеливо поинтересовалась:

– Где она? С ней все в порядке?

Илларион Романович не знал, что делать? Женщина была в таком состоянии что говорить ей сейчас что-либо означало ее отправить на тот свет. Но делать нечего. Он уже сообщил ей по телефону о трагедии, но кажется мозг Клавдии еще не осознал произошедшего.

Тут Клавдия Ивановна поинтересовалась:

– С ней все в порядке?

Илларион Романович поставил стакан, в котором было успокоительное на стол, и сказал:

– Нет, не все.

– Что с ней? – умоляюще смотрела на него она. – Говорите! Прошу Вас.

Доктор Бедов сделал недолгую паузу, и собрав все силы в кулак, сообщил Клавдии Ивановне печальную весть:

– Ваша дочь в морге.

– Как в морге? – не веря своим ушам вымолвила Клавдия Ивановна. Она не поверила своим ушам. Ее лицо побелело. Став страшной как смерть, она молча сидела на стуле. Она не могла вымолвить ни единого слова. Шок, который пришел к ней притупил все ее чувства. Она смотрела в одну и ту же точку и не могла отвести от нее взгляд.

Подошедший к ней доктор Бедов, спросил:

– С Вами все в порядке?

Но женщина не реагировала. Он посмотрел ее зрачки, они тоже не реагировали ни на что. Позвав медсестру, он попросил принести какое-то лекарство, и когда та ушла, потряс Клавдию Ивановну за плечи. Та очнулась, и смотря на доктора притупленным взглядом, спросила:

– Что Вы сказали? В морге?

Затем она потеряла сознание.

Очнулась она в больничной палате. Осмотревшись, она увидела лежащую рядом девочку. Та спала. Тут Клавдия Ивановна неожиданно вспомнила, что ей сообщил доктор? Ее дочь в морге. Олеся умерла. Она задавала себе вопрос, как это произошло? Ведь она молодая здоровая женщина на сносях. Тут она подумала, что она умерла при родах. Что что-то пошло ни так и она умерла. Тут она задала себе вопрос: где ребенок? Он что, то же умер? Нет, он жив! Была она уверена в этом. Тут она вспомнила, что по телефону ей сообщили, что ее дочь попала под поезд и осталась без ног. Тут Клавдию Ивановну охватил ужас. Она даже представить не могла, что ее дочь Олеся стала инвалидом. Теперь ей всю свою жизнь придется ходить на костылях или сидеть в кресле инвалида. А она возлагала на нее такие надежды. Тут она вспомнила о... Марья. Ее неблагополучная дочь. Она не знала почему она о ней вспомнила? Ведь они не общались, а она о своей дочери уже давно забыла. Вычеркнула ее из своей жизни, словно ее не было вовсе.

В палату вошел доктор Бедов. Он подошел к Клавдии Ивановне с посмотрев на нее поинтересовался:

– Как Вы себя чувствуете?

– Хорошо. – ответила Клавдия Ивановна, затем поинтересовалась. – Где моя дочь? – после чего добавила. – Говорите, я готова.

Илларион Романович сообщил:

– Ваша дочь Олеся Анастасиевна умерла. – затем он рассказал, что произошло на самом деле, и о ее сестре, Марьи.

Клавдия Иванна, выслушав доктора Бедова резко сказала:

–Я всегда знала, что эта сука встанет мне поперек горло, но, чтобы убить свою сестру? – она сделав паузу, добавила. – Это что-то.

–Вы обвиняете свою дочь в том, что она виновата в смерти сестры?

–Да. – заявила Клавдия Ивановна. – Я это точно знаю. Наверняка. – затем она призналась. – Марья нежелательный ребенок. – затем она сказала. – Я ее не хотела.

–Понимаю. – он не знал, что сказать? Ведь иногда женщины рожая, не хотят детей. Они считают, что это ошибка, и им в тягость им это дитя. – Вы просто не ждали этого ребенка. – затем он поинтересовался. – Вы знаете кто отец?

–Нет. – ответила Клавдия Ивановна. – Не знаю. – затем она сказала. – Тогда... – и тихо, с тоской в голосе добавила. – Давно это было.

Илларион Романович поинтересовался:

–А где Вы работаете?

–А что?

–Просто.

–Я работала в ЦК.

Тут доктор предположил:

–Ее отец кто-то из ЦК?

–Нет. – ответила Клавдия Ивановна, и тихо добавила. – Я не знаю. – затем она попросила. – Давайте оставим этот разговор.

–Хорошо.

Тут Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–Олеся родила?

–Да, родила.

Тут она поинтересовалась:

–Где он?

–В роддоме.

–Когда я его могу забрать?

–Когда поправитесь и предъявите права на ребенка. – затем он добавил. – с этим как я понимаю проблем не будет.

–Разумеется.

Тут он поинтересовался:

–Почему Вы не поинтересуетесь о здоровье второй дочери?

–Она меня не волнует. – легко сказала Клавдия Ивановна, добавив. – Если она меня слушала бы, то не попала бы сюда. – затем она сказала. – Я не буду за ней убирать, пусть сама себе утки убирает или в дом инвалидов идет жить, а я, увольте. Я на такое не отписывалась.

–Вы даже не хотите увидеть ее?

–Нет. – однозначно ответила она, и холодно добавила. – Я не имею никакого желание, – и добавила. – лицезреть эту... – тут она запнулась. – Вообще. – сказала она. – Пускай живет как хочет, – и добавила. – я в ее бедах не виновата.

Тут доктор Бедов осторожно поинтересовался:

–Разве?

–Что разве? – не поняла Клавдия Ивановна. – Что Вы имеете в виду?

Илларион Романович поинтересовался:

–Скажите, почему Вы не любите свою дочь?

Клавдия Ивановна возразила:

–Я люблю свою дочь.

–Я не о той которая погибла. – сказал доктор Бедов. – Я о той которая сейчас жива.

Тут Клавдия Ивановна неистова воскликнула:

–Я ее ненавижу! – затем она добавила. – Ненавижу всеми фибрами души! – она вскипела от ярости, и добавила. – Из-за нее умерла Олеся, – затем она добавила. – Моя дочь.

Тут доктор бедов спросил:

–А что, Марья не Ваша дочь?

Клавдия Ивановна отпарила:

–Этого я не говорила.

–Тогда что? – спросил доктор Бедов. – Почему Вы ненавидите свою дочь? – затем он сказал. – Знаю почему? – с явным недовольством сказал он. – Потому что она не такая как Вы Клавдия Ивановна. Она из тех, кто не ходит по струнке жизненной партии Ленина. Она ненавидит таких как Вы.

–Это каких?

–Праведных чистоплюев. – продолжал доктор Бедов. – Таких праведных, что бояться даже чихнуть без Вашего ведома.

–Вы считаете, что я не права? – возмутилась Клавдия Ивановна. – Вы считаете, что я неправильно воспитывала свою дочь? Вы ошибаетесь. Я все сделала правильно, а это ее выбор, а не мой. – затем она сказала. – Так пусть же живет теперь как хочет. С меня хватит. Я предлагала ей поступить в институт, а она просто начхала на деканат. Я договорилась обо всем, ей только на экзаменах надо было посидеть, а она и на них не пришла.

Тут доктор Бедов поинтересовался:

–Вы это о ком?

–О моей дочери?

–Какой?

Тут Клавдия Ивановна задумалась. Она поняла, что она проболталась. Конечно, она любила дочь. Она любила Марью. Она никогда в этом сама себе не признавалась. Но факт остается фактом. Клавдия Ивановна любила свою дочь, любила и ненавидела одновременно. Марья испортила ее жизнь. Сделала ее невыносимой. А теперь и по ее вине умерла ее дочь, Олеся. И все благодаря Марье.

Видя изменение в лице Клавдии Ивановны, Илларион Романович сказал:

–Вот видите, Вы любите свою дочь. Любите Марью. – затем он добавил. – И хоть Вы ее ненавидите, Вы ее любите. – затем он добавил. – От ненависти до ненависти один шаг. – затем он сказал. – Преодолейте свою слепую ненависть к Марье, и впустите ее в свое сердце.

–Не могу. – тихо сказала Клавдия Ивановна. И воспарив к ней ненавистью, однозначно заявила, произнеся лишь одно слово. – Ненавижу. – Ее глаза налились ненавистью к ней, и она добавила. – Хоть бы она умерла.

Клавдия просто кипела от сжигающей ее изнутри ненавистью. Она всеми фибрами своего тело и души ненавидела Марью. Призирала ее, и желала ей смерти.

В это самое время доктор бедов поинтересовался:

–А ребенок? – в надежде что она сменит свой гнев на милость, спросил доктор Бедов. – Что делать с ним?

–Какой ребенок? – не поняла Клавдия Ивановна. – Это Вы вообще о чем?

Доктор Бедов тотчас же сообщил ей новость о ее дочери:

–Марья беременна. – затем он поинтересовался. – А Вы не знали?

–Нет. – удивленно ответила Клавдия Ивановна. – Не знала. – ее лицо выражало удивление. Что-что, но она никак не ожидала услышать такую новость. Но тут придя в себя, она бросила. – Что ж, если она захочет оставить себе ребенка, то это ее дело. – затем она добавила. – Если она надеяться, что я возьму ее к себе, то она ошибается. – затем она добавила. – Нагуляла, а мне расхлебывать. Не выйдет. Пускай сама воспитывает как хочет, а не сможет, детдом рядом, ждет новых поступлений. Пусть там живет этот, ублюдок.

Тут Илларион Романович задал вопрос:

–Почему Вы ненавидите свою дочь? Лишь только из-за того, что она не такая как Вы, или на то есть более веские причины? – затем он спросил. – Все же, кто ее отец?

Клавдия окинула доктора Бедова презрительным взглядом, сказав:

–Это Вас не касается. – затем она поинтересовалась. – Когда я смогу забрать мою внучку и дочь Олесяю?

Доктор Бедов видел, что Клавдия Ивановна говорит о своей покойной дочери как будто бы та все еще жива. Он ее поправил:

–Ваша дочь умерла.

–Нет. – возразила Клавдия Ивановна. – Она для меня всегда будет жива.

–Я Вас понимаю. – ответил доктор Бедов, сказав. – Вы сможете забрать Вашу внучку, как только Вы докажете, что Олеся Анастасиевна... – тут он запнулся, затем добавил. – Ваша дочь.

–Отлично. – ответила Клавдия Ивановна, добавив. – С этим не будет никаких проблем. – затем она встала с больничной койки, и попрощавшись с доктором Бедовым, она вышла из палаты, и направившись по коридору к блажащей лестнице. Неожиданно она остановилась у одной из двери, которая вела в палату. В это самое время что-то в ее сердце йкнуло. Она что-то почувствовала, но не знала, что именно. Ей захотелось войти в эту палату, но она этого не сделала. Лишь подойдя к двери, она приоткрыла ее, и увидела лежащую на кровати Марью. Ей ни капли не было жаль ее. Она всеми фибрами своей души ненавидела ее. Ненавидела и призирила. Ведь это только благодаря ей Олеся умерла. Она же жива. Одно утешала Клавдию Ивановну. Это то, что Марья всю свою оставшуюся жизнь проведет в инвалидном кресле. – «так ей и надо». – думала Клавдия Ивановна. – «и ребенка ей не видать». – решила она. Она-то об этом позаботиться. Клавдия Ивановна закрыла дверь палаты, и пошла по коридору к блажащей лестнице. Завтра она придет с документами, и возьмет ребенка Олеся. Что касается Марьи, то пусть выпутывается сама. Клавдия Ивановна к этому не будет иметь никакого дело. Так она решила.

Вскоре, в палату к Марьи вошел доктор Бедов. Он поинтересовался о ее здоровье, а та в свою очередь поинтересовалась:

–Она приезжала?

Доктор Бедов не понял:

–Кто?

–Мать.

–Приезжала.

–И что?

–Она хочет забрать дочь Олеся. – сообщил он ей. – Сейчас она поехала за свидетельством о рождении. Олеся.

–Что ж, – безразлично сказала Марья. – пусть будет так. – затем она иронично заявила. – Я же не смогу позаботиться о ребенке! Я же теперь инвалид. – Она истерически засмеялась, и продолжила. – Представляете доктор, я беременна. Рожу, а воспитать не смогу. И все из-за того, что у меня нет ног. – говорила она в истерическом припадке. – Представляете мать, которая... – в это самое время доктор Бедов залепил той горячею оплеуху, и та, утихнув, произнесла. – Спасибо.

Доктор Бедов обвиняюще сказал:

–Об этом надо было думать раньше. – затем он добавил. – Не кататься вдрызг пьяными на подмостках электричек. Глядишь, ноги были бы целы.

–Вы меня обвиняете? – возмутилась Марья, и в то же самое время ответила. – Что ж, возможно, Вы и правы.

–Какое облегчение. – с иронизировал доктор Бедов. – Жаль, что это Вы поняли это, когда уже поздно.

–Ну а Вы? – неожиданно сказала Марья. – Вы что лучше меня?

– Не понял?

– Вы отправили мою сестру в роддом, когда могли принять роды здесь, – уличила его Марья, добавив. – Тогда бы она осталась жива. – доктор Бедов нахмурившись, стал злиться. Заметив это, Марья продолжила. – Что? Не нравится, а я права, не так ли?

Иллариону Романовичу не было чем парировать. Он был зол. Зол на самого себя. Ведь действительно, если б Олеся Анастасиевна не поехала в роддом, возможно она осталась бы в живых. Не зная, что сказать, он выскочил как угорелый из палаты захлопнув за собой дверь.

Оставшись одна, Марья Анастасиевна задумалась.

Вряд ли можно описать все те чувства, которые обуревали Марью Анастасиевну, это просто невозможно. Одно можно сказать с уверенностью, что Марья было плохо. Ей было тошно. Тошно от того, что ее собственная мать начхала на нее. А сейчас просто бросила ее на произвол судьбы. Марья знала, что в случившемся виновата ни только ее мать, но и она сама. Свобода вскружила ей голову, и она понеслась во все тяжкие. Она не хотела жить так как жила ее мать, ходить по струнке, выполнять слепо все распоряжение партии. Слепо подчиняться ей. Она хотела нового. Независимости от других, и вот результат. Она осталась одна. Нет семьи и друзей. Впрочем, были ли они, друзья? Вряд ли? Только собутыльники желающие погулять за чужой счет, и только. Теперь все это позади. Сладкая, беззаботная жизнь закончилась. Теперь только будни и их прозябание в инвалидной коляске, у окна своей комнаты. Это теперь ее удел.

Глава 4. Осознание неизбежного

Выписавшись из больницы, она получила бесплатную инвалидную коляску она была на столько тяжелой и неудобной, что вряд ли кто-либо мог бы ни то, что нормально сидеть в ней, а управлять ей никак не представлялась никакой возможности. Ее маневренность была на нуле, а чтобы ее сдвинуть с места нужно было усилие двух мужчин с бицепсами как у Сталлоне или Шварценегера. Да и из одежды у нее было надета лишь ночная рубашка. Остальная одежда была разворована нянечками. Так что, когда она оказалась на улице, ей просто не было куда пойти куда податься. Все отвернулись от нее. Квартира в Москве, но туда еще добраться надо. Так что Марья ничего оставалась делать, как просить подаяние. Но и тут сразу возникла проблема. Милиция, которую вызвали доктора приехала немедленно. Она попросту забрала Марью в отделение, а там уже выписали штраф и предупреждение по статье попрошайничество, сказав при этом:

–Шли бы Вы в дом инвалидов, там Ваша место.

Ей, конечно, врачи предлагали такой вариант, но она отказалась, считая, что она справиться со всем сама. Но не тут-то было. Жизнь инвалида – это сложная штука. Всю жизнь долбишь об стенку выкачивая свои законные права, а соцработники начхают на них. А врачи вместо того, чтобы выписывать инвалидам лекарства, ничего никому не выписывают. Это так они говорят. Вместо этого они выписывают инвалидам без их на то ведома дорогостоящие лекарства, и сами лечатся бесплатно за счет инвалидов. Вот так вот и живет инвалид, а врачи за счет их здоровы как быки.

Но вернемся к Марье. Ее все же отвезли к ней домой в Москву, пожалели безногую так сказать. Что было дальше Вы спросите? Да ничего. В лифт инвалидная коляска на влезала, и Марью пришлось тащить на пятый этаж. А так как в подъезде не было пандусов, то и инвалидную коляску тоже тащили на себе. К счастью, в квартире, где жила Марья оказалась одна женщина. Эта была приехавшая к ней ее подруга, Лика, которая приехала тотчас же как ей сообщила о случившемся мать Марьи, Клавдия. Попросив ее хоть на первых порах приглядеть за Марьей. Так что можно сказать в глубине души у Клавдии Ивановны остались материнские чувства. Оно и понятно, ведь она все-таки ее мать.

Увидев Лику, Марья тихо сказала:

–Я не ожидала Вас увидеть здесь. – затем она поинтересовалась. – Это Клавдия Ивановна Вас попросила приехать?

–Нет. – солгала Лика. – Не она.

–Тогда кто?

–Никто. – ответила Лика. – Я просто захотела навестить свою подругу. – затем она поинтересовалась. – Как дела?

–Вот. – грустно сказала Марья, тяжело вздохнув, и добавила. – Теперь я инвалид.

Лика хотела что-то сказать, что-то утешительное, но не находила слов. Да и нечего было сказать. Все было понятно и так.

Тем временем Марья попросила подругу:

–Я хотела бы принять ванну, можете?

–Да, конечно. – ответила Лика. – Помогу. – не знаю как, Лика еле-еле подвезла Марью к двери ванной комнаты, и спросила. – Такие кресла дают всем или только избранным?

Марья усмехнулась:

–Очевидно всем. – сказала она. – За легкие платить надо, а это единственное кресло, которое в коридоре стояло. Вот они мне его и всучили. Сами спишут, и все в порядке, а мне мучайся тут.

Ли́ка согласилась:

–Да его с места не свезешь, надорвешься.

Ма́рья подтвердила:

–Это точно.

Ли́ка открыла дверь ванной комнаты, и помогла Ма́рье снять ночную рубашку, в которой ее выписали из больницы. Теперь она могла видеть ее торс. Ног так каковых не было. Ее правой ноги не было вовсе, а левая болталась как обрубок, и заканчивалась где-то чуть выше коленного сустава. Ма́рья, посмотрев на Ли́ку, тяжело улыбнулась, и грустью сказала:

–Вот так.

Ли́ка тотчас же посмотрев на Ма́рию. Непонимающе, как это вообще возможно тихо, дрожащем голосом, спросила:

–Как?

–Просто мы решили прокатиться на электричке. – призналась Ма́рья. – Хотели доказать, что мы не мусор.

–Доказали?

Ма́рья с грустью вздохнула:

–Ага. – крикнула Ма́рья. – Теперь двое друзей из которых один отец моего ребенка в морге, а я... – она не смогла ничего сказать. Опустив голову, она лишь тяжело вздохнула. Ей не было что сказать, да сказать нечего было.

А Ли́ка, услышав неожиданную новость, что Ма́рья в положении, спросила:

–Уверенна?

–В чем?

–Что беременна?

–Абсолютно. – ответила Ма́рья. – Я узнала об этом в больнице.

Тут Ли́ка осторожно поинтересовалась:

–Что будет с ним?

–Я рожу. – однозначно заявила Ма́рья. – Я его оставлю. – затем она добавила. – Он будет моим, и только моим.

–Хорошо. – одобрительно ответила Ли́ка, добавив. – Я помогу если что. – затем она сказала. – Сейчас отложим все на потом, и примем ванну. Ли́ка помогла Ма́рье забраться в ванну, и налить ее доверху. Затем она дала Ма́рье душевую лейку, и сказав, что она рядом если что, вышла из ванны, прикрыв за собой дверь. Затем она потрогала свой живот, и сказала сама себе: «что ж, если я не могу иметь своих детей, то я помогу в его воспитании Ма́рьи». Затем она с большим усилием отогнала кресло инвалида в прихожую, и оставив его там, пошла в кухню, готовить ужин.

Оставшись одна, Ма́рья принялась усердно мыться. Она уже не мылась целую неделю, и, теперь с большим усердием и рвением натирала свое тело хорошей мыльной мочалкой. Она хотела соскрести с себя тот больничный запах палаты, в которой она нюхала всю неделю. Она забыла обо всем, даже о том, что у нее нет конечностей. И лишь приступив к их мытью она вдруг вспомнила, что у нее нет ног. Она видела их, ощущала. Ей казалось, что ноги при ней, и она вот-вот встанет, опрется на них и пойдет. Нет, она не пойдет, а побежит! Как когда-то в детстве, когда, будучи совсем маленькой девочкой, она бегала, гоняясь за воздушным змеем по просторному полю полевых цветов. Она тогда была счастлива. Да как же не быть счастливой в детстве. Но, к сожалению, те былые времена полной радости детского смеха давно прошли. Наступила взрослая жизнь, а за ней расплата за свою беспечность. Это Ма́рья знала. Она отдавала себе в этом полный отчет. Сейчас, когда ничего нельзя было поправить, и она

еще ощущала уже отнятые ноги от ее тела, она знала, что в этом виновата лишь она сама. Она и больше никто. В эту секунду полной радости, Марья заплакала. Она винила себя и только себя в том, что произошло с ней.

– Да что же это такое! – в истерическом припадке орала она. – За что?

На ее рев прибежала перепуганная Лика. Она вбежала в ванную комнату, и посмотрев на сидящую в ванной Марью, которая держалась чтобы ей не погрузиться в воду, на левой ноге, точнее, что от нее осталось, горько посмотрев на Лику, проревев, проныла:

– Лика! – начала Марья. – Мои ноги! Где они? Я их не чувствую! Их нет.

В это самое время, Лика поняла, что Марья наконец осознала тот факт, что у нее нет ног. В больнице она еще относилась к этому как к шутке, думала, что ее ноги вернуться. Что это лишь сон, и только. Сон, который забудется, и никогда не вспомнится. Лика поняла, что мозг Марьи только что разблокировал ту информацию, которая не давала Марьи сойти с ума. Лишь сейчас Марья осознала, что это не сон. Ног нет, и их не вернуть. До этого она считала, что она просто не чувствует своих ног. Но она пройдет курс реабилитации, и ноги снова будут у нее. Тогда, в больнице, она видела, что у нее не было ног. Но она подумала тогда, что это временно, и она снова будет чувствовать свои ноги. Но это не произошло. Ее мать вряд ли могла представить, что Марья станет инвалидом, а Марья все же надеялась, что Клавдия возьмет ее к себе. И убедив себя в этом, она на какое-то время забыла, что у нее нет ног. Так можно объяснить истерический припадок Марьи в ванной комнате.

Лика не знала, что и сказать? Успокаивать Марью было бессмысленно. И в этот момент она приняла единственное правильное решение. Она ее встряхнула, и твердым голосом сказала:

– Это так. Их нет. «Нет и уже никогда не будет», – затем она сказала. – Прошлого уже никогда не вернуть. Что сделано, то сделано. Назад дороги нет. – она, сделав паузу, сказала. – Нет ног, и что же? «Жизнь продолжается». – затем она с горестью сказала. – К сожалению люди всю свою жизнь помнят то, что потеряли. Никто этого не ощущает, но так оно и есть. – затем она добавила. – И человеческие части тела тут не исключение. – затем она добавила. – Мы сами виноваты в наших несчастьях, и винить тут некого. – затем она добавила. – А если и есть кого, то только себя самих.

Марья утерла слезы. Ее истерика улетучилась словно ее не было вовсе. Она тупо посмотрела на Лику, и сказала:

– Это жестоко.

– Жестоко? – ухмыльнулась Лика. – Может быть, жестоко. – затем она добавила. – Но лишь жестокость позволяет нам выжить. – затем она сказала. – Мы все жестоки и к другим, и к самим себе, и эта жестокость порой не дает нам сдаться.

Марья тяжело вздохнула. Ей было тяжело слушать подругу, но она понимала, что та права: нет ног, и что же? Жизнь продолжается, и сдаваться нельзя. Надо смотреть трудностям и смерти в лицо. Смеяться, когда она близко. Ведь только живя счастливо и преодолевая все трудности сосланной нам судьбой и веселясь, когда смерть близко, можно дожить до глубокой старости, а не умереть при первой трудности, не опустить свои руки, а наоборот, подняв их надо что-то делать. Делать то, что хочется. И пускай другие говорят, что этот человек изгой общества, ни на что неспособен. Надо доказать завитосердникам, что это не так. Они считают себя лучше инвалидов, издеваются над ними, а сами не могут без чьей-либо помощи вбить гвоздь. Взять в руки ручку, расписаться в документах лишь тогда, когда они будут уверены, что им от сделки, за которую они расписываться достанется приличный куш в иностранной валюте. Но это уже уголовщина. Они смеются над инвалидами, и игнорируют их. Неважно где? В правительстве или в округе. Все одинаково. Законы для богатых, для инвалидов только выживание в этом мире. Так кто же инвалид я Вас спрашиваю? Те, кто имеют инвалидность или те, кто над инвалидами насмеваются? На этот вопрос нет однозначного ответа.

–В этих словах есть доля смысла. – согласилась Марья. – Нельзя сдаваться. – решительно заявила она. – Я докажу маме что она ошибается. Инвалиды тоже люди. Они такие же люди, как и все. Человеки а не отбросы общества. – она посмотрела на болтающийся обрубок ноги, и тяжело вздохнув, с долей иронией и усмешкой сказала. – Может и хорошо, что все так получилась. Я осталась без ног, но жива. – она тяжело вздохнула и добавила. – Моя мать ненавидит меня, призирает. «Считает, что я испортила ей ее жизнь», – затем она сказала. – но я не виновата. – оправдывала она сама себя. – Виновато правительство и общество, в котором мы живем. – затем она пояснила. – Правительства дало нам неограниченную свободу, но забыла, что за семьдесят пять лет народ привык ходить по струнке, и свобода лишь спустила неумную их энергию с цепи. Народ хотел попробовать все, и в итоге просто погубил сам себя. Ведь свобода тоже должна иметь определенные ограничения, но правительство как-то об этом не подумала. Или подумала, и спустила на авось, как всегда. – затем она сказала. – Вот теперь за такую с позволения сказать свободу я и расплачиваюсь.

Ли́ка заметила:

–Эта несвобода, а беспечность.

–Нет. – возразила Марья. – Эта свобода отняла у меня ноги. – затем она добавила. – Мама была права.

Ли́ка озабоченно поинтересовалась:

–Права? В чем?

Тут Марья ответила так:

–Свобода – это слово. Слово, которое обнадеживает нас на беспечную жизнь и в то же самое время отбирает ее у нас.

Ли́ка не поняла:

–Это как?

–Нам, молодежи дали свободу, и мы ею воспользовались. – затем она сказала. – Воспользовались неумело. Мы стали делать то, что нам всегда запрещали. За что нас наказывали, сажали в тюрьмы. Сейчас все и многое другое можно. И мы сделали это. Стали неформалами. Надеждой свободной России. – она сделав паузу, сказала. – Теперь я понимаю. Понимаю, что все это было сделано преднамеренно. Свобода нас ослепила, и большинство надежды России теперь просто ее изгой.

Тут Ли́ка заметила:

–Эти рассуждения пахнут политикой.

–И что? – усмехнулась Марья. – Что они мне сделают? – затем она добавила. – То, что можно было сделать, они уже сделали. «Дали молодежи свободу, а вместе с ней и беспечность», – затем она сказала. – результат не заставил себя долго ждать. – ее лицо было мрачное и не выражало ничего. Оно было холодное, можно сказать ледяным. Все чувства, которые у нее еще остались, исчезли. Она стала бесчувственным и в нем появился страх.

Ли́ка испуганно спросила:

–Что случилось?

–Мне страшно. – ответила Марья. – У меня скверные предчувствие. – затем она добавила. – Как бы что ни случилось. – затем она попросила Ли́ку обдать ее душем и вылезти из ванны.

Ли́ки снова пришлось подкатить к двери невероятную тяжелую коляску, и пересадив еле-еле Марью в нее, дала ей полотенце, и отвезла с невероятным трудом ее в комнату. Затем, она уложила ее в кровать, и та попросила включить телевизор. Тогда уже были телевизоры с пультом, так что Марья ничего не составляла переключать его. После чего Ли́ка пошла на кухню готовить ужин, а Марья осталась смотреть телевизор.

В какой-то момент она захотела позвонить маме. Она хотела с ней пообщаться, и не просто пообщаться, а увидеть ее. Но этого сделать ей было не так-то просто. Ее сотовый давно

пропал, а другим она еще не обзавелась. Тогда она кликнула Лику, и та дала ей свой сотовый. Марья быстра набрав номер, и приложив телефонную трубку сотового аппарата к уху, услышала до более знакомый ей голос.

–Алло! Кто это?

В телефонной трубке сотового телефона Клавдия Ивановна услышала знакомый до более знакомого голоса.

–Я. – произнес женский голос. – Марья.

На другой стороне телефонной трубке Марья ощутила холодное молчание. По ее телу пробежал холод. Она почувствовала в этот момент, что что-то произошло. Что-то страшное. Тишина была зловещей. Предвестником чего-то ужасного.

Клавдия Ивановна холодным тоном пробурчала:

–Чего надо?

Эти слова были настолько холодны и безразлично брошены, что у Марьи душа ушла в пятки. Она понимала, что ее мать ненавидит ее. Не хочет ее видеть. Да, впрочем, если Марья умерла, то Клавдия Ивановна, очевидно, не расстроилась бы. Наоборот, она была бы рада тому, что ее дочь умерла. Ведь для Клавдии Ивановны она умерла еще тогда, когда Марья Анастасиевна стала неформалкой.

Марья сказала:

–Я хотела увидеть дочь Олеси. – сказала она. Затем прибавила. – Я знаю, что она жива, дочь Олеси.

В тот же миг Клавдия Ивановна отпарила:

–Ее нет. – затем она уточнила. – Она моя, и никому я ее не отдам. – после чего она сообщила следующее. – О ней никто не позаботиться лучше, чем я, ее бабушка. – затем она попросила. – И больше мне не названивайте. – затем добавила. – Ее для Вас не существует.

В сотовом прозвучали гудки.

Марья хотела еще раз набрать номер Клавдии Ивановны, но в последний момент она этого делать не стала. Она понимала, что теперь она просто никто. Девочка без ног. Инвалид. Инвалид, ждущий ребенка. Но кто знает, останется с ней ее ребенок? Ведь за ней нужен уход, а за ребенком тем более. И кто знает, кто поможет ей воспитать ее ребенка? Лика? Но у нее своя жизнь, и в какой-то момент она не сможет помочь ей. Это Марья сейчас понимала как никогда. Она была сейчас беспомощна. Даже передвигаться в кресле инвалида не могла. А за продуктами кто ходит? Поможет оформить инвалидность? Лика? Да, она это сделать может, но что потом? Это страшила Марью. Она осознавала то, что она может остаться совсем одна, и никого рядом не будет. Она даже не знала кто на самом деле ее отец? Клавдия Ивановна никогда не рассказывала о нем, а Марья как-то и не интересовалась. Она только знала одно, что они с Олесей были сестрами по матери, отцы же у них были разными. Но чтобы скрыть тот факт, что у них разные отцы, Клавдия Ивановна была вынуждена дать Марьи отчество ее мужа, который тогда уже прибывал в мире ином. Все запутанно было в этой семье. Тайна рождение Марьи была для нее на первом месте. Она не знала, кто ее отец? Желая это выяснить, она попросила Лику помочь ей в поисках ее отца, и Лика согласилась ей помочь.

За давно зашло за горизонт солнце. Ночь опустилась на город. Но его жители не спали. Ночные бабочки вылетели на улицы и приземлившись на улицах стали порхать своими крыльшками привлекая к себе всеобщее внимания. Ночные клубы распахнули свои двери. Москва зажглась ночными фонарями. Жизнь продолжалась. Лишь Марья сидела в кресле инвалида которое было не подвинуть без усилий. И любовалась из окна проходящей мимо ночной жизнью Москвы. Она хотела туда! Вниз. На улицу, погулять. Но не могла. Кресло, в котором она сидела и в котором она проведет всю свою оставшуюся жизнь, не позволяла ей даже думать о том, что можно было погулять, порадоваться жизнью. Насладиться ею. Теперь она этого сделать не могла. И тут она подумала про себя:

«Лучше б я умерла».

Глава 5.

Почему Клавдия Ивановна ненавидела Марью?

Итак, самое время поговорить об отце Марьи. Кто он такой? Где он сейчас, и почему его нет сейчас у дочери? Об этом Вы узнаете в этой главе.

Итак, Клавдия Ивановна после разговора с Марьей долго думала о том, что она сделала ни так в своей жизни, что у нее выросла такая дочь? Она перебрала в памяти все события своей жизни, и не могла найти однозначного ответа на этот вопрос. Она все делала для того, чтобы ее дочери были счастливы, не нуждались ни в чем, все было б у них в достатке. Но это у нее не получилось. Что-то она сделала ни так. Ответ на этот вопрос все время был у нее на языке. Но она так и не смогла однозначно ответить на этот вопрос. Что? В это самое время ей на сотовый позвонили. Клавдия Ивановна ответила:

–Алло! Кто это?

На другом конце сотового аппарата она услышала женский голос.

–Эта Лика.

–Какая Лика?

–Лика, подруга Марьи.

–Что Вам нужно?

–Поговорить.

–О чем?

–О Марье. Ей сейчас плохо.

–А я-то тут при чем?

–Вы ее мать

–И что?

–Она Вас ждет.

–Я не желаю ее видеть.

–Почему?

–Я ее ненавижу! – заплакала Клавдия и отключила сотовый. – Ненавижу! – снова неистова выкрикнула она плача. Подойдя к детской кроватке, она посмотрела на дочь Олеси, и сказала ревя. – Как похожа на свою мать. – затем она отошла от детской кроватке, и подойдя к окну, подумала, что этот ребенок всю ее жизнь будет ей напоминать о ней. Об Олесе, и ее убийцы. Она не могла этого перенести, и решила завтра позвонить в службу опеки, чтобы те избавили ее от мучительных страданий. Да, она так и делает. А пока, на нее нахлынули воспоминание о былом. Она невольно вспомнила Кирилла, отца Марьи. Стоя у окна, задумавшись, она вспомнила то, что хотела забыть. Итак, вот эта история.

Итак, начнем. Они встретились в санатории, где отдыхали по путевкам. Никто не знал, чем закончиться эта встреча. Ни Кирилл, ни Клавдия Ивановна. Как-то раз гуляя вдвоем по тропинке леса, он ей сказал:

–Сегодня пасмурно. Осень берет права в свои руки. И все-таки я счастлив. – А Вы?

–Тоже. – ответила Клавдия Ивановна. – Осень. – сказала она. – Время увяданий.

–Вы неправы. – возразил Кирилл. – Осень не время увяданий, а время тихого умиротворение.

–Вы в этом уверены?

–Уверен. – ответил Кирилл, и привел пример. – Вот мы гуляем в этом лесу. Листья падают с неба. Ложась на землю, они укрывают ее своим одеялом. Мы идем по нему, и в какой-то миг задумываемся о тишине. – сказал он, затем добавил. – Люди начинают думать о покои

и тишине. Им хочется насладиться этой тишиной. Они вдыхают лесной воздух, и он умиротворяет их.

–Вы правы. – согласилась Клавдия Ивановна, и глубоко вздохнув, добавила. Тишина – это единственное что нам неподвластно.

Кирилл удивился:

–Почему?

–Я живу в городе. – ответила Клавдия Ивановна. – А там, знаете ли, тишины нет.

–Согласен. – Кирилл сделал короткую паузу, затем сказал. – Так пока Вы здесь наслаждайтесь тишиной.

–Не могу.

–Почему?

–Мы отдыхаем. – ответила Клавдия Ивановна. – Но все же работа на первом месте. – затем она добавила. – Вот сейчас, я отдыхаю. В этой санатории, а сама думаю, о работе. Как там без меня, справляются ли или нет?

Тут Кирилл сказал:

–Но также нельзя! – затем добавил. – Надо и отдохнуть. – затем он предложил Клавдии сходить с ним на танцы. – Забудьте обо всем. – сказал он. – Сейчас просто отдохните.

–Может быть Вы и правы. – ответила Клавдия Ивановна. – Надо подумать и о себе, не только о других.

–Я с Вами совершенно согласен.

Отдых, это самое приятное что может быть в жизни. Все хотят отдохнуть после трудового дня, а отправиться в отпуск после девяти месяцев каторжного труда, это само счастье, не так ли? Идя в отпуск, человек расслабляется. Ему все нипочем. Он уходит от рутин трудовой действительности, и уходит в свой мир, мир грез и расслабленья на заслуженном отдыхе. Вот и Клавдия Ивановна позволила себе такое расслабление. Она препроводила свое время с Кириллом. Придя на танцплощадку, они долго танцевали. Во круг них словно никого не было, а может быть они просто никого не замечали. Сегодняшний вечер был только для них.

На утро они проснулись вместе. Лежа в одной постели, они не жалели ни о чем. Вчерашний вечер и то, что произошло после, было только для них. Клавдия Ивановна сказала:

–Сегодня прекрасный день! – за окном светило солнце. Оно словно говорила Клавдии Ивановне о том, что сегодняшний день был прекрасен, и предвещал много радости и счастья. Затем она сказала. – Надеюсь, что о сегодняшней ночи никто не узнает.

Кирилл, встав с кровати, поинтересовался:

–А почему кто-нибудь должен узнать? – затем он добавил. – Это никоем разе, никого не касается.

–Это так. – согласилась Клавдия Ивановна. – Но если прознают на моей работе, что я и Вы...

Не успев закончить предложение, Кирилл заверил:

–Не узнают. – затем он сказал. – Им не до того, у самих рыльце в пушку. Замараться побоятся.

Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–Почему Вы так уверены?

–А кто знает, что мы здесь вдвоем проводим время? Никто. Все думают, что все спят в своих комнатах.

–Да! – поняла Клавдия Ивановна, и вставая с кровати, поинтересовалась. – А мы в чьей комнате? В моей или в Вашей?

–В моей. – ответил Кирилл, и добавил. – Из моего окна открывается живописный пейзаж.

Клавдия Ивановна, одевшись, спросила:

–Какой вид?

–На море. – ответил Кирилл, поднимаясь с постели. Надев рейтузы и майку, он сказал Клавдии Ивановне. – Подойдите к окну, прошу Вас. Вы увидите замечательный вид из окна.

Клавдия Ивановна подошла к окну, и раскрыв шторы она увидела море. Оно было прекрасно. Тихое и спокойное как никогда. Оно было умиротворенное и покойное. И хоть и была за окном осень, вряд ли кто мог бы сказать, глядя на море, что оно осеннее и ветреное. Полный покой. «Штиль» как говорят моряки. Из-за горизонта уже поднялась осеннее солнце. Озарив своими лучами морской прибой. Клавдия Ивановна подумала: «красиво!» Она еще не разу в жизни не видела такую красоту. Лишь мрачные и унылые улицы пробегающих мимо нее городов, и больше ничего. Она поняла, что она попросту не жила, лишь препроводила свое время в заботах. Сейчас, глядя на эту красоту она чувствовала свободу. Свободу ото всего. От работы, от дома, от партии. Здесь она чувствовала себя раскрепощенной. И пусть она переспала с этим человеком, и, если узнают в ПБ о ее непотребном поведении, и взыщут с нее по полной программе, все равно, она была счастлива. Она не думала о грядущем, она жила сегодняшним днем. Она была счастлива.

Кирилл подошел к Клавдии Ивановне, и обняв ее за талию, поинтересовался:

–Ну как вид?

Они посмотрели друг на друга. Их взгляды сомкнулись, и Клавдия Ивановна тихо сказала:

–Красиво.

Затем, их уста сомкнулись в нежном поцелуе.

После завтрака Клавдия Ивановна гуляла одна на берегу моря. Она шла по берегу медленно, не спеша. Да и спешить ей было некуда. Она была счастлива. Счастлива потому, что поняла, что лишь сейчас она поняла, что такое простое женское счастье.

Но это счастье длилось недолго. Всякое счастье недолговечно, и это не исключение. Вряд ли можно было сказать, что на том история закончится, это не так. История имеет свое продолжение. Иногда оно счастливое иногда горькое. Что касается Клавдии Ивановны, то ее ждал некий сюрприз. Нежданный для нее и, впрочем, для всех. Никто не может знать, кого можно встретить где бы то либо? Иногда эти встречи бывают случайны, иногда намеренными. Иногда предсказуемыми. И так, после прогулки по берегу моря Клавдия Ивановна вернулась в санаторий, и неожиданно для самой себя увидела Женю. Своего партийного работника и свою бывшую подругу, у которой Клавдия Ивановна в свое время отбила у нее своего будущего мужа, Анастаса Матвеевича Мщэртц. И с тех самых пор они стали врагами до самой смерти. Сейчас, когда они встретились, и презрительно, с ненавистной сжигающей их до глубины души ненавистью посмотрели друг на друга, было ясно, что их ненависть и вражда так и не прошла. Подойдя друг к другу, Евгения Романовна Штольц, так звали нежданную гостью, спросила с долей признания:

–Я слышала, что Вы собираетесь занять кресло Митрофана Фадеевича?

Клавдия Ивановна, дав своей сопернице отпор, стрельнув в нее своим презрительными и ненавистным взглядом, отпарила:

–Это решение принято Петром Федоровичем.

–Я знаю. – бросила небрежно Евгения Романовна, с явным признанием и жестокой ухмылкой поинтересовавшись. – Сколько раз он поимел Вас? – затем она перефразировала вопрос. – Нет, сколько раз Вы дали себя ему, чтобы получить эту должность?

В эту минуту Клавдия Ивановна захотела дать Евгении Романовне в лицо. Вцепиться в нее словно кошка и расцарапать той все ее лицо. Но она сдержалась. Годы проведенные в застенках КПСС научили ее самоконтролю, и Клавдия Ивановна, ненавистно посмотрев в бесстыжие глаза Евгении Романовны, задала следующий вопрос:

–А Вы? – затем она добавила. – Мне с Вами не о чем говорить. – затем она добавила. – Да и иметь дело с такими как Вы, я не имею никакого желание.

Евгения Романовна жестоко отпарила:

–Мне представьте тоже.

На том и разошлись две заклятые подруги, две заклятые соперницы, две заклятые ненавистные друг другу и готовые убить друг друга немезиды.

Когда они разошлись, каждая в свою сторону, Женя подумала:

«ПОСМОТРИМ».

Клавдия Ивановна вернулась к себе в номер. Все было бы ничего, если бы ни эта встреча. Клавдия Ивановна не подозревала тогда, что эта встреча не была случайной. Женя была в этом санатории не на отдыхе. Она работала здесь по заданию ЦК. Но этого Клавдия Ивановна не знала, и не могла знать. Состоящая случайная встреча была лишь случайностью, и только. Но Клавдия Ивановна ошибалась. В этот самый момент она вдруг захотела увидеть Кирилла. Она вышла из своего номера и направилась в его номер. Когда же она постучала в дверь, проходящая мимо горничная поинтересовалась:

–Вы к кому?

Клавдия Ивановна ответила:

–Здесь проживает человек. – сказала Клавдия Ивановна. – Вчера мы договорились о встрече, – добавила она. – а он не пришел.

–Они уехали. – ответила горничная. Затем она добавила. – Еще на рассвете.

–Они? – удивилась Клавдия Ивановна, спросив. – Он был с кем-то?

–Да. – ответила Горничная. – Он был с женщиной.

Клавдия Ивановна ничего не сказала. Она лишь о чем-то подумала, но о чем? Этого мы никогда не узнаем.

–Хорошо. – тихо ответила Клавдия Ивановна, и уныло пошла прочь от двери, где проживал Кирилл, в сторону своей комнаты.

Горничная, ничего не сказав, тяжело вздохнув, пошла дальше по коридору и скрылась за поворотом.

Клавдия Ивановна, дойдя до своей комнаты, вошла в нее, и заперев ее на ключ, разревелась горькими слезами. Ей стало стыдно за свой поступок. Она поняла, что ей просто воспользовались.

Вернувшись домой, она приступила к своим прямым обязанностям, но вдруг ее вызвали на ковер к шефу, Петру Федоровичу. Тот сидел своим рабочем столом, в мягком удобном кресле. В свои пятьдесят лет он был довольно грузный человек. Принимая решения в своей жизни, он руководствовался лишь учением партии и ее направления. Вот и сейчас, вызвав к себе Клавдию Ивановну, он видел в ней лишь подчинению, и никого боле. На его столе лежала какая-то папка, и когда Клавдия Ивановна вошла в кабинет к Петру Федоровичу, и встала перед ним по стойке смирно, словно пионерка перед своим пионервожатым, тот сказал сиплым голосом:

–Вы где отдыхали?

Не поняв в чем суть вопроса, Клавдия Ивановна переспросила:

–Что?

Петр Федорович спросил снова:

–Где Вы отдыхали:

–В санатории. – растерянно ответила Клавдия Ивановна. Затем назвала его название. – В березке. – затем она спросила. – А в чем собственно дело?

–Так вот. – продолжил Петр Федорович. – Нам стало известно, что в санатории Вы занимались проституцией.

–Что? – ужаснулась Клавдия Ивановна. – Кем? – затем она, поняв, что оговорилась, спросила. – Чем я занималась? Проституцией? – затем она спросила. – Да Вы с ума сошли!?

Петр Федорович раскрыл папку, и извлек из нее несколько фотографий, и протянул Клавдии Ивановне.

– Вот, – сказал он. – Посмотрите.

Клавдия Ивановна подошла к столу, и сев за него, посмотрела на лежащие на нем фотографии. На них была сфотографированы она и Кирилл. На нескольких из фото они ходили по лесу. Ничего предосудительного. А вот на других? Они были из тех фото, какие бы назвали сейчас порно снимки. Лишь невинный поцелуй и нежные объятия. Хотя, в те времена это считалась аморальным поведением. Клавдия Ивановна отложила в сторону фото, и спросила Петра Федоровича:

– И что из того? – затем она в свою защиту сказала. – Я не вижу здесь никакой аморалки, а о проституции и речи быть не может.

– Пусть так. – согласился Петр Федорович. Затем он вытащил из папки еще снимки, на которых был виден их танец, и то, как Клавдия Ивановна целует Кирилла. А на других было ясно понятно, что они делали в комнате, где Клавдия Ивановна провела ночь. Петр Федорович с гордостью сказал. – КГБ работает на славу. – затем он добавил. – Неужели Вы думали, что мы не проверим Вас, прежде чем назначить на такую ответственную должность?

Клавдия Ивановна уныло спросила:

– Кто сделала эти фотографии? – она уже знала ответ на этот вопрос. Та горничная, вот кто поставил просушку и камеры в комнату Кирилла. Но кто их доставил по адресу? На этот вопрос был очевидный ответ. Евгения Романовна. Вот кто их доставил по адресу. Горничная говорила, что Кирилл уехал с кем-то. Теперь не было сомнений, что эта кто-то, эта Евгения Романовна. Больше никому. Клавдия Ивановна поинтересовалась. – И кого на это место Вы назначите? – и отвечая сама себе на этот вопрос, она предположила. – Евгению Романовну?

– Ее.

Тут Клавдия Ивановна съязвила:

– А она что, не проститутка? Вы ее проверяли?

– Ну знаете ли? – пригрозил Петр Федорович. – Вы много себе позволяете, дорогая Клавдия Ивановна. – затем он прикрикнул. – Знайте свое место, а в ЦК не рыпайтесь. «Туда путь заказан», – затем он сказал. Будите пока под началом Евгении Романовны, а потом посмотрим. – секунду помолчав, он бросил. – На этом все, свободны.

Клавдия Ивановна встала из-за стола, и спросила:

– Если я напишу Кириллу письмо, Вы ему передадите?

Петр Федорович изучающе посмотрел на Клавдию Ивановну, а затем бросил:

– Вы свободны.

Клавдия Ивановна, выйдя из кабинета Петра Федоровича не могла только понять одного, если Кирилл выполнял задание КГБ, то зачем он сделал то, что сделал? Ведь это подло, воспользоваться и бросить. Ответ пришел сам собой. Евгения Романовна, вот глава этой истории. Она сделала все что можно чтобы отомстить ей. Тут Клавдия Ивановна вспомнила, что у Жени был брат. Она его никогда не видела, и уж не увидит вовсе. Это он, Кирилл, больше никому. Он брат Жени, и он отомстил за сестру.

Прошли недели, и Клавдия Ивановна поняла, она в положении. Ее шеф, Евгения Романовна отправила ее в долгосрочный отпуск, а затем уволила ее. Так и закончилась эта история. Клавдия Ивановна потеряла все. Работу, уважение. Путь в партийную элиту был для нее закрыт, и даже в областных районах ее не принимали на работу. Все было кончено. С рождением Марьи Клавдия Ивановна сникла. Она не могла смотреть на свою младшую дочь, ведь она разрушала ее карьеру, и напоминала его, Кирилла. С которым она никогда не встретилась. Вот и вся история рождение Марьи.

Сейчас, стоя у окна, и вспоминая те события давно минувших дней, она осознавала, что в том, что случилось есть и ее вина. Она позволила себе тогда расслабиться и влюбиться. Но

этого делать было нельзя. В эту самую секунду, она в истерическом припадке, стала крушить все вокруг. Безумие и глубокое отчаяние. Она винила саму себя и не могла простить. Марья погубила ее карьеру, убила ее дочь Олесю, а теперь она инвалид, и за ней надо ухаживать. Она ненавидела Марью. И в эту самую секунду желала ей смерти. Когда же припадок истерического припадка прошел, и Клавдия Ивановна пришла в себя, она услышала рев ребенка, и подойдя к нему взяла его на руки, и убаюкивая его приговаривала:

–Я никому не отдам мое чадо. – она поцеловала ее в лобик, и добавила. – Никому. – в эту самую секунду Клавдия Ивановна вспомнила что ей звонила Лика, подруга Марьи она вспомнила, что та говорила по телефону, что Марья хочет видеть дочь Олеси. Клавдия Ивановна посчитала это за попытку отнять у нее ребенка, и она решила просто уехать из города, а ребенка сдать в ясли. – Так будет лучше для всех. – решила она. – Ребенок будет под присмотром, и я не буду обременена. – может она и была по-своему права, не знаю? По крайней мере Клавдия Ивановна надеялась, что это правильное решение. Ведь в яслях ребенок будет в безопасности, а она свободна.

Глава 6. Нежданная встреча

Вернемся к Марье и ее подруге Лике. Начнем с того, что Лика после того, как позвонила Клавдии Ивановне и получила жесткий отказ в том плане, что Марья никогда не увидит свою племянницу, сказала Марье, что Клавдия Ивановна не согласилась привести к ним девочку. Что она вообще не хочет, чтобы мы имели с ней какое-либо дело, и у ней забыли навсегда.

Лежа в кровати, Марья поинтересовалась:

–А может нам ее удочерить? – затем она поправила. – Вам, Лика.

Лика внимательно посмотрела на Марью, и прочтя в ее глазах нечто страшное, воскликнула:

–Не смей даже думать об этом! – затем она сказала. – Многие люди живут хуже, чем Вы Марья. Но они не сдаются.

–Я не понимаю. – ответила Марья. – О чем Вы это сейчас говорите?

–Об этом. – сказала резко с чувством переживания за свою подругу Лика. – Я что не понимаю!? Хотите, чтобы я воспитывала ребенка, а сами в кусты? – рвала и метала Лика. – НЕПОЛУЧИТЬСЯ. – заявила она ей. – Воспитывать будем вместе, и ни о каких суицидов не может быть и речи.

Обескураженная Марья, ничего не понимала. Она не понимала, при чем здесь суицид? Ведь она и не думала об этом. Тут до нее дошло, что Лика вспылила из-за того, что она сказала: А может нам ее удочерить? – затем она поправила. – Вам, Лика. Да, это так. Очевидно, не поняв до конца смысл ее предложение, Лика вспылила.

–Вы подумали? – улыбнулась Марья и рассмеялась. – Ну, с позволения сказать Вы дура, Лика. – затем она сказала. – Ни о каком суициде речи не было. Я лишь хотела сказать, когда предложила удочерить ребенка Олеси, что мне-то возможно не дадут ее удочерить, – объясняла Марья. – А Вам Лика могут разрешить ее удочерить, и только.

На лице Лике возникло глубочайшее непонимание. Она не могла поверить сама себе, что неправильно поняла Марью. Ведь в действительности та была права. Ей могут не дать удочерить дочь Олеси, ее племянницу, а Лика может. У нее больше шансов чем у Марье удочерить маленькую девочку.

–А я-то тут подумала!? – облегченно вздохнула Лика, и обе женщины рассмеялись.

Марья сказала:

–Вот дура!

Лика тотчас же отпарила:

–Точно. – после чего Лика сказала. – Я, конечно, помогу. Признаться мен тоже не доставляет особой радости видеть, как дочь Олеси воспитывает этот монстр. – затем она добавила. – Excusez de l'impertinence. «Извините за дерзость: французский».

Марья, услышав французскую речь, поинтересовалась:

–Почему на французском?

–Не знаю. – пожала в ответ плечами Лика. – Просто сказалось. – затем она поинтересовалась. Хочет ли она приобрести какую-нибудь профессию? На что услышала грустный ответ.

–Какая тут профессия? У меня же нет ног.

–Есть профессии, в которых ноги не играют никакой роли.

–Это что еще за профессии такие? – удивилась Марья. – хотела бы я посмотреть на тех умников, – раздраженно сказала Марья, и добавила, – кто не пользуется ногами в своих профессиях.

Понимая всю безысходность сложившейся ситуации, Лика сказала:

–К примеру литераторы.

На что Марья отрезала:

–Писателем можно и не быть, если закончишь литературный институт. – затем она добавила. – А кто его не закончил, тот возможно и писателем стал бы. – затем она с явной легкой иронией заявила. – Жаль, что в России бесплатно книги не печатают. – затем она отрезала. – Кто талантлив, у того и денег нема. А кто бездарность, того печатают. – затем она сказала. – Вы правы, в этой профессии ноги не нужны, одни только деньги. – затем она привела пример. – Я как-то свои стихи хотела опубликовать, так мне заломили такую сумму, наверное, весь десятилетний бюджет России можно было съесть за эти деньги.

Лика схватившись за грудь, воскликнула:

–Не может быть?

Марья с унынием ответила:

–В этой стране все что угодно может быть, даже если этого быть не может.

Тут Лика поинтересовалась:

–А что, пишете?

–Разное. – ответила Марья. – Так называемые произведения о жизни, такая какая она есть без утайки и лжи. – затем она с отчаянием сказала. – Да они никому по правде не нужны. Кто захочет читать сам о себе правду? Лучше прочтут о чем-то ином, – затем она привела пример. – как воруют, например. Сажают потом исполнителей, а заказчики в стороне остаются. Ведь они сильные мира сего. Всегда в тени и на веху. А те, кто украдет грош, посадят. Вот так-то, – закончила Марья. – такие вот дела.

Лика понимала, что Марья права. Все в этом мире изменилось, и не в лучшую сторону. Начало девяностых озментавались бандитскими разбойниками, лихими парнями так сказать. Сколько тогда народу полегло, ужас.

–Так что же дальше? – тихо спросила Марью Лика. – Как жить дальше? Что будете делать?

Марья пожала плечами, сказав:

–Не знаю? – затем она сказала. – Может быть я поступлю... – она сделав паузу, удрученно добавила. – Хотя куда там, везде деньги нужны, даже если говорят, что это бесплатно.

–Может быть оно так и есть. – согласилась Лика с Марьей. Затем она сказала. – При КПСС так обнищал народ что, теперь все мало ему, как не посмотри. – затем она сказала. – Хоть и при КПСС было бедно, зато люди жили, а при России все стали миллионерами, зато половина в могиле, а вторая половина в тюрьме. – она, сделав паузу, неоднозначно закончила. – Вот и думай, когда на Руси жить было хорошо?

Разговор зашел в тупик. Обсуждение того, когда на Руси жить было, хорошо подошел к концу. Говорить было не о чем. Теперь, чтобы вернуться к разговору об Олесе, первоначально Марья поинтересовалась:

–Как бы мне раздобыть коляску, чтобы я могла перемещаться?

–Это надо обратиться в соцзащиту. – ответила Лика. – Они занимаются этими вопросами. – затем она сказал. – Но сначала нужно оформить инвалидность.

Марья сказала:

–Одна я не справлюсь. – затем она спросила. – Поможете?

–Конечно помогу. – поспешила ответить Лика, и затем завершила. – Можете всегда на меня рассчитывать.

Оформление инвалидности было трудоемким и тяжелым трудом. Коляску, которую получила Марья в Раменской хирургии была неподъемная. Ее нельзя было сдвинуть с места, и поэтому Лике пришлось нанимать людей, чтобы те помогли ей перетащить Марью на первый этаж многоквартирного, и вынести ее во двор, чтобы посадить на задние сидение Ликеной авто.

Обход врачей продолжался целую неделю или две. Затем ее поставили в очередь на оформление группы, на месяц вперед. И только взятка помогла получить ее на следующий день. Третья – работающая, такой был вердикт комиссии. Та посчитала, что если у Марьи есть руки, то и работать она может, а остальное неважно. В собесе ей назначили мизерную пенсию, и отправили на все четыре стороны. Что касается соцзащиту, то на коляски у них была очередь на полгода вперед. Так что инвалидную коляску Марья можно сказать не получила. Вместо этого она получила справку, что не может самостоятельно передвигаться, и ей требуется инвалидная коляска. Заверенной сотрудником собеса и главврачам городской больницы Лику направили в магазин по продаже инвалидных колясок, костылей и прочие. Там все же Лика купила инвалидное кресло, выложив за него годовой свой бюджет. Зато чешское, легкое. Ни то что дали в больнице, русское, двухтонное. На нем даже сидеть неудобно, спину ломит, и кости жмут в подлокотниках. А ездить вообще невозможно. Зато русское, патриотическое.

Лика прогуливалась в парке вместе с Марьей. Та весило руками крутила колеса инвалидного кресла, смотрела по сторонам, и любовалась природой. Осень близилась к своему финалу, вот-вот вступит в свои права белоснежная зима. Марья сказала:

–Я хочу полюбоваться этой красотой.

Лика подвезла коляску к неподалеку стоящей лавке. Поставила ее у нее, а сама села рядом.

Марья сказала:

–Я всегда любила осенний листопад. Вот и сейчас укрытый желтым ковром опадающих листьев, я чувствую какое-то умиротворение. Мне хорошо, и я рада этой успокаивающей умиротворенности.

–Я тоже. – тихо ответила с грустной и печалью и в то же время радостью Лика. – Все покойно. «Покойно как никогда», – затем она сказала. – Мне иногда кажется, что в такую погоду хочется просто отдохнуть, забыться. – сделала паузу она тихо добавила. – Только я, и больше никто.

–Что? – переслушала Марья. – Что Вы сказали?

–Ничего. – ответила Лика. – Просто иногда всем хочется побыть одним. – призналась она, и добавила. – Наедине с самой собой.

–Так давайте помолчим. – предложила Марья. – Каждая подумает о чем-то своем, личном.

–Я уже давно ни о чем не думаю, – призналась Лика. – и не могу ни о чем думать. – затем она сказала. – Все что есть у меня это Вы, Марья.

Тут Марья потребовала объяснений:

–Что Вы имеете в виду?

–Ничего. – с грустью ответила Лика. Затем она призналась. – Я не могу иметь детей. – она заплакала, и затем добавила. – У меня мертвые яичники. – затем она добавила. – Это приговор.

Марья долго молчала. Она не знала, что сказать? Ей не было что сказать по этому поводу. Она понимала, что сама она никогда не вырастит своего ребенка, а Олеся? Если она еще возьмет и ее ребенка? Если его ей дадут? Сможет ли она его вырастить? Вряд ли. Тут она словно успокаивая Лику, сказала:

–Давайте удочерим ребенка Олеся, и вместе с моим ее вырастим. – затем она добавила. – я возражать не буду, ведь мне одной даже своего ребенка не вырастить.

Лика тихо, нежно-вопросительным взглядом посмотрела на Марью, и ее сердце облилось кровью. Она понимала, что эта бескорыстная жертва со стороны Марьи была добровольной. По сути, она предложила ей стать няней для обоих детишек. Их второй мамой.

–Я всегда знала, что у вас Марья добрая душа, – сказала Лика. – а сердце еще добрее. – затем она заверила Марью, что завтра она подаст от их обеих заявление в соцзащиту, в

отдел семьи и ребенка о том, чтобы им обеим разрешили удочерить дочь Олеси Анастасиевны Мщэртц.

В это самое время по пару прогуливалась какие-то три женщины. Одна из них сидела в инвалидном кресле, вторая находилась за ним, и везла это кресло. А около них шла третья женщина. Марья, увидев ее, никак не могла вспомнить, где она ее видела. Ее лицо было ей знакомо, но она так и не могла вспомнить, где она ее видела? Марья никак не могла вспомнить, где она ее видела. Мучительно вспоминая, где бы она ее могла видеть, она так и ни вспомнила, где она ее могла видеть? Вся информация была стерта. Проходя мимо Марьи, никто даже не обратил на нее внимание ее словно не было ни для кого. Со стороны казалось, что ее будто бы и не существовало вовсе, даже для той которая, как и она сидела в инвалидной коляске. На миг Марья ужаснулась. Она вдруг поняла, что никто не посмотрит на нее. Некому ни надо девочка-инвалид. Инвалид которая не имеет ног. Она теперь отчетливо и ясно поняла, что она осталась одна. Она такая же как эта девочка и инвалидном кресле. Ее просто везут на прогулку. Кто-то кто за ней все же ухаживает. А не будит их, кто станет ухаживать за ней и за кем-то бы ни было? Понятное дело, никто. Что дальше? Лишь пустота. Так и на душе у Марьи было пусто и уныло. Ко всему прочему шелест опавших листьев говорили ей о том, что ничто не может быть вечно. Она так же, как и они когда-то увянет, и тогда деваться будет просто некуда, лишь ждать сидя у окна старушку-смерть. В эту минуту одна из женщин обернулась, и с жалостью посмотрев на Марью, тяжело и горько вздохнула. В эту самую минуту она узнала ее. Да, эта та девка с пушкинской площади которая курила и пила. Она вспомнила, как один из парней, крикнул словно издеваясь. – «Во! Смотрите! Юбка сидит, думает? – вся компания рассмеялась. Затем он крикнул. – Эй! Тормоз, я к тебе обращаюсь! – затем он под нос плюнул. – Чувырла. – затем он снова крикнул. – Твое время прошло! Что сука! Сидишь? Дома небось миллионы лежат. – затем он крикнул. – Эй, я к тебе обращаются, швабра! Где миллионы?»

– Да что с этой сукой говорить? – раздался чей-то женский голос. – Не видишь Сань, она не из наших.

– А мне плевать. Ишь, какая краля сидит! Читает? Сразу видно из тех, интеллигентка сраная. – затем он обратился к какому-то парню. – Эй коришь, наливай. Сейчас она с нами за свободную жизнь выпьет.

Коришь налил стакан водки, и протянул его своему корешу, Сани.

– Держи.

Тут сидящая рядом девка, с призрением сказала:

– Да она небось и сигареты никогда не пробовала курить? – и закурив одну сигарету, она бросила. – Сука. – и сделав затяжку, она сказала. – Блин, водки хочу, и взяв бутылку водки, начала пить из горла. Затем поставив бутылку на скамейку, сказала. – Вот так надо. – затем она обтерла губы рукой, и сделав затяжку, крикнула. – А ты так можешь?

Тут все увидели, как женщина встала с лавки и пошла прочь.

Вслед ей эта компания что-то кричала. Но Вероника уже не слушала их. Признаться ей было все равно. Она знала, что то, что она написала в этом журнале, поймут единицы, а остальные просто проигнорируют это, и будут жить дальше, как неформалы – граждане новой России. Сейчас она шла к себе домой, домой, где ее ждали Лена и Вера. Она взяла их к себе, чтобы помочь им. Помочь выйти из этого положение, в которое они попали. И в это время ее сотовый зазвонил. Вероника взяла трубку сотового, и нажав кнопку вызова, спросила:

– Это кто?»

Да, она не забудет этого никогда. Будет помнить до своей гробовой доски и даже после смерти.

Тем временем, Марья пристально смотрела на женщину, прошедшую мимо нее. Она не могла вспомнить, где она ее видела? Но она своим нутром чувствовала, что она ее знает, а та знает ее.

Трое женщин остановились. Все трое посмотрели на Марью, и затем, одно из женщин что-то сказала своим спутницам, а затем все трое направились к Марье. Когда они к ней подошли, Марья поспешно поинтересовалась:

–Мы знакомы?

–Да. – тихо ответила женщина. – Мы знакомы. – она молча смотрела на Марью. Ей не было что сказать? Да и говорить-то было нечего. Впрочем, женщина сказала. – Помню, недавно Вы были красноречивей. – сказала она. – Обкурились и об пились. – затем она поинтересовалась она, а затем сыронизировала? – И где же теперь так называемые Ваши друзья? – затем она усмехнулась. – Что, бросили?

–Нет. – ответила ничего не понимающая Марья. – Они меня не бросили. – затем она добавила. – Они погибли.

Женщина тотчас же отпарила:

–Сожалею. – затем бросила. – Но вряд ли Вы понимаете значение этого слова; сожалею.

–Нет. – ответила Марья. – Я хорошо понимаю значение этого слово. – затем она добавила. – Как никогда. – затем она спросила. – Все же, кто Вы?

Женщина представилась:

–Меня зовут Вероника Васильевна. – затем она напомнила. – Я та женщина, – строго сказала она, – которую Вы так ласково прогнали с Пушкинской площади.

Тут Марья вспомнила:

–Конечно! – и с радостью что все же она вспомнила хоть что-то, с явным восторгом добавила. – Юбка.

–Не знаю для кого как? – строго сказала Вероник Васильевна. – А для Вас я Вероника Васильевна. – затем она подчеркнула. – Прошу запомнить.

Марья побледнела. Ей было стыдно что она назвала эту женщину, юбкой. Это всего лишь сленг, и ничего больше. Молодежный сленг, который зародился еще в конце восьмидесятых, или раньше? Кто знает? Марья извинилась, а затем представилась:

–Меня зовут Марья, а эта... – она хотела представить свою подругу Лику, но той не было наместе. Марья подумала, что Лика куда-то ушла, и она здесь, не по далека.

Вероника Васильевна поинтересовалась:

–А эта? Что?

–Ничего. – весело ответила Марья. – Очевидно свежий воздух ударил мне в голову. – сказала она. – Вот и все думаю, что я не одна.

–Ясно. – ответила Вероника Васильевна. Затем она снова напомнила свое имя и представила спутниц. – Эта сидящая в кресле милая девушка, Лена, а эта ее подруга, Вера.

ВЕРА: – Очень приятно.

ЛЕНА: – Очень приятно.

МАРЬЯ: – Мне тоже.

Марья предложила женщинам сесть на скамейку, и сев, женщины разговорились. Они говорили обо всем, в том числе и о том, как они дошли до такой жизни. Каждая из них рассказала свою историю. Лена и Вера рассказали о докторе Зенькове, и о том препарате, который стал их пропуском к наркотикам. Марья рассказала о том, как она потеряла ноги. О том, что ее друзья погибли, а она осталась беременной. Выслушав рассказ Марьи, Вероника Васильевна с горечью сказала:

–Что ни говори, но за свою беспечность всегда надо платить. – она тяжело вздохнула, и добавила. – Жаль, что порой беспечность приводит к непоправимому результату, порой трагичным.

Марья поинтересовалась:

–О чем это Вы?

–Об этом. – сказала Вероника Васильевна. – О том, что сейчас уже поздно искать виновного, результат налицо. – затем она добавила. – Теперь только кресло-инвалида – это удел всех, кто относиться беспечно к своей жизни.

–Вы правы. – согласилась Лена. – Мы не понимаем порой что за свою беспечность порой приходится расплачиваться, а когда понимаем уже поздно.

–Да, – задумчиво ответила Марья. – беспечность никогда не была ненаказуемой.

Вероника Васильевна посмотрела на часы.

Лена поинтересовалась:

–Который час?

–Половина шестого.

–Нам пора. – сказала Лена. – скоро стемнеет, а нам еще домой надо как-то добраться.

–Да. – согласилась Вера. – Пора домой.

Вероника Васильевна поинтересовалась:

–Вы здесь одна?

–Нет. – ответила Марья. – Со мной подруга.

Попрощавшись три женщины, ушли, оставив Марью сидеть у скамейки в инвалидном кресле.

В этот момент появилась Лика с пакетом-сумкой в руке. Она, как и раньше сидела на скамейке рядом с Марьей, а пакет-сумка лежала рядом.

Увидев Лику, Марья сказала:

–Я не заметила, как Вы вернулись.

–Я никуда и не уходила. – ответила Лика. – Была здесь, недалеко. – она показала левой рукой вдаль. – Он у той палатке.

Марья посмотрела вдаль, туда куда показывала рукой Лика, и увидела стоящую неподалеку палатку, у которой стоял народ. Марья поинтересовалась:

–Что там продают?

–Воду и булочки. – Лика достала из пакета-сумке булочку, и протянув ее Марьи, поинтересовалась:

–Будите?

Марья взяла булочку, и поблагодарив подругу, поинтересовалась:

–Попить что-нибудь есть?

–Простая вода.

–Хорошо, давайте. – поспешно ответила Марья, добавив. – Пить хочется очень.

Лика дала Марьи воду, и та, открыв ее тотчас принялась пить. Она пила ее с жадой. Казалось, что Марья не пила целую неделю, а затем она увидела следующее.

Глава 7. В парке

Итак, Лика дала Марья воду, и та, открыв ее тотчас принялась пить. Она пила ее с жадой. Казалось, что Марья не пила целую неделю, а затем она увидела следующее. На парк опустилась тьма. Все вокруг стало темным-темно. Ничего не было нигде видно. Какой-то страх и полная опустошенность чувствовалось из темноты. Но вот включились фонарные фонари, и на дорогу упал тусклый свет. Марья посмотрела вокруг, все было в полумраке, и лишь вдали у палатки скопилось множество народа. Они стояли в очереди и что-то покупали. Затем они направились по дороге к скамейке, где сидела Лика, и Марья. Приближаясь все ближе и ближе, Марья видела их, но не могла понять, кто они такие. Казалось, что они были совсем из другого времени. И ни то, что из другого времени, из другой эпохи. Мужчины так же, как и женщины, были одеты в костюмы и фраки восемнадцатого – девятнадцатого века. Кто-то в руке держал трость, кто-то зонтик.

Марья недоуменно посмотрела на Лику, и увидев, что та смотрит на нее, поинтересовалась:

–Что происходит?

На лице обеих женщин читалось недоуменное удивление.

–Не знаю. – ответила Лика, и посмотрев на проходящих мимо людей, предположила. – Очевидно это из-за пирожков и воды, которые мы съели.

–Наверное я сплю. – предположила Марья. – И сейчас Вы и все эти люди снятся мне.

–Возможно это так оно и есть. – согласилась Лика, и предположила. – Я даже готова допустить, что мы обе спим, но почему нам тогда снится одно и то же? – не понимала Лика. – Почему?

Марья растерянно пожала плечами.

–Сама не знаю, почему?

В этот самый момент к скамейке подошла какая-то женщина, и села. Женщины посмотрели на нее, и Марья тотчас признала в ней свою сестру, Олесю Анастасиевну. Она посмотрела на сестру, и сказала:

–Это я, Олеся. – грустная женщина с потеряннм лицом. Впрочем, лицо как таковое у нее было, но оно было безрадостным, унылом, потеряннм. Мы никогда не задумываемся над тем, что вообще такое, потерянное лицо? Для кого-то это сравнимо с честью. Для кого-то с долгом. Для иных упасть в глазах общество. Они так стремиться ввысь, что даже не замечают, что, по сути, они уже внизу. Они не существуют по их неверному мнению, что они потеряли лицо, ударили в грязь так сказать. Может быть по-своему они и правы. Но все же, что есть выражение, потерянный вид, и выражение потерять лицо? Они кажутся разными, но, по сути, это одно и то же. Разница лишь в том, что выражение потерять лицо – это попросту лишь утратить доверия коллег или семьи, а выражение ударить в грязь это значит сделать какой-либо поступок, который будет до того неприличен, что вам скажут эти слова, и вы потеряете лицо, то есть вы перестанете существовать как личность в их глазах. Что касается Олеси Анастасиевны, то выражение потерять лицо, для нее было заключено в следующем. Она потеряла ребенка, и теперь зная, что ее дочь у ее матери, а та могла сделать с ним что угодно, а защитить его она не могла. Это и значило для нее, потерянное лицо. Она сказала:

–Моя дочь в опасности. – затем она добавила. – Ее наша мать хочет отдать на попечение государству. – затем она жалобно, словно прося о помощи, произнесла. – Спасите мою

дочь, Диану. Так я ее назвала по имени. Подайте заявление в службу опеки. Не дайте Клавдии Ивановне сделать задуманное.

Не зная, что и сказать, Марья сказала лишь одно:

– У меня есть такая мысль, но кто мне ее доверит? Ведь я – инвалид.

Тут Лика спросила:

– А Лика, она сможет помочь?

– Не знаю. – ответила Марья, и посмотрев на Лику, спросила, поможете?

– Конечно. – заверила Олесю Анастасиевну Лика. – Помогу.

– Хорошо. – облегченно вздохнула Олеся. – Теперь я спокойна. Затем она сказала. – Я еще не умерла.

От этих слов Марья остолбенела. Кто бы мог подумать, что сказанное Олесей Анастасиевной будет правдой? Ведь она погибла, так во всяком случае сказали Марье врачи.

– Но как это возможно?

– Авария была подстроена. – неожиданно сказала она. Затем она рассказала о том, что некий доктор, которого звали, Кум Карла Ибрагимовича, заинтересовался ее ребенком. Он говорил, что он родиться больной, что у нее врожденная ДЦП, и ему потребуется специальное лечение: – Тогда он предложил мне избавиться от ребенка, а когда я отказалась, он заявил, что я еще пожалею, что не сделала аборт. Когда я узнала о том, что Вы, Марья в больнице, – продолжала свой рассказ Олеся, я тотчас же приехала к Вам, и здесь я встретила доктора Кум. Он мне снова предложил сделать аборт, и когда я отказалась, он, каким-то образом устроил мне преждевременные роды. Очевидно все дело в успокоительным, которое мне дали, прежде чем когда я посетила Вас. – затем она продолжила. – Когда меня повезли в роддом, я по дороге родила. А так как на мосту была огромная пробка, вскоре приехала еще одна скорая, и повезла меня через Сафоновский переезд, в роддом. – затем она сказала. – По дороге мне сделали как мне сказали, успокоительный укол, и я уснула. – затем она сказала. – Теперь я в коме, лежу в московском центре. Что касается моей дочери Дианы, то эта так называемая авария, была выдумана самим доктором Кум. На самом деле никакой аварии не было, была лишь пародия на нее. Кто-то сказал, что на Сафоновском переезде была авария, и доктор Кум воспользовался этой информацией, и, убедил в этом Клавдию Ивановну. Та взяла ребенка к себе, а сейчас хочет от него избавиться. – затем она сказала. – Это на руку доктору Кум, и он сейчас хочет во чтобы-то не стало заполнить ребенка.

Не веря услышанному, Марья поинтересовалась:

– Зачем это ему надо?

– Все дело в деньгах. – сказала с удручающей грустью Олеся Анастасиевна. – Дети идут на трансплантацию. – сказала она. – Самый лучший материал, – с усмешкой добавила она, и с иронией произнесла. – Не испорченный. – затем она попросила снова о помощи. – Теперь Вы понимаете, почему я прошу помощи? Я прошу ее не ради себя, а ради моей дочери, и справедливости, какой бы она ни была.

– Мы, конечно, поможем Вам. – заверила Олесю Марья. Она была вне себя от услышанного. Она даже не понимала, как это вообще возможно, чтобы доктор отнимал ребенка от матери? Лишал ее материнства, а ребенка попросту лишал жизни. И ради чего? Денег. Лишь деньги главное в их жизни. Деньги, и ничего другого. Ведь деньги – это бог или боги. Их много. В каждой стране она своя – валюта. Ее много, и лишь три из них наиболее ценны, Американский доллар, Европейская евро, и Английский Фунт-Стерлинг. Все остальные понятия о валюте, эфемерны. А что касается Российского рубля, то его вряд ли можно увидеть, лишь в России. Кстати, Вы знаете почему Россия до сих пор в рублевой зоне? Не знаете, так я скажу. Российская заработная плата составляет около сорока тысяч на две тысячи двадцатый год, – его начало. А в евро она бы составляла пятьсот шестьдесят три евро. Как говорится поднимать заработную плату в евро никто не захочет, да этот невыгодно России. Ведь тогда свой бюджет

чиновнический аппарат должен пересмотреть, а это значит уменьшения их заработных плат. А кто добровольно от денег откажется? Лишь дурак. Правда сейчас вышла банкнота в две тысячи рублей. По цвету вроде евро, а по сути... бумага, бумага и есть. Дубовый рубль, так его прозвали в народе. Но вернемся к Марье. Она сказала, заверив Олесю. – Мы завтра же подадим заявление на совместное удочерение или опеку. – затем она спросила. – А что это за место?

– Другой мир. – объясняла Олеся Анастасиевна. – Мир, где нет страданий и мучений, только покой. Покой и умиротворение с самим собой.

Марья поинтересовалась:

– Разве существует такой мир?

– Да. – ответила Олеся. – Существует, – затем она показала рукой на дорогу по которой шли прохожие. – Вот он, мир покоя и безмятежной души. – затем она сказала. – Они, люди идут по дороге к покою безмятежного пути. Они идут и им покойно. Все здесь покойно. Тишь и благодать, покой и безмятежный дух. Что нужно еще для счастья? «Больше ничего», – затем она сказал. – Жаль, что на земле нет такой же безмятежной красоты и покоя. Безмятежной души. Лишь деньги на земле дороже всех на свете, и оттого всечеловеческие проблемы.

– Вы правы. – согласилась Марья с Олесей. – К сожалению везде ценят деньги, а о покое как-то само собой забывается.

– Вот видите, я права. – затем она добавила. – Жаль, что люди не понимают этого.

– Ничто на земле не вечно. – сказала Марья. – Может быть люди когда-то поймут, что все на свете не вечно, и деньги, это всего лишь пыль, а покой, он вечен. – затем она спросила. – Так я могу быть уверена, что мою дочь Диану, избавите от страданий, которые уготовила ей Клавдия Ивановна, наша мать.

– Да, уверена. – затем она добавила. – Я же уже говорила об этом.

– Да, говорила. – тихо ответила Марья. – И я пообещала выполнить Вашу просьбу. – затем она призналась. – У меня самой была такая мысль.

– Хорошо. – тихо сказала Олеся. – Так оно и будет. – затем она исчезла, оставив Марью, сидящей в своем кресле.

Когда Олеся исчезла, Лика спросила:

– Как Вы думаете, она сказала правду?

– Это Вы о чем?

– О докторе Кум?

– Не знаю. – неуверенно ответила Марья, и добавила. – С этим надо разобраться. – затем она тихо сказала. – Пора домой. – Лика встала со скамейки, и обойдя кресло-каталку сзади, взяла ее за ручки, и повезла по дороге к выходу из парка. Они даже не заметили, что шли по дороге, по которой еще шли люди из иного века. Другого времени, другой эпохи. Марья сидела в кресле, и задумчиво смотрела вдаль. День заканчивался, а время, нет. Оно словно бежало впереди нее, и тотчас же замедлялась. Шедшие возле нее люди словно вихрь помчались вдаль, оставив после себя лишь призрачное воспоминание о былом. Тем временем Лика везла Марью. Она видела, что все ускорило. Ветер зашумел и желтые листья сорвало с веток деревьев, и они закружились в пришедшем вихре лунного света, и тихо легли на землю. Укрыв ее желтым одеялом, они словно светились под желтым светом бабушке-луны, и мерцания ночных звезд. Все тихо и хорошо. Покой и тишина. Гулять бы по такой дороге, и не о чем не думать. Жаль, что сказка заканчивается, и начинается жизнь.

Выехав из парка, Марья и Лика попали в водоворот реальной. Мимо них пролетали авто, народ суетливо спешил куда-то. Не замечая друг друга, они летели лишь только вперед. Не оглядываясь по сторонам. Они шли только вперед. Не останавливаясь ни на единую секунду. Для них она как бы и ни существовала. Люди просто не замечали ни Лику, ни Марью. Да, впрочем, что их замечать, ведь в толпе жизненного пути и его никто не замечает других проблем. Проблем других, тех кто не может вести полноценную жизнь. Кто они? Инвалиды. И никому

они не нужны. Лишь они вынуждены доказывать другим, что они на что-то способны, но все их попытки тщетны. Лишь жалость их удел, и глубокое сочувствие, которое можно засунуть, в... Государство даже пенсию зажимает, только говорит, что прибавляет, а на самом деле? Нет. Попробуй инвалиду прожить на десяти тысячах целый месяц. На лекарства не хватит, а на жизнь уж... а еще за квартиру плати. Смех, да и только.

Марья посмотрела на Лику, и с грустью сказала:

–Очевидно на такси нам не доехать, а на метро тем более. – затем она пояснила. – Ведь лифты для инвалидов-колясочников в нем не предусмотрены.

–Что ж, – с грустью сказала Лика. – Вы правы. – затем она как бы подбодря сама себя, и Марью, сказала весело. – Да ну его, это такси и это метро! Мы и так доберемся. Всего лишь несколько километров и мы дома.

–И то верно. – согласилась Марья, и с радостным возгласом сказала. – Поехали.

Глава 8.

Дорога домой: размышления на тему...

Итак, Марья посмотрела на Лику, и с грустью сказала:

–Очевидно на такси нам не доехать, а на метро тем более. – затем она пояснила. – Ведь лифты для инвалидов-колясочников в нем не предусмотрены.

–Что ж, – с грустью сказала Лика. – Вы правы. – затем она как бы подбодряя сама себя, и Марью, сказала весело. – Да ну его, это такси и это метро! Мы и так доберемся. Всего лишь несколько километров и мы дома.

–И то верно. – согласилась Марья, и с радостным возгласом сказала. – Поехали.

Лика везла кресло-коляску, в которой сидела Марья по пешеходной дорожке. Никто на них не обращал никакого внимания. Их будто бы не было вовсе. Одни на этой дороге жизненного пути.

–Я словно одна. – сказала Марья. – Одна в этом безумном-безумном-безумном мире.

–Нет. – тихо ответила Лика. – Вы не одна. – затем она сказала. – У Вас есть я.

Марья посмотрела на Лику, и сказала:

–Сейчас, да. У меня есть Вы. – затем она добавила. – Но насколько хватит Вас чтобы заботиться обо мне?

Лика поспешила заверить:

–Я буду с Вами всегда.

–Нет. – ответила Марья. – Я знаю, что когда-нибудь Вы уйдете. Встретите кого-нибудь и уйдете. Я даже не буду Вас за это винить. Ведь каждый человек хочет счастья, а до чужого горя ему и дело никаких нет.

–Порой в своих горестях и печалях виноваты мы сами.

–Это так. – согласилась Марья. – Жизнь не такая какую мы сами себе ее представляем. Она жестокая, и ошибок не прощает.

Лика заметила:

–А Вы изменились.

–Конечно я изменилась. – усмехнулась горько Марья. – Мое детство кончилось, – сказала она. – а будущее моей жизни так и не наступит. – она посмотрела на кресло, и на свой обрубок левой ноги, тяжело и как будто печально вздохнула, а затем сказала. – Больше я никогда не смогу ходить, и даже если мне на одну ногу поставят протез, то все равно без костылей я не обойдусь.

–Так оно так. – огласилась Лика. – Костыли понадобятся. – затем она добавила. – Но ходить все же будет можно.

В эту оптимистическую надежду ни Лика ни Марья не верили. Да и как можно было верить, если второй ноги не было вовсе, а левая, лишь половина. Это, по сути, было невозможно. Ведь кто знает, что может случиться с протезом?

–Не надо обнадеживать меня. – сказала Марья. – Мы обе знаем, что ходить я больше не смогу.

Тем временем они подъехали к перекрестку. Лампа светофора только что зажглась красным светом для пешеходов. Машины взревели, и помчались по дороге навстречу своим заботам и приключением.

Марья сказала:

–Мне порой кажется, что я хочу сесть в одну из этих проезжающих мимо меня машин, и уехать далеко. Так далеко, чтоб меня никогда и ни при каких обстоятельствах ни нашли. –

затем она сказала. – И этого я сделать не могу. – секунду помолчав, она сказала. – Я не могу прыгнуть. Не могу оттолкнуться от земли. Ведь я ее не чувствую.

Лица удивилась:

–Разве чтобы запрыгнуть куда-либо надо чувствовать землю? – затем она сказала. – Порой толчок для прыжка нам дает простой человеческий импульс. «Порыв души так сказать», – затем она сказала. – Для прыжка нужен лишь прорыв, и больше ничего. – затем она добавила. – Порой люди имеющие все части тело неспособны совершить хоть какой-то подвиг, а те, у которых нет каких-либо частей тело, или у кого сломан позвоночник, и они никогда уже не встанут, те могут совершить поступки. Так что каждый человек способен на многое. – заканчивала она свое рассуждение. – Вопрос в том, способен ли человек совершить этот поступок?

–Я уверена. – сказала Марья выслушал Лику. – Вы правы. – тихо сказала она, а затем добавила. – Совершить поступок, надо смелость, и порой безрассудство. – затем она с явной долей иронией добавила. – Но не глупость. – затем она снова посмотрела на свой обрубок ноги, и сказала. – Глупость стала гарантией моей инвалидности. – горько заплакала она. – Благодаря моей глупости и беспечности я сижу в этом кресле и никогда больше не встану. – затем она утерла слезы, и для пешеходов загорелся зеленый свет светофора. А Марья горько и с отчаянным выругнулась. – Будь же проклята моя глупость и беспечность. – затем она поправилась. – Будь же проклята глупость и беспечность. – затем она сказала. – Будь же проклята человеческая глупость и беспечность.

Тем временем Лица сказала словно потребовав:

–Успокойтесь. Что было то было. «Ушедшего не вернешь». – затем она сказала. – Он, зеленый свет, можно переходить. – и задав направление она бодро сказала. – Теперь только вперед. Не оглядываясь назад. – она задала направление, и показав рукой на другую сторону дороги, добавила. – Вперед.

–Вы правы. – согласилась Марья, и приободрившись, добавила. – Вперед.

Лица взяла в свои руки ручки кресло, в котором сидела Марья, и повезла его на противоположную сторону улицы.

В это самое на переходе остановилась машина. Серый седан. В нем сидела семья. Женщина, мужчина, и двадцатилетний их оболтус. Увидев девочку без ног, сидящую в кресле инвалида каждый из них о чем-то подумал.

Женщина: – «Бедная девочка. Вся жизнь теперь не сможет познать радость жизни. Где только были ее родители, когда случилась беда. Что с ней станет? Представить сложно. А в ее жизни все было когда-то. Она могла выучиться, и стать, например врачом, адвокатом, судьей. Могла бы открыть собственное дело, и жить в свое удовольствие. А теперь? Что теперь? Вся ее жизнь пройдет в этом кресле. Она прикована к нему навечно. До самой ее смерти. Я бы таких родителей, которые не следят за своими детьми. Я бы их...»

Мужчина: – «Что за черт. Разъездились здесь, проехать негде. Сидели б дома, и глазели в окно. Что им еще делать? Только и глазеть в окна».

Женщина: – «Интересно, кто-нибудь у нее есть? Неужели она одна? Ведь так нельзя, не проживешь. Вряд ли у нее кто-нибудь есть. Ведь от таких людей общество просто избавляется. Обществу такие люди попросту не нужны».

Мужчина: – «Что так долго красный свет горит? А эта, что так медленно едет. Как черепаха ползет. Вот включит светофор зеленый свет, а эта еще дорогу не переедет. И жди ее потом еще девяносто секунд. Ненавижу».

Женщина: – «Ну даже душа разрывается. Бедная девочка, одна. Одна, и нет никого кто бы помог ей».

Мужчина: – «Скорей же! Зеленый сейчас включиться, а эта, как черепаха ползет. Шевелись, Безногая. Ей бы в дом инвалидов переселиться. Пусть там живет, а здесь не разъезжает».

Оболтус: – «Клева! Расскажу пацанам, не поверят. Телку в инвалидной коляске видел. Клева».

Женщина: – «Что так долго красный свет горит? Скорей бы зеленый загорелся. Уехать отсюда куда подальше, чтобы всего этого не видеть».

Мужчина: – «Наконец-то переехала, черепаха. Зеленый. Поехали».

Женщина: – «Фу, слава богу, поехали».

Затем, мотор машины взревел, и она умчалась прочь от этого перекрестка. Скрывшись в потоке машин.

Перейдя на другую сторону улицы Лика сказала Марья, что про нее говорили их одной из машин, и Марья удивленно поинтересовалась:

–Как это возможно?

–Я чувствовала. – ответила Лика. – Я почувствовала, что говорили про Вас из одной из машин. – затем она добавила. – Признаться меня это не радует. – затем она сказала. Люди злые и жестокосердные. Они заботятся лишь о себе, и других забот им не надо.

–Я с Вами совершенно согласна.

Затем, Лика снова повезла кресло-каталку, в котором сидела Марья. Лика шла медленно, она не спешила никуда. Ей нравилась бродить по улицам Москвы. Для нее это было словно умиротворение. Свобода от той скучной и унылой жизни, которую она вела в четырех стенах своей квартиры. Так они дошли до набережной Москва реки, и найдя лестницу, которая вела к ее водам, остановились. Марья тихо и мирно смотрела на тихие волны, а Лика стояла рядом с ней.

–Как хорошо. – сказала Марья. – Я всегда хотела побывать у моря. – затем она с грустью добавила. – Жаль, что теперь это неосуществимо.

Лика удивленно поинтересовалась:

–Почему неосуществимо?

–Я никогда не увижу море, потому что я никогда не смогу поехать к нему. – затем она грустно спросила. – Кто поедет со мной к нему, и на чем? – затем она сказала. – На поезде? Я не проеду в вагон, а сойти с него и того будет тяжелей. Ведь там, у моря, платформ не, только станции, а значит спускаться по ступенькам из поезда надо. «А кто поможет?» – затем она сказала. – А что касается самолета, то тут еще сложнее. Во-первых, это деньги, а во-вторых, куда меня посадят? В хвост, чтобы через него быстрее меня с самолета посадить. – затем она сказала. – Можно, конечно, на своем авто. Но кто его поведет? У меня-то ног нет, а без педалей она с места не тронется. – затем она с грустью сказала. – Вот такие пироги. А еще на удочерение заявление подать надо. – затем она закончила. – Так что море отменяется, так-то.

Лика понимала, что Марья права. Куда она поедет в таком состоянии? Вряд ли ее вообще кто-нибудь примет. Могут сдать ей квартиру, и то где-нибудь на отшибе или на последнем этаже дома без лифта. Да что там лифта? Пандусов и то нет. Забота об инвалидах. Да что Вы!?

–Никогда не надо сдаваться. – сказала Лика. – Даже если все против Вас, все равно надо бороться, доказывать, что Вы на что-то годитесь. И не на что-то, а на многое. – затем она

сказала. – Многие люди-инвалиды не сдавались. Они доказывали всем что они такие же как все. Даже когда от них все отворачивались, они доказывали всем, что они такие же как все. Некоторые даже прославились, и о них сняли фильмы, написали книги. – затем она сказала. – Нельзя сдаваться. Надо доказать всем этим... что инвалиды тоже люди.

–Может Вы и правы. – согласилась Марья. – Жаль, что в большинстве случаев это лишь только слова, на самом деле все, наоборот. – затем она сказала. – Все только говорят красивые слова! Вещают на всю катушку налево и направо, что мы заботимся об инвалидах. – затем она сделала вывод. – На самом деле это ложь. Государство ни оком не заботится. Бросят как собакам пенсию, и живи как хочешь.

–Может быть Вы и правы. – согласилась Лика, и заметила. – Ведь пенсию пересчитывают от корзины прожиточного минимума, которую сообразили в правительстве на две тысячи рублей. – затем она, поморщившись, добавила. – Сами попробовали бы прожить на эти деньги, а мы посмотрели б, как у них это получилось бы?

–Да. – согласилась Марья. – Правительство умеет воровать.

–Это точно. – согласилась Лика. – Умеют. – затем она сказала. – Пенсию надо рассчитывать от той суммы, которую получает пенсионер, а не от их дурацкой корзины.

–Точно. – затем Марья поинтересовалась. – А откуда Вы об этом знаете?

–Моя мать-пенсионерка. – сказала Лика. – Так она каждый божий день правительство добрым словом поминает, желает ему... – не знала, что сказать Лика, добавила. – Чтоб его...

Тут Марья сказала:

–Может все к чертям послать, и камнем в воду.

–И что? Вы умрете, и никто о Вас не вспомнит. Только спасибо скажут, и добавят: она же инвалид.

–И то верно. – горько вздохнула Марья. – Никто обо мне даже и не вспомнит. Кому я нужна? – и сделала вывод. – Никому.

Они еще долго стояли у набережной Москва реки. Смотря на воду, они о чем-то думали. В глазах Марьи была видна печаль и горе. Что касается Лики, то она грустила. Она понимала, что ее подруга всю свою жизнь не сможет полноценно вести активный образ жизни. Лишь она, Лика, давшая слово заботиться о ней останется единственной ее подругой, и никогда не сможет предать ее.

Тут Марья неожиданно сказала:

–Домой, пора домой. – она посмотрела на Лику, и тихо, с грустью сказала. – Пошли домой. – затем она тихо поправила. – То есть Вы пойдете, а я... – тут она умолкла.

Лика понимала, что Марья никогда не сможет смириться с тем, что у нее нет ног. Она всегда будет помнить о них, и никогда не сможет смириться что их больше нет.

Лика с грустью вздохнула, и тихо сказала:

–Пошли.

Дальнейшей путь домой прошел без каких было там приключений. Вскоре, поднявшись в лифте на пятый этаж. Подойдя к двери, Лика открыла ее своим ключом, и они вошли внутрь. Затем дверь закрылась.

Глава 9. Клавдия Ивановна

Итак, на следующий день Марья и Лика подали заявление в службу опеки, с прошением удочерить дочь Олеси Анастасиевны Мщэртц. Указав причину по которой Марья и Лика хотели ее удочерить, Марья написала в заявлении, что она является сестрой погибшей Олеси Анастасиевны Мщэртц, Марья Анастасиевна Мщэртц.

Принявшая заявление секретарь, сообщила, какие документы надо было собрать. В их переченье был документ о состоянии здоровье удочеряющей, то есть о состоянии здоровье Марьи Анастасиевны Мщэртц, а также о ее семейном положении и о состоянии дохода, и о ее жилой площади. Вряд ли кто бы то мог дать ей такие справки. Ведь ее здоровье по закону было плохое. Ее семейное положение не было совсем, а доходы, лишь от нищенской пенсии. Лишь квартирный вопрос ее не пугал. Но этого было мало. Также она узнала, что Клавдия Ивановна собирается сама удочерить дочь Олеси, и у нее больше на это шансов чем у Марьи с Ликой.

Покинув соц-службу, Марья спросила у подруги:

–Что будем делать?

Лика тяжело вздохнув, сказала:

–Пока не знаю.

Тут Марья предложила:

–Может быть поговорим с Клавдией Ивановной?

–Зачем?

–Может быть она согласится отказаться от опеки в пользу нас.

–А если нет?

–Но попытаться стоит.

Марья задумалась. У нее было непростое решение. Она прекрасно знала, что ее мать ее ненавидит, и вряд ли согласится на такое. Хотя, чем черт не шутит.

–Хорошо. – согласилась Марья. – Попробовать стоит.

Вечером Марья и Лик приехали к Клавдии Ивановне. Поднявшись на лифте на шестой этаж, Лика подошла к двери, где жила Клавдия Ивановна, и нажала кнопку звонка. В прихожей раздался громогласный дзинь. Никто дверь не открыл. Затем очередной дзинь, и дверь отварила. Из прихожей показалось лицо. Правда это лицо и лицом-то нельзя было назвать, скорее свиньячьа морда, да и то, похоже ли та или нет, вряд ли. У свиней и то красивей их лица чем у той, кто выглянула из приоткрытой двери. Она была просто в не себе. Запах, который вылетал из квартиры отчетливо напоминал запах табака и алкоголя, а женщина, если можно ее так назвать, была в стельку пьяна. Она ни то, что, что-либо сказать, слово произнести не могла. Посмотрев на пришедших женщин своими пьяными глазами, она спросила: – Чего надо? – при этом из ее рта вырвался запах алкогольного перегара. Если б можно было предположить, что этот запах мог спалить все и вся на своем пути, то, наверное, так оно бы произошло на самом деле. Подняв с невероятным усилием лицо кверху, она увидела сидящую в кресле-инвалида Марью, и стоящую позади кресло-инвалида, Ликку. Тут она провыла. – А-а-а... это Вы? – затем она, поперхнувшись спросила. – Чего надо? – затем она сказала. – Не видите, у меня горе. Можно женщине побыть одной с ним? – в конце ей по икнулось. – Черт.

Видя свою мать в таком непотребном виде, Марья тотчас же спросила:

–Что произошло? – на ее лице был виден неподдельный испуг. – Что с ребенком?

–А-а-а! – протянула пьяная женщина. – Ребенок. – сказала она. – Всем нужен только ребенок. Ребенок и никто больше. – тут она заплакала. – А я что? Никому не нужна? Меня что,

нет? – затем, она сползла на пол, и зарыдала. – Я что, не женщина? У меня что, нет чувств? – затем она, вытирая слезы, добавила. – Обидно. – затем она посмотрела на пришедших женщин, и тяжело вздохнув, сказала. – Чего стоите, входите.

Ли́ка открыла дверь, и ввезла в прихожую кресло-инвалида, в котором обосновалась Марья. Затем она закрыла дверь.

В квартире было находиться невозможно. Прибывание в ней нескольких минут было просто пыткой. Алкогольный запах стоял повсюду. Не было такого места, где бы он не обосновался. Так что прежде, чем продолжить беседу, если можно было бы ее так назвать, Ли́ка подошла к запечатанным окнам, и распахнула их настежь. В квартиру тотчас же влетел чистый воздух дневного света. Хорошо. Вскоре запах в квартире выветрился, и в квартире снова стало нормально дышать. Вы спросите, почему нормально? Я отвечу. Запах алкоголя еще не до конца выветрился. Стоящие повсюду пустые бутылки из-под алкоголя, отдавали свой запах в квартиру, развеивали его повсюду. И лишь когда Ли́ка сложила пустые бутылки в мешок из-под мусора, и вынесла их на помойку, запах исчез. И лишь изо рта пьяной в стельку Клавдии Ивановны можно было почувствовать отвратительный алкогольный запах ее несвежего дыхания.

Придя в себя после уборки алкогольной посуды, Ли́ка облегченно вздохнула, и тотчас же сказала:

– Вот Вам и Клавдия Ивановна? – затем она небрежно бросила. – Больше выпендривается, что она не такая как все, а по сути, баба она и есть, баба.

Тут сидевшая у окна Марья, сказала:

– Я бы попросила бы. Она все же моя мать.

– Да. – согласилась Ли́ка. – Разумеется. Мать.

Тут Ли́ка поняла, что они находятся в квартире совершенно одни. Ни плача новорожденного ребенка, ничего бы то либо связанного с его здесь прибыванием не было. В этот самый момент женщины переглянулись, и обе поняли, что что-то произошло. Что-то такое, что они не могли предвидеть. События, которые произошли без них, и после которых Клавдия Ивановна запила. Они не знали, что могло произойти? Одно было понятно наверняка, ребенка Олеси Анастасиевны нет. И где он? Это никто не знал. Лишь пьяная в стельку Клавдия Ивановна, которая лежала на диване, на который помогла ей лечь Ли́ка, и которая уже видела десятые сны, могла пролить свет на произошедшие. Но это возможно было только завтра, а пока... Героиням этой истории ничего не оставалось как ждать сидя у окна, когда протрезвеет Клавдия Ивановна и расскажет им, где сейчас находится дочь Олеси Анастасиевны, и что с ним случилось?

У Марьи было плохое предчувствие. Она понимала, что что-то случилось, что-то произошло. Ее посещали самые ужасные мысли. Мысль, что ребенок Олеси Анастасиевны умер. Мысль, что Клавдия Ивановна отдала ребенка своей дочери в ясли. Мысль, что она просто-напросто избавилась от него. И эта самая мысль не давала ей покоя. Вряд ли можно было понять, что случилось с дочерью Олеси Анастасиевны, Дианой. На все эти вопросы могла дать ответ лишь Клавдия Ивановна, ее бабушка. Но она не могла вымолвить ни единого слова. Так как спала пьяная крепким пьяным сном, на диване. Тут Марья спросила:

– Как Вы думаете, где сейчас Диана?

Ли́ка подумав, тихо ответила:

– Откуда я могу это знать?

– И все-таки? – предположила Марья. – Если подумать, то где?

Ли́ка посмотрела на спящую на диване пьяную Клавдию Ивановну, и затем сказала:

– Судя по ее состоянию, Клавдия Ивановна сделала что-то такое, что после этого она попросту не смогла справиться с горем.

Тут Марья предположила:

– Может она горюет об Олесе?

–Хорошо если так. – сказала Лика. Затем она добавила. – Хуже, если она избавилась от ребенка. Отдала его в дом малютки.

Не веря своим ушам, Марья воскликнула:

–Не может этого быть! Это просто невозможно! «Это нонсенс!» – затем она сказала. – Моя мать любила свою дочь, и не причинила бы ее ребенку никакого вреда.

–Очевидно, – предположила Лика. – в подсознание Клавдии Ивановны не смогло сместиться с мыслью, что ее дочь мертва. – затем она сказала. – Ребенок напоминал ей о ней. – затем она добавила. – Она бы была рада от этой мысли, но не могла. – затем она сказала. – Вас она не могла простить за то, что, по ее мнению, ее дочь приехав к Вам погибла. Она взяла ребенка Олеси, и тот напомнил ей о ней. – затем она закончила. – И чтобы не думать обо всем этом, забыть все то, что произошло, она очевидно решила избавиться от ребенка. Ну а затем... – она сделала паузу. – Результат налицо.

Выслушав Ликю, Марья осмыслила ее слова и сделала вывод: возможно, нет, даже наверняка, подсознание Клавдии Ивановны не смогло сместиться с мыслью, что ее дочь мертва. Ребенок напоминал ей о ней. Тогда можно было понять Клавдию Ивановну. Ее ненависть взяла верх над ее любовью. Как известно от любви до ненависти один шаг. И этот шаг Клавдия Ивановна сделала. Она посмотрела на Клавдию Ивановну, и тихо сказала:

–В том, что произошло никто не виноват. – затем она добавила. – Это могло произойти с кем угодно.

Лика тихо подтвердила:

–Вы правы, – затем она тихо добавила. – с кем угодно.

В это самое время спящая на диване Клавдия Ивановна что-то пробурчала, затем сказала: – Отстаньте. – А затем добавила. – Я же обещала, ребенок Ваш. – затем она, почавкав, продолжила свой сон.

Марья же и Лика переглянулись. Они были не на шутку напуганы этими словами. Они не знали, что это было? Сон Клавдии Ивановны или реальность? Ребенка не было, и очевидно, если верить Клавдии Ивановне и ее сну, то очевидно, что она сделала что-то ужасное. Но что? Этого девочки не знали. Ну что в таких случаях делают? Конечно, будят спящих. В нашем случае это Клавдия Ивановна, которую со всеми всевозможными способами пыталась поднять на ноги Лика. Но ее попытки были тщетны.

–Оставьте ее в покое. – сказала Марья. – Она все равно не проснется.

–И что нам делать?

–Ждать, пока проспится.

Прошли часы. Правда, как могут пройти часы, это вопрос. Лишь литературное выражение. Впрочем, часы пробили шесть часов вечера, и Клавдия Ивановна проснулась. Ее пробуждение сопровождалось несвязной речью. Пытаясь встать, она пала на пол, и поползла на карачках к ближайшей двери. Но так и не смогла доползти до нее. Так как ей перегородила дорогу коляска. Клавдия Ивановна подняла голову, и своими абсолютно еще пьяными глазами посмотрела на сидевшую в ней женщину, и не узнав ее, гаркнула:

–Кто это здесь? – затем она грозно спросила. – Это кто мне идти мешает. – правда ходьба здесь была совсем далеко от реальности, скорее даже детская игра в зверей, а не понятно что? Тут Клавдия Ивановна рыгнула, и тотчас же вырвала. – Черт. – сказала она, не понимая. – Что со мной? – затем она как-то добралась до уборной, и сев на толчок, отлила. Да, не пописала, а именно отлила. В ее мочевом пузыре было столько ненужной жидкости, что можно лишь сказать одно, она отлила. Затем вышла из туалета, и приперев одну из стенок к которой ее шатнула, увидела снова ту же самую коляску. Она подняла свой взгляд и увидела, что в этом кресле сидит кто-то. Она разу ее не узнала, ее глаза еще были пьяны, а мозг был настолько тяжел, что мог прямо сейчас упасть на пол. Тут Клавдия Ивановна, осторожно приглядевшись, как смогла разглядела в этой женские очертания. Длинные волосы, округлости груди. Затем она

увидела очертание ее лица, и с невероятным трудом признала в ней свою дочь, Марию Анастасиевну Мццэртц. А позади нее стояла чья-то тень. Клавдия Ивановна не могла понять, кто это стоит позади нее. Она нечетка начала вспоминать, что вчера произошло. Но подробно ничего не могла вспомнить, а приход к ней Марьи и кого-то еще недавно. Тут она промычала. – Ну я и дала вчера жару! – затем она добавила. – Ничего не помню. – затем ей по икнулось, и позывы к очередной бливотены вот-вот подступали все ближе и ближе. Клавдия Ивановна плюхнулась в туалет, и упав перед толчком на колени, обняв его, сбивала в него. Затем выругнулась. – Черт возьми, так вчера нажраться. – затем она со злобой добавила. – Проклятый ребенок. Гореть ему в Аду. Эта... тут она поняла, кого она видела у себя дома в кресле. Эта Марья, ее младшая дочь. Тут она неожиданно вспомнила, что они вместе с Ликой приходили вчера или сегодня к ней, и очевидно остались. Она еле-еле встала с пола туалетной комнаты, и закрыв сливной унитаз, спустила из бачка воду. Затем она вышла из туалета, и направилась в ванную комнату. Там она умылась, и посмотрев в зеркало увидела свое если можно так было с позволения сказать, лицо. Оно было опухшим. Под глазами она увидела мешки, а само лицо напоминала что-то между недопившим свою норму негром и перепившую красную морду, «лишь такое выражение подошло бы к нынешнему состоянию Клавдии Ивановны» белой горячке. Клавдия Ивановна сказала. – Ужас. – Затем она, как-то причесавшись вышла из ванной комнаты, и направилась в кухню, где в холодильнике стояла открытая банка саленых огурцов. Придя в кухню, Клавдия Ивановна остолбенела. Она увидела на крытый стол, за которым сидела в инвалидном кресле ее младшая дочь Марья и ее подруга, Лика. Та строго поинтересовалась. – Что Вы здесь делаете?

Марья посмотрела на свою мать и непринужденно сказала:

–Ужинаем. – затем она добавила. – Мы с Ликой решили навестить Вас матушка, и когда мы пришли, – объясняла она. – мы застали Вас, – тут она, сделав паузу, думала какие слова лучше подобрать, а затем сказала. – в непотребном для женщины виде. – затем она добавила. – И решили остаться.

Клавдия Ивановна подошла к холодильнику, и открыв его дверцу, извлекла из него банку свежих огурцов. Затем она выпила рассол, и закусив огурчиком, поставила на стол, и закрыла дверцу холодильника. Затем она сказала:

–Я, кажется, перепила.

Девочки переглянулись.

Марья сказала:

–Это мягко сказано. – затем она добавила. – Просто кошмар какой-то, да и только. – затем она добавила. – Лика два часа все убирала.

В это самое время Клавдия Ивановна задумалась. Она поняла, что Марья в ее квартире находятся без ее приглашения. Она ее видеть не хотела. Все из-за нее. Смерть ее любимой дочери. Эта с позволения сказать, пьянка. Лишь бы утопить в бутылки скорбь и тоску, не говоря уже о ребенке ее дочери, который ей напоминал ее. Но где же он? Где ребенок? Об этом спросила ее Марья, но прежде Клавдия Ивановна была вынуждена задать один-единственный вопрос. Вопрос, который мог прояснить, зачем они здесь? Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–А собственно, зачем Вы здесь?

Этот вопрос был ожидаемый. Марья ждала его.

–Мы, собственно, пришли за тем, чтобы узнать, что Вы собираетесь делать с ребенком Вашей дочери, моей сестры, Олеси?

Клавдии Ивановне по икнулось.

–Черт. – выругнулась она, и усмехнувшись добавила. – Вот именно, ребенок. – тут она подошла к столу, и плюхнулась в стоящий возле него стул, икнув, сказала протяжным пьяным, монотонным голосам, будто упрекая их в чем-то. – Вот видите, – она сделала однозначную паузу, и подперев лицо левой рукой, добавила. – Я Вам не нужна. – причем эти слова были

произнесены настолько равнодушно что можно было сказать, что, по сути, Клавдия Ивановна уже умерла со своей судьбой. После ухода из КПСС, и ЦК, ее все забыли. А теперь и дочь погибла. Так что она осталась по сути своей совершенно одна. – Я Вам совершенно не нужна. – тихо сказала она. – Вам нужен мой внук, а не я. – затем она строга спросила. – Ведь это так. – и стукнув кулаком по столу, смотря в глаза Марьи, сказала. – Вижу, что это так оно и есть.

Марья тотчас же ответила виновато:

–Вы ошибаетесь, матушка.

Тут Клавдия Ивановна вспыхнула:

–Какая я Вашу мать Вам матушка? – затем она грозной интонацией сказала. – Меня зовут Клавдия Ивановна, и никак больше. – затем она добавила, смотря Марьи прямо в глаза. – Вы мне не дочь, и подачки Ваши мне не нужны. – затем добавила. – Ишь, какая краля тут объявилась? Ребенка сестры ей подавай. – затем она приблизилась через весь стол свое лицо к ней, и сказала, как бы превосходя ненавистью саму себя. Она заявила. – Нет больше моей внучке, и что? – затем она добавила, признавшись. – Я от нее избавилась к чертовой матери. – затем с иронией и ядовитой злобой добавила. – И что теперь? Что Вы со мной сделаете? Убьете? Сдадите в милицию? Что? – чувствуя свое превосходство перед Марьей, она с язвительной ухмылкой спросила. – И что Вы со мной сделайте, а? – после чего Клавдия Ивановна дыхла в лицо Марьи, и та почувствовала еще не выветрившийся из ее организма алкогольный перегар.

Учув этот запах, Марья, отвернув лицо от лица своей матери, поморщилась, произнеся:

–Фу-у-у... От Вас мама несет перегаром что я до сих пор не понимаю, как такое возможно? Вы же никогда не пили, с чего бы так? – затем она предположила. – Вы избавились от ребенка и решили залить горе-бутылкой? – затем она спросила. – Ведь я права, а? – в это самое время Клавдия Ивановна замерла. Она тут вспомнила что-то, и это что-то или вопрос Марьи заставили Клавдию Ивановну задуматься. Видя это состояние своей матери, Марья сказала. – Вижу, что я права. Вы избавились от ребенка моей сестры Вашей дочери. – на глазах Клавдии Ивановны появились горькие слезы. Казалось, она что-то вспомнила, осознала то, что она натворила, но было уже поздно. Смотря в одну точку, она словно видела там, где-то ребенка Олеси. Там, в дали, на каком-то красивом поле они играли, запускали воздушного змея. Все были счастливы. В это самое время Марья озабоченно поинтересовалась. – Что с Вами?

–Ничего. – ответила Клавдия Ивановна, глядя в одну точку. – Ничего. – тут она встала, и вышла из кухни, говоря в нос. – Это не я. Это не я. Это не я. – затем она бросилась бежать, и влетев как угорелая в комнату, бросилась на диван, и уткнувшись лицом в подушку заревела. Заревела горькими слезами, повторяя лишь одно. – Это не я. Это не я. Это не я.

Тем временем Марья тяжело вздохнула. Она понимала, что то, что возможно сделала ее мать по отношению к дочери покойной Олеси, могло спровоцировать ее нынешнее психическое состояние. Клавдия Ивановна, поняв, что натворила непоправимое, осознала это лишь сейчас. Сейчас, когда увидела дочь и свою внучку бегущими на поле и запускавших воздушного змея. В эту самую секунду ее жизни, в это самое мгновение она осознала то, что натворила, но было уже поздно.

Марья сказала:

–Очевидно моя мама сошла с ума.

–Нет. – ответила сидящая за столом Лика. – Она с ума не сошла. – затем она добавила. – Она просто не смогла себя простить.

–Простить, за что?

Лика пожала плечами и тихо сказала:

–Об этом знает лишь она одна.

–Может быть Вы правы. – согласилась Марья, предположив. – Наверное это связано с моей племянницей? – затем она поинтересовалась. – Как Вы думаете, что она с ней сделала?

–Не знаю. – грустно вздохнула Лика. – Это ведомо лишь Клавдии Ивановне.

Тут Клавдия Ивановна пуще прежнего зарыдала. Она посмотрела на Марью и в ее взгляде та прочитала ненависть и горестное сожаление за что-то. Тут Клавдия Ивановна с жестокой зловещностью спросила:

–Вы хотите знать куда делся ребенок? – затем она сообщила ей то, что она никак не ожидала услышать. – Я ее отдала. – тут она утвердила. – Избавилась от нее. Что смотрите на меня таким взглядом? Что, не ожидали? Да. Отдала ее, избавилась от этого напоминание моей дочери. – затем она иронично ухмыльнулась. – Да, Вы считаете меня монстром, но не Вам судить меня. Сами судимы будите. – затем она с иронией заявила. – Безногим ребенка не вырастить. Попомните мое слово. «Вы его не поднимете». – затем она сказала. – Думать надо было когда гулять ходили и пьянствовали. Тогда бы и Олеся жива была. – она снова уткнулась в подушку и зарыдала.

–Она никогда так не плакала. – тихо сказала Марья. – Я в первый раз вижу ее в таком состоянии.

–Ваша мать не смогла перенести смерть дочери, – сказала Лика. – а ее дочь напоминала ей о ней. – затем она добавила. – Она не смогла справиться со своей любовью и ненавистью к Вам Марья. – затем она сказала. – Этот ребенок напоминал ей о тех событиях, которые стали причиной гибели Олеси Анастасиевны, ее дочери. Любовь, которую она испытывала к своей внучке переросла у нее в ненависть, и на подсознательном уровне она возненавидела свою внучку, и недолго думая избавилась от нее. – она сделала паузу, и продолжила свою речь. – Сейчас же у нее чувство стыда перед тем, что она натворила переросла в истерический припадок. Она, может быть, осознала, что натворила, но уже поздно чтобы-то либо исправить. Она, очевидно, подписала все документы от отказа от ребенка, а так как она не ее мать, то проблем никаких не возникло. Ребенка нет. И где он сейчас известно одному богу и ей, Вашей матери, Клавдии Ивановне.

Выслушав Лику, Марья с ней согласилась, тяжело вздохнула, и тихо сказала:

–Возможно Вы правы.

–Да. – утвердила Лика. – Сейчас я права.

Марья подкатила кресло к дивану на котором лежала и рыдала Клавдия Ивановна. Что здесь можно сказать? Что написать? Истерический припадок всегда неожидан, но предсказуем. Можно было догадаться что у Клавдии Ивановне он возможен, но никто об нем не думал. Клавдия Ивановна всегда была решительной и стойкой женщиной. Прошла воду, огонь и медные трубы, и никогда не впадала ни то, что истерический припадок, но и в безумный то же. Так что Марья лишь могла пожалеть свою мать. Она как могла утешала ее, но все ее попытки утешить ее были тщетны. Клавдия Ивановна была безутешна. Она смотрела на свою дочь и видела в ее лице убийцу. Она по-прежнему считала, что это она виновата в том, что ее дочь, сестра Марьи мертва. Виновата в этом лишь только она. Она, и никто другой. В какой-то момент ее взор изменился. Он стал безумен. Смотря на Марью, она видела в ней своего врага. Сев на диван, она вцепилась руками в ее горло, и попыталась задушить, обвиняя ее во всех своих несчастьях и смерти ее любимой дочери, Олеси. В какой-то момент Марья смогла отъехать от дивана, и в этот миг руки Клавдии Ивановны разомкнули свои оковы, и горло Марьи стало свободно, а Клавдия Ивановна упала на пол, оря во всеуслышание:

–Убийца, убийца, убийца. – затем она набросилась на Марью, но та успела отъехать в сторону, и Клавдия Ивановна упала на пол.

–Хватит. – резко сказала Марья. – Достаточно этой комедии. – сказала она. – То, что было – не вернешь. «Надо жить дальше», – затем она сказала. – Олеси нет, и это факт. – затем она сказала. – Вряд ли ей бы понравилось, до чего Вы себя довели, что сделали с ее ребенком. – затем она сказала. – Этого она Вам не простила б. – затем она прикрикнула. – Встаньте. Хватить винить кого бы то ни было и саму себя, что не уберегла свою дочь. Вы и я не виноваты в том, что произошло с ней. Ребенок здесь совершенно не причем. Он лишь ребенок, и только. –

затем она сказала. – Я понимаю, что Вы от него избавились. Вам он напоминал ее, и Вы не смогли себя простить что вы ее не уберегли. Но ребенок тут совсем не причем. – затем она поинтересовалась. – Где он? Куда Вы его дели?

Клавдия Ивановна потихоньку пришла в себя. Она встала с пола и подошла к окну. Смотри вдаль пустым стеклянным взглядом, она восстанавливала по крупицам те вчерашние события, которые стали для нее роковыми. Для нее и для ее внучки. В это самое время ее мозг словно обнулится. Он стал пуст, и казалось, что в нем ничего не осталось.

Видя такое состояние своей матери, Марья поспешно подъехала к ней на своей коляске, и сказала:

–Мы все делаем ошибки в своей жизни. – затем она, тяжело вздохнув, добавила. – К сожалению некоторые ошибки нельзя исправить. – сказала она. – Я за свою ошибку буду расплачиваться всю свою жизнь. – затем она сказала. – Не надо чтобы из-за того, что Вы ненавидите меня, хоть я ни в чем не виновата, расплачивалась дочь Вашей дочери, моей сестры, Вашей внучке. – затем она сказала. – Не надо, она этого не заслужила. «Ребенок ни в чем не виноват». – затем она спросила. – Вы это понимаете?

Клавдия Ивановна посмотрела на дочь добрыми материнскими глазами. В них уже не было той пустоты и задуманного разумом рассудка, который Марья наблюдала у своей матери ни так давно. Казалось, что этого приступа истерии не было вовсе. Клавдия Ивановна казалась абсолютно спокойной. Она погладила свою дочь по густым ее черным волосам, и нагнувшись перед ней на колени, тихо сказала ей на ушко:

–Верно. – согласилась Клавдия Ивановна. – Мы все делаем ошибки в своей жизни. «К сожалению некоторые ошибки нельзя исправить». – затем она сказала. Я тоже за свою ошибку буду расплачиваться всю свою жизнь. – Затем она сказала. – Я рада что Вы признаете свои ошибки. – затем она сказал. – Я тоже х признаю. – Затем она спросила. – Знаете ли, о чем я сожалею?

Марья пожала плечами, сказав:

–Нет.

–Я сожалею лишь об одном. – прошипела Клавдия Ивановна на ухо Марьи, и прошипела снова. – Я сожалею лишь об одном, что родила Вас, Марья. – затем она спросила с явным призрением. – Ну почему Вы не умерли? – затем она добавила. – Всего бы этого не случилось, и Олеся была бы жива, а ее ребенок не был бы отдан... – тут она замерла в полном оцепенении испуга. Она поняла, что чуть не проговорила о том, куда она дела ребенка своей дочери, Олеси. И закрыв рот ладонью левой руки она встала и посмотрев в окно, заплакала. Она, конечно, сожалела о своем поступке, но по-другому она не могла. Оставить внучку у себя она не могла. Она ей напоминала об Олесе и о том, что с ней произошло, а отдать внучке своей дочери она не могла. Просто, потому что считала ее виновной в смерти Олеси, и тем самым ненавидела ее. Она просто не могла себе представить, что ее внучку воспитает убийца ее дочери.

В это самое время Марья, поняв, что самое время понять, куда делся ребенок Олеси, она спросила у Клавдии Ивановны:

–Куда был отдан?

Клавдия Ивановна тихо произнесла:

–Это вечное, «КУДА?» – она усмехнувшись сказала. – Разве это важно, куда? Важно другое, что с ним станется. – в этот миг лицо Клавдии Ивановны изменилось. Стало более мрачным и безжизненно-холодным. Она осознала, что произошло? На что она обрекла младенца. Может быть, он попадет в хорошие руки и станет властителем мира. Может быть, станет простым рабочем. И возможно его судьба не будет так сладка. Он станет бомжом или пойдет по наклонной плоскости и окончит свою жизнь в местах не столь отдаленных. Подумав об этом,

Клавдия Ивановна схватила за голову, и воскликнула что было мочи. – Прости! Прости за все что я натворила. Прости что не уберегла.

Марья поняла, что эти слова предназначались Олеси. Ей, и только ей предназначались эти слова. Марья тогда поняла, нет, она была уверена на сто процентов, что сама Клавдия Ивановна, ее мать, не могла сама себе простить то, что она сотворила. Марья, казалось, что ее охватила безумие. Метая мысли из стороны в сторону, она никак не могла прийти к однозначному решению. В ней сейчас боролись две «Я». Я – любящая мать, и я – всеми фибрами души ненавидевшая свою дочь и, возможно, саму себя. Ненавидевшая себя за то, что так и недоглядела за своими дочерьми. Она считала, что сделала для них все возможное и бросила их на произвол судьбы. Предоставила им самим себе, и вот что из этого вышло. Олеси нет в живых, а ее ребенок куда-то исчез, а Марья потеряла свои ноги. Может быть, если она больше времени уделяла Марье, таково-то не случилось бы. Ее дочь Олеся Анастасиевна не поехала бы в город Раменское и осталась бы жива, а Марья не потеряла свои ноги. Она смотрела на Марью и на ее лице были видны ее слезы. Да, она осознала, что в происшедшем с ее дочерьми была и ее вина. Она была занята только собой, и в какой-то момент что-то упустила. Ее дочери пошли по наклонной плоскости. Марья подалась в неформалы, а Олеся, и это она осознала лишь сейчас, что она родила, но от кого? Этого она не знала. В этот самый момент в ее женский мозг пришла мысль: «моя дочь – проститутка. Она забеременела, но от кого? Этого я так и не узнала. Была ослеплена ее прилежным поведением, а в сущности, я ее и не знала вовсе. Кто она была не самом деле? Любящей дочерью или расчетливой стервой. Да, именно стервой. Ведь только стерва может претворяться любящим человеком при этом оставаясь стервой. Да, я не знала свою дочь Олесю, и это я сейчас понимаю». Тут она, снова посмотрев на свою младшую дочь Марью, нагнувшись на корточки она сказала: – Мне очень жаль, что все произошло так как произошло, а не иначе. Может быть, если б я уделяла Вам с сестрой больше времени трагедии не случилось бы. – она тяжело вздохнула словно сожалея о случившемся. – Но то, что произошло не исправить. Я уделяла Олеси слишком много внимания. – откровенно призналась она. – Думала, что я ее знаю, а на самом деле нет, не знала.

Марья поинтересовалась:

– Это Вы о чем?

– Олеся со мной ничем не делилась, – сказала Клавдия Ивановна. – а я никогда не интересовалась о ее жизни. – затем она сказала. – Она забеременела и не сказала мне об этом. И лишь когда скрывать свою беременность стало невозможно, она сообщила мне эту новость. – она сделала паузу, затем продолжила. – Когда я поинтересовалась, кто отец? Она пожала плечами, сказав, что это ни так важно. – она, сделав задумчивую паузу, предположила. – Я думаю, что она сама не знала кто отец ее ребенка.

Марья недоуменно спросила:

– Вы маменька хотите сказать... – с дрожью предположила она. – что?

– Именно это я и хочу сказать. – ответила Клавдия Ивановна, а затем сказала то, что так боялась сказать вслух. – Олеся была проституткой. – она посмотрела в глаза Марьи, и спросила. – Вы знали об этом?

– Нет. – недоуменно ответила Марья. – Не знала.

Клавдия Ивановна удрученно сказала:

– Вот и я не знала. – затем она сказала. – Эта мысль пришла мне только что.

– Так может быть это только мысль, и ничего больше?

– Нет. – ответила Клавдия Ивановна, затем сказала. – Я не ошибаюсь. – затем она словно утешая саму себя, добавила. – И правильно я сделала что отдала ее дочь. – на ее лиц появилась ненависть и злоба. Казалось, что ее любовь переросла в глубокую ненависть. затем она сказала словно отрезала. – Здесь вырождакам делать нечего.

Марья, понимая состояние матери тихо напомнила:

–Она же Ваша внучка, моя племянница.

–И что?

–Так нельзя.

–А как можно? – Клавдия Ивановна поднялась на ноги, и подойдя к окну, бросила. – Уходите. – затем она сказала. – Мне нужно подумать.

–Я никуда не уйду. – сказала Марья. – Я Вас одну не оставлю.

Клавдия Ивановна усмехнулась:

–Хотите мне помочь? – затем она сказала. – Помогите сначала сами себе, а потом другим. – затем она бросила. – Инвалид, – затем добавила. – безногая. Чем Вы можете мне помочь, если сами беременны. – затем она предостерегла. – Смотрите, как бы Вас саму не лишили родительских прав. – затем она жестоко сказала, словно издеваясь над Марьей, напоминая ей то, что и так было понятно без лишних слов. – Ваш то же безотцовщина.

Марья тихо сказала:

–Ее отец погиб.

–Знаю. – бросила Клавдия Ивановна. – Сдох как собака, туда ему и дорога.

Марья растерянно поинтересовалась:

–Откуда Вы знаете?

–Доктор бедов сказал. – ответила Клавдия Ивановна, а затем сказал. – Если не хотите уходить, то просто прошу, не мешайте мне. Мне подумать надо.

–Хорошо. – ответила Марья. – Я не буду Вам мешать, мама. – затем она сказала. – Я посижу за компьютером. – затем она спросила. – Можно?

–Конечно можно. – ответила тихо Клавдия Ивановна, добавив. – Он там же где и всегда.

–Я помню.

Марья подкатила кресло-коляску к столу некотором стоял компьютер, и отодвинув стоящий за столом стул, подкатила кресло-инвалида к компьютерному столу, и расположившись за ним, попросила маму включить компьютер. Та выполняла ее просьбу, и будто виноватая перед ней, спросила:

–Вы действительно хотите взять на себя такую ответственность?

–Да. – ответила Марья. – Хочу.

Клавдия Ивановна понимающе покачала головой, затем тихо сказала:

–Понимаю. – она легонько улыбнулась, и сказала. – Я тоже женщина. У меня как у всех есть чувство сострадания. – затем она сделала непродолжительную паузу, и сказала. – Материнство – это великая радость всех женщин. – затем ее лицо в одну секунду изменилось. Оно стало безжизненно-холодным. Что-то появилось в нем злое. Казалось, что в Клавдию Ивановну что-то вселилось. Это что-то подчиняло ее себе и делала сильнее. Сильнее ее ненависть к своей дочери и к своей внучке. Тут Клавдия Ивановна прошипела Марьи на ушко. – Почему Вы не умерли вместо нее? – после чего она встряхнула головой. Что-то снова изменилось в ней. Она уже не была той безжизненной и холодной особой, которую Марья видела только, что. Она также не была той любящей матерью, которая она видела перед этим. Она не была той обвиняющей во всех грехах женщиной, которая корила себя и проклинала Марью за то, что ее дочь умерла. Нет, она не была не одной из этих персонажей своего образа. Эта была совсем иная личность. Спокойная и рассудительная женщина. Она знала что хотела. Что ей было надо от жизни. Жестокая, снаевранная, гордая женщина. Про таких говорят: держит хвост трубой, и всем даст вору и отпор. Да, эта была сейчас именно такая женщина. И хоть все эти качества стервы были присуще этой женщине, в ее глазах все равно была любовь. Она смотрела на Марью и ей было не по себе. Она не могла видеть ее в таком состоянии. Ее душа разрывалась на части, кровоточило сердце, и из глаз лились горькие слезы. Она сказала. – Как бы я хотела, чтобы вместо Вас, в этом кресле былая. – затем она сказала. – Я всегда заботилась о Вас Марья. Делала все чтобы Вы были счастливы. Но Вы захотели что-то свое, и вот результат. – затем она

сказала. – Сегодня замечательная погода. – она посмотрела в окно и спросила. – Прогуляться хотите?

Марья ничего не могла сказать. После очередного перевоплощения ее матери, она не могла понять, что происходит на самом деле? Она никогда не видела свою мать в таком состоянии. Вряд ли это состояние можно назвать нормальным. Скорее это безумие. Безумие вызванной смертью Олеси и перерастающей в шизофрению. Но на шизофреничку ее мать не была похожа. Скорее убитую своим горем женщину не могущую принять тот факт, что ее дочь мертва. Ярость и злоба вырвались у нее на свободу, и она обезумела. Сейчас же перед Марьей стояла та женщина, которую она знала много лет. Эта была ее мать. Жестокая, снаевранная, гордая женщина. Про которых говорят: держит хвост трубой, и всем даст вору и отпор. Да, это была она. Ее мать, и никакая иная женщина. Марья одобрительно покачала головой, дав согласие на эту прогулку.

–Хорошо. – ответила Клавдия Ивановна. – Тогда я пошла одеваться.

Клавдия Ивановна ушла чтобы переодеться для прогулки, а Марья осталась сидеть за компьютером. Она не понимала как такое возможно? Чтобы в одном человеке было столько личностей? Поймав себя на мысли что это лишь временно, что это скоро пройдет, Марья взяла компьютерную мышь и курсором стрелки нажала на значок браузера интернета. Страница открылась. На ней было написано

WWW.YANDEX.RU

. В строке поиска она на клавиатуре написала «психические расстройства», и затем нажала клавишу

Enter

. На экране появились множество ссылок на всевозможные психические болезни. В это самое время она услышала до более знакомый ей голос. Он сказал:

–Я вижу в Вашу нерешительность. – затем голос позади нее добавил. – Все верно, ни каждый человек воспримет человека потерявшего своего близкого человека в адекватном состоянии.

Марья обернулась и увидела стоящую возле нее Лиду. Она была в отличие от Клавдии Ивановны спокойна и равно увешана. Марья с пониманием ответила:

–Ни каждый. – затем она поинтересовалась. – А где Вы были? – затем она добавила. – Мне Вас не хватало.

–Я была в кухне. – объяснила Лика. – Пила чай пока вы тут беседовали. – затем она сказала. – Я слышала краем уха, что Вы собрались прогуляться?

–Да, – ответила Марья. – собрались. – затем она с опаской сказала. – Но я боюсь, что она снова превратится в монстра. – затем она попросила. – Может Вы с нами прогуляетесь, а?

–Нет. – тихо ответила Лика. – Я с Вами не пойду?

–Почему?

–Вам надо побыть вдвоем. – сказала она. – Поговорить. – затем она добавила. – Я буду лишней.

Секунду поразмыслив, Марья спросила:

–А что, если она снова станет монстром?

–Не станет. – заверила ее Лика. – Она безумной не станет.

–С чего Вы в этом уверены?

–Просто знаю. – успокаивала она ее. – Сегодня она будет той какую Вы ее знали. – затем она обернулась, и услышав какие-то звуки в другой комнате, сказала. – Сейчас ей нужны Вы, Марья. – затем она утвердила. – Вы и больше никто. Так поговорите друг с другой, и Вы поймете каждая, что Вам необходима.

–А Вы?

–Пойду домой.

–Но Вы вернетесь?

–Вернусь.

–Когда?

–Скоро. – затем она сказала. – Ваша мать разрешила мне побыть у нее сегодня. Так что я никуда не уйду.

Марья спросила:

–Позвольте? – затем она напомнила самой себе. – Ведь мы разговаривали здесь, и никуда она не уходила? – затем она спросила. – Как она могла разрешить Вам остаться, когда она все время была здесь?

–Мы встретились только что. – объяснила Лика. – Я выходила из прихожей, а Клавдия Ивановна шла в свою комнату. Она встретила меня, и попросила меня остаться на ночь чтобы, когда Вы вернетесь нам поговорить всем троим вместе.

Марья не поняла:

–О чем поговорить?

Лика ответила:

–Этого она не сказала. – затем, словно чувствуя приближение Клавдии Ивановны, Лика сказала. – Я хочу отдохнуть. – она посмотрела на закрытое окно, и сказала Марье. – К вечеру прольет дождь. – затем она сказала. – Я останусь здесь, отдохну. «Тем более Клавдия Ивановна не возражает», – затем она сказала. – Я лучше почитаю. – затем Лика отошла от Марьи, и подойдя к стоящему неподалеку креслу села в него, и взяв со стоящего неподалеку книжку, открыла ее и принялась читать.

В это самое время к Марье подошла Клавдия Ивановна. На ней было надето серое платье, подчеркивающее ее женскую грудь, тонкие темные колготки. В левой руке она несла дамскую сумочку. Она подошла к Марье, и осторожно спросила:

–Вы не передумали?

–Нет. – тихо ответила Марья. – Я не передумала. – затем она с энтузиазмом добавила. – давайте прогуляемся.

Клавдия Ивановна выключила компьютер, и взяв сзади кресло за ручки повезла его к входной двери. Они ехали медленно, не спеша. В какую-то минуту Марья подумала, что все у нее скоро наладится. Мать ее простит, хотя за что? Непонятно. Она оглянулась, и увидела сидящую в кресле и читающую книгу Лику. Лика почувствовав ее взгляд посмотрела на Марью, и нежно улыбнувшись легонько помахала ей рукой. Марья легонько и незаметно улыбнулась ей в ответ.

Клавдия Ивановна подошла к входной двери, и надев сапоги и Осеннее пальто, Клавдия Ивановна вытащила из дамской сумочки ключи, и открыв дверь вывезла кресло-коляску, в которой сидела Марья на лестничную клетку, вышла за ней, и закрыла за собой дверь на ключ. Затем она убрала ключи в сумочку, и отдав ее Марье, подвезла кресло-каталку к лифту, и нажала кнопку вызова лифта. Двери лифта открылись, и Клавдия Ивановна ввезла в него кресло-каталку, и войдя сама, нажала кнопку первого этажа, и лифт закрыв двери поехал вниз.

Клавдия Ивановна заинтересовалась:

–Куда прогуляемся?

Марья пожалала плечами. Ей нечего было предложить, ведь куда бы ни ходи, она все равно останется в этом кресле. Затем она с грустью сказала:

–Я бы послушала классику.

–Хорошо. – согласилась Клавдия Ивановна. – Мы ее слушаем. – затем она добавила. – Как только... тут она запнулась. Ей было невыносимо отказывать Марье в ее простой просьбе. Но время неумолимо. Все концерты уже начались, да и билетов не было. Тогда Клавдия Ива-

новна сказала. – Концерт – завтра, сегодня пойдем в кафе или в ресторан. – затем она добавила. – На Москва реки открылся один, туда и ходим. – затем она сказала. – И пусть не пропустят, прав таких не имеют.

–Хорошо. – согласилась Марья, и шуткой добавила. – Я сегодня голодная как волк.

–Значит решено, на Москва реку.

–Туда.

В это самое время двери лифта открылись и из него вышла Клавдия Ивановна, вывязав из него кресло-каталку, в котором сидела Марья. Затем они по пандусу спустились с лестничной клетки, и выйдя из подъезда направились по дороге. Марья в какой-то момент повернула назад свою голову, и посмотрела в окно квартиры Клавдии Ивановны. Там, она увидела смотрящую в окно Лику. Она махала ей рукой словно говоря: все в порядке, доброй прогулки.

Все было тихо. Вечер был теплым. Все вокруг было спокойно. На небе сверила словно умиротворяя и успокаивая своим тихим взором бабушка-луна. В ночной далекой гладе мерцали одинокие звезды и многочисленные созвездия. Покой и тишина вокруг. Как прекрасно!

Глава 10.

Плавающий ресторан на Москве реке: разговор и осознание неизбежного

Итак, Марья повернула назад голову, и посмотрела в окно квартиры Клавдии Ивановны. Там, она увидела смотрящую в окно Лику. Она махала ей рукой словно говоря: все в порядке, доброй прогулки.

Все было тихо. Вечер был теплым. Все вокруг было спокойно. На небе сверила словно умиротворяя и успокаивая своим тихим взором бабушка-луна. В ночной далекой гладе мерцали одинокие звезды и многочисленные созвездия. Покой и тишина вокруг. Как прекрасно!

Марья смотрела на небо и восхищалась его непорочной красотой. Казалось, что эта просто женщина. Непорочная девственница. Умиротворяющая своей лаской и теплотой старушка-луна. Марья глубоко вздохнула. Она почувствовала какое-то облегчение. Словно что-то отлегло от сердца. Посмотрев на Клавдию Ивановну, она с чувством непорочной облегченности сказала:

–Какой сегодня чудный вечер, не правда ли?

–Да. – согласилась Клавдия Ивановна, смотря, как и Марья на небесную гладь. – Сегодня чудный вечер. – затем она с сожалением добавила. – Жаль, что мы так мало проводили друг с другой время. – затем она сказала. – Оно неумолимо все мчится и мчится вперед. – она посмотрела на дочь, и сказала. – Но сегодня время как будто бы остановилось. Оно замерло и предоставила нам возможность побыть вместе. «Жаль, что это продлится недолго», – затем она задумчиво сказала. – Ночь, лишь одна ночь нам отведена чтобы мы могли побыть наедине. Завтра все вернется на круги своя.

–Это Вы о чем?

Клавдия Ивановна посмотрела на дочь, и ласково улыбнувшись, сказала:

–Никто не знает, что будет завтра. Что принесет нам новый день. Все думают, что завтра наступит лучше, чем вчера. «Они ошибаются», – сказала Клавдия Ивановна. – Завтра может не наступить никогда. – затем она тяжело вздохнула, и сказала. – Я вот тоже не думала, что одна моя дочь умрет, а вторая... – тут она запнулась, но Марья поняла, что она хотела сказать.

–В том, что произошло со мной, – сказала Марья. – виновата лишь я сама. – затем она утвердила. – Лишь я несу это нелегкое бремя, и никто более.

Клавдия Ивановна тяжело вздохнула. Затем она словно коря себя за произошедшие сказала:

–Если бы я уделяла Вам больше внимание, возможно все было бы по-другому.

Марья пожала плечами. В это самое время она посмотрела на пешеходную улицу, и поняла, что кроме них никого на ней нет. Клавдия Ивановна везла кресло-инвалида, в котором сидела Марья по набережной Москва реки. Вокруг было темно. Казалось, что ночь неожиданно поглотила город. Но она казалась незлой, а добродушной. Приветливой и располагающей к гостям хозяйкой. Хозяйкой ночи – бабушка-луна. И ее дети, мерцающие на небосклоне звезды. Москва горела яркими огнями. В ночной мгле, озаряющей путь странствующему по московским улицам, и набережным Москвы реки людям. В Москве реке вода отражала желтый свет словно убаюкивающей ночную гладь воды бабушка-луна. Ночной воздух был чист. В нем не было никаких химикатов, ни CO_2 , ни химического соединения нефти, что так присуще в районе Капотни. Ни сигаретного дыма, ни запаха алкогольного перегара. Всего этого не было. Вместо этого был лишь чистый воздух. Он был настолько чист, что можно было б сказать, что он пер-

вородный, появившийся тогда, когда на землю сошла благодать Божья, и появились первые люди, Адам и Ева.

Марья удивленно спросила:

– Где это мы? – затем она добавила. – Я не понимаю, что происходит? Вроде бы Москва, но она какая-то не такая. – затем она пояснила. – Непохожая на тот город, который я знаю.

– Я тоже не узнаю Москву. – сказала Клавдия Ивановна. – Как будто бы она... – задумалась она.

Тем временем Марья помогла закончить мысль матери.

– Необычная. – сказала она, дав определение этому феномену. – Она другая. – сказала она. – Не такая какую мы привыкли видеть. – затем она спросила. – И где все люди?

– Не знаю. – тихо сказала Клавдия Ивановна. – Я понимаю если их было мало, или два – три человека мы увидели. – она, сделав маленькую паузу, добавила. – Но, чтобы совсем никого в город-герой Москве, это нонсенс. Сколько я живу здесь, всегда народ есть.

В это время они увидели стоящей у берега корабль. Впрочем, он не был похож на корабль, скорее это был ресторан. Ресторан на воде, так сейчас бы его назвали. Внутри было светло и радостно. Играла музыка, веселился народ. Клавдии Ивановне и Марье Анастасиевне показалось, нет, они были в этом абсолютно уверены, что это единственное место на набережной Москвы реки, где было весело. Тут они почувствовали запах. Запах который веял из ресторана на воде. Это было что-то. Запахов было множество, и каждый был вкусней другого. От избытка этих запахов у Марьи вскружилась голова. Она уже сутки ничего не ела и была чертовски голодна. Облевав губы после того, как у нее появились слюнки от разыгравшегося у нее аппетита, она предложила маме зайти в этот ресторан чтобы хоть что-нибудь перекусить. Клавдия Ивановна ответила, что сама бы не прочь отужинать, но кто знает, что в этом заведении подают на стол?

– Я не думаю, чтобы в эту ночь с нами что-нибудь произошло. – сказала Мария. – Мы неслучайно оказались здесь. – затем она добавила. – Эта ночь для нас, не будем ее портить.

В это самое время, словно ниоткуда, на набережной появился человек. На нем была надета форма швейцара. Он стоял у причала и смотрел на женщин. Затем он сказал:

– Мы Вас ждем.

– Кого ждете? – не поняла Клавдия Ивановна. – Это Вы о чем?

Швейцар легонько улыбнулся. Его улыбка казалась добродушной.

– Все уже собрались. – сказал швейцар, показывая рукой на плавучий ресторан. – Мы ждем лишь только Вас.

– Нас? – удивилась Клавдия Ивановна. – Вы ждете нас?

– Да. – ответил швейцар. – Вас.

Тогда Клавдия Ивановна спросила:

– Кто нас ждет, и где это мы?

– Вы там, где находитесь. – сказал швейцар. – Это Москва – столица России.

– Это так. – согласилась со швейцаром Клавдия Ивановна. – Но, – нерешительно продолжила она. – Москва какая-то странная, Вы со мной согласны?

– А Вы хотели бы чтобы сейчас здесь шли люди и проезжали как угорелые машины? Мчась осломая голову ища свою смерть? – он сделал паузу, и сказал. – Я думаю, что этого Вы не хотите. – затем она ответил на второй вопрос. – Что касается этого места, что Вы заметили, что Москва не такая, как всегда, то и на этот вопрос есть ответ.

Марья с присущей ей любопытством, поинтересовалась.

– А какая?

– Покойная. – ответил швейцар, и добавил. – Покойная и умиротворяющая.

Марья не поняла, что имел в виду швейцар. Она спросила:

–Что Вы имеете в виду? – в это самый момент ей стало страшно, и ее лицо похолодело от страха. – Вы меня пугаете.

–Не стоит бояться. – ответил швейцар. – Вас приглашают лишь на прогулку по Москве реке, и только.

Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–Кто приглашает?

–Те, кто пригласил Вас сюда.

–Марья спросила:

–Кто пригласил?

–Тот, кто желает с Вами говорить.

–Кто это? – спросила Клавдия Ивановна. – Кто хочет пообщаться с нами? – она не могла понять, что происходит? Вряд ли считала она, что они оказались здесь абсолютно случайно. Ведь за свою жизнь, которую она прожила, она знала абсолютно точно, что случайностей не бывает. Все закономерно идет своим чередом. А если и есть в жизни случайности, то это всегда кому-нибудь нужно. – Вы что-то не договариваете? Кто Вы вообще такой?

–Слишком много вопросов. – ответил Швейцар. – Хотя, – согласился он. – они не лишены здравого смысла. – затем он сказал. – Я не могу ответить на вопрос, кто Вас ожидает в этом плавучем ресторане. – затем он сказал. – Этого мне говорить не разрешено. Одно скажу. – продолжал он. – От этой встречи зависит Ваше будущее.

–Будущее? – спросила Клавдия Ивановна. – Я знаю свое будущее. – ответила она. Затем посмотрев на Марью, с грустью дополнила. – И Марья – моя дочь, тоже знает, что ее ожидает в жизни.

Марья с глубочайшей грустью согласилась с матушкой:

–Знаю. – затем она сказала. – Мне суждено всю свою оставшуюся жизнь провести в этом кресле. – на ее лице появились слезы, и она, не сдержавшись, воскликнула. – Хоть бы я умерла! – эта фраза вылетела из уст Марьи, и пронесшись словно реактивный самолет, и разрезав воздух, отдался отдаленным эхом в мерцающем звездном ковре ночного небо.

–Тихо. – попросил швейцар. – Здесь не принято говорить громко. – затем он сказал. – Я Вас отлично понимаю, трудно признать то, что очевидно.

Клавдия Ивановна принялась успокаивать дочь. Она понимала, что сейчас слова швейцара будут хуже любой известной ей пытки. Стрельнув взглядом в швейцара, она выкрикнула:

–Вы что, не видите, до чего довели Вы мою дочь? Будьте же человеком в конце-то концов, если можно применить к Вам этот словесный термин.

–Я ничего не сказал. – возразил швейцар. – Это Вы сказали, – напомнил швейцар. – что Вы знаю свое будущее. – он сделал паузу, затем добавил. – Затем Вы посмотрели на Марью, и грустью сказали; и Марья – моя дочь, тоже знает, что ее ожидает в жизни. – затем он сказал. – Так что я тут ни при чем.

Клавдии Ивановне не было что возразить. Она посмотрела на Марью, и поинтересовалась:

–Все в порядке?

–Да. – ответила Марья, утирая ладонью слезы. – Я в порядке.

Клавдия Ивановна вытащила из своей сумочке одноразовый платок, и дала его дочери чтобы та могла вытереть слезы.

Та, вытерев слезы, хотела выбросить платок на асфальт, но тут Швейцар показал ей на стоящую неподалеку урну, и та отдала платок матери, которая в свою очередь выбросила платок в мусорную корзину.

Швейцар сказал:

–Здесь мы не мусорничем. – затем он поинтересовался. – У Вас еще есть вопросы ко мне?

Марья спросила:

–Вы так и не ответили, как Вас зовут?

Швейцар ответил:

–Владимиром. – затем он сказал. – Я швейцар.

–Скажите Владимир, где это мы?

–На все вопросы Вы получите ответы в плавучим ресторане. – ответил он. – Я лишь швейцар, – ответил он. – и только.

Клавдия Ивановна подошла к Марье, и сказала Владимиру, заметив:

–Швейцар открывает все двери.

На что Владимир заметил:

–Смотря где.

Женщины переглянулись. Они понимали, что Владимир прав. Порой швейцар открывает не все двери, а лишь только некоторые.

Заметив, что швейцар-Владимир весь их разговор стоял на одном и том же месте, Клавдия Ивановна спросила:

–Скажите, почему Вы все время стоите на одном и том же месте? Может быть, подойдете к нам? – дело в том, что все то время пока они разговаривали, Владимир стоял неподалеку от женщин, возле входа в плавучий ресторан, на пристани, а женщины наверху, на пешеходной дорожке.

–Я не могу покинуть свое рабочее место. – ответил тот. – Если я его покину, – пояснил он. – то меня незамедлительно уволят.

Марья поинтересовалась:

–И что, все время? – не поверила она. – Без выходных?

Владимир тихо подтвердил:

–Каждый день, без выходных.

В это самое время он умолк, и встав как вкопанный по стойке смирно, открыл дверь плавучего ресторана. Из него вышла молодая женщина. Брюнетка тридцати пяти лет. Она была одета в красивое вечернее платье до пят, из-под которого были видны мысы черных туфель. В области декольте у нее были видны блески. Переливающееся в ночном лунном свете, они словно мерцали словно небесные звезды при свете лунного света. Ее глаза напоминали маленькие звездочки, и словно умиротворяли пришедших к ней людей. Увидев пришедших Клавдию Ивановну и Марью, она удивленно спросила:

–Вы еще здесь? «Почему?» – затем она сказала. – Все уже давно собрались. – она сделала однозначную паузу, и добавила. – Вас все ждут.

Так и не поняв, кто их ждет и зачем они собрались, Марья поинтересовалась:

–Кто нас ждет? – затем, она сделала паузу, и спросила. – Вообще, где это мы? И кто Вы?

Женщина посмотрела на Владимира, спросила:

–Вы что? Не объяснили почему они здесь?

Швейцар-Владимир посмотрел на женщину, и произнес:

–Я лишь сказал то, что должен был сказать. – он, сделав паузу, добавил. – Ничего боле.

Женщина посмотрела на пришедших, и затем представилась:

–Меня зовут Аманда. – она, сделав паузу, добавила. – Здесь Вам нечего беспокоиться. Вы гости. – затем она словно приглашая их войти, сказала. – Здесь Вы в безопасности. – затем она добавила. – Вас ждут?

Клавдии Ивановне показалась что Аманда провоцирует их. – ведь если кто-либо войдет в эти двери. – считала она. – то вряд ли можно было бы выйти. Обратно.

Зная все это, Клавдия Ивановна осторожно поинтересовалась:

–И все-таки, кто нас там ждет?

–Люди. – тихо ответила Аманда. – Такие же люди как и мы с Вами. – затем она обратилась к Марье. – Вспомните парк, и встречу с тремя женщинами. – напонила Аманда. – Одна из них так же, как и Вы Марья, сидела в таком же кресле, как и Вы.

Марья удивилась:

–Откуда Вы знаете, как меня зовут?

На что Аманда ответила:

–Своих гостей я знаю поименно.

Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–Значит Вы хозяйка?

–Хозяйка. – утврдила Аманда, и добавила пояснив. – Хозяйка звездной ночи. – она подняла голову в верх, и звезды на небе замерцали. Казалось, что они словно игриво стали бегать друг с другом на перегонки. Аманда восхищенно заметила. – Красиво, не правда ли?

Женщины тоже посмотрели на небо, и увидев свод мерцающих звезд, которые играли на небе в догонялки. Словно волшебник флейты, несущей сквозь время звуки музыки и дарящий ее всем людям планеты – земля. Жаль, что ее так никто и не слышит. Заботы и собственные амбиции не дают людям услышать прекрасную музыку ночного небо и мерцающих в дали звезд. Аманда сказала:

–Вы здесь, потому что Вы слышите эту прекрасную музыку. – затем она, обратившись к Марье напонила ей. – Вы, кажется, хотели услышать классическую музыку?

–Откуда Вы знаете?

–Я знаю все. – ответила Аманда. – Я вижу тех людей, которые не разучились слушать. – объясняла она. – Слушать и слышать то, что другим уже не дано.

Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–Что это?

–Сердце. – объяснила Аманда. – Это сердце и человеческая душа, – затем она сказала, – если бы люди могли слушать ту музыку, которую они могли слушать, когда были детьми, то они бы не потеряли бы ту чистоту души, которая им дана была от природы. Люди разучились слушать. Вместо этого у них лишь заботы о себе. – затем она прочла четверостишья.

Тщеславны похотью они;

Корыстны и честолюбивы:

В грехе погрязли прелюбодеяния;

И злато их корысть:

–Эти стихи как нельзя лучше подходят к нынешним людям. – продолжала Аманда. – Все люди забыли о своей красоте, и о мирозданье. «Они разучились слушать», – сказала Аманда. – И лишь некоторые кто сохранил эту частицу своей души может попасть сюда. – она, сделав паузу, добавила. – В мир, где можно услышать музыку души.

Поняв, о чем идет речь, Марья поинтересовалась:

–Мы в раю?

–Нет. – ответила Аманда. – Это не рай и не ад.

–Что же тогда? – не понимала Марья.

–Это лишь покой. – ответила Аманда, пояснив. – Вы здесь чтобы отдохнуть от мирских проблем. – затем она добавила. – Вы это заслужили, Марья.

Марья недоуменно посмотрела на Клавдию Ивановну, а затем на Аманду, спросив:

–Это Вы о чем?

–О вашем понимании смысла жизни. – ответила Аманда. – Вы не устрашились подать заявление в службу опеки и не сделали аборт, хотя прекрасно осознаете, что у Вас нет шансов вырастить ребенка. – затем она сказала. – У Вас много силы воли. – она сделала паузу, и утверждено добавила. – Это самое главное в жизни. Главное – это сила воли и душевное понятие о чистоте. Лишь в этом случае человек добьется своего. У вас есть все это, и потому Вы здесь. – затем она сказала. – Надеюсь, что я ответила на Ваш вопрос, почему Вы здесь?

–Да. – кивнула понимающе Марья. – Понимаю.

–В этом ресторане, – продолжала Аманда. – Вы встретитесь с теми, кто так же, как и Вы не потеряли способность слушать музыку ночного небо, своего сердце, своей души. – затем она отошла от двери, и открыв ее чтобы гости могли войти, сказала. – Вас ждут.

Что ж, Марья и Клавдии Ивановн было понятно, что они здесь неслучайно. Кто-то сделал так чтобы они появились здесь. Этим вечером. Вечером которой покрыл звездопад глубокой ночи. Звездного покрывало блестящего на черном фоне ночного небо. Ласково улыбающейся им бабушки-луны, и мерцающих звезд ночи, музыки ночного небо. Клавдия Ивановна подошла к лестнице, которая вела к причалу, и посмотрев на нее увидела, что возле нее есть спуск. Спуск для колясок. Она подкатила инвалидное кресло к спуску, и тут она поняла, что самостоятельно ей не спустить кресло-коляску к причалу. В это самое время к ним подошел шедший по набережной какой-то человек. Он помог спустить коляску к причалу и завести ее в плавучий ресторан. Вслед за ним на палубу плавучего ресторана вступила Клавдия Ивановна, а за ней вошла Аманда и Владимир.

Маленький корабль снаружи оказался большим изнутри. Это был довольно просторный трехпалубный корабль, на нижней палубе которого расположился ресторан, а на верхней стояли стулья чтобы отдыхающие на нем люди могли посидеть и насладиться тихо проплывающим перед глазами ночным городом. Третья палуба занимала самый низ корабля. Это были каюты для путешественников. Чтобы они могли не только отдохнуть, но и расслабиться, побыть наедине с самими собой. В них было все. Кровать, стол, стул. Книжный шкаф. Пишущая машинка или компьютер. У иллюминатора стояли столы с лежащими на них тетрадками и авторучками. Что касается капитанского мостика, то он находился выше верхней палубы. Управлял плавучим рестораном капитан – морской волк, видевший за свою жизнь все что мог увидеть капитан корабля и даже больше. На нижней палубе как уже было сказано находился ресторан. Сейчас он был почти безлюдный. Сидевшие за столами несколько людей были непохожи на людей из того времени, из которого пришли Марья и Клавдия Ивановна. Вряд ли можно было бы сказать, что они были мертвы. Наоборот, они казались живучи как некогда. Они тихо сидели за столами, которые стояли возле борта плавучего ресторана. Ели, и о чем-то тихо беседовали. Каждый из них был одет в платье своего времени. Мужчины в сюртуки, а женщины в платья восемнадцатого – девятнадцатого века. На потолке висела люстра, в которой было зажжены свечи. Их было ровно двенадцать. Что касается столов, то на них горели в подсвечниках девятнадцатого века по семь свечей. Откуда-то доносилась музыку. Звуки пианино. Умиротворяющие людей, пришедших в ресторан. Создавая им покой и умиротворение. Аманда провела гостей за один из столиков возле левого борта, и усадив их за стол, поинтересовалась:

–Что-нибудь закажите?

Марья спросила:

–А что есть? – ей хотелось попробовать здешнюю стряпню, и к тому же она была голодная как волк. – Можно посмотреть меню?

Аманда подозвала официанта, и тот подойдя к их столику протянул обеим женщинам меню. Марья открыла его, и увидев название сделала глотательное движение. Ей чертовски как захотелось есть. От перечисления блюд, которые были в меню можно было просто сойти с ума. В нем были все блюда мира, которые только существовали на свете. Марья хотелось

попробовать все блюда, которые только были в меню, но тут она заметила, что цены на эти блюда нет. Марья подумала: – «нет цены, странно? Чем же платить?» – тут она у Аманды спросила. – А где цена?

–Ее нет. – ответила Аманда. – Вы в гостях. – сказала она. – Здесь Вас угощают за счет заведения.

Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–Вы шутите? – не верила она. – Это какая-то шутка? – затем она усмехнулась, и с иронией, шутя, спросила. – Это что, сыр в мышеловке?

–Нет. – ответила однозначно Аманда. – Это не сыр в мышеловке. – она сделала паузу, и добавила. – Хотя я Вас отлично понимаю. – затем она сказала. – Вы в гостях у меня. Заказываете что хотите, – затем она добавила. – Вы заслужили отдых. – она посмотрела на палубу, и подняв правую руку вверх, щелкнула пальцами и в это самое время корабль отплыв от причала, поплыл по Москве реке к Тушинскому водохранилищу. Столы ресторана уже не были пусты. За ними сидели люди. Они казались не такими как все. Так оно и было. Ведь они были из разных эпох, разного времени.

Оглянувшись по сторонам, Марья поинтересовалась:

–Кто эти люди?

–Приглашенные в гости так же, как и Вы Марья.

В это самое время Марья увидела идущую к их столику женщину. Она тотчас же узнала ее. Да и как не узнать свою сестру. Олеся. Да, это была она, Олеся Анастасиевна Мщэртц. Ее сестра. Подойдя к столу, она душевно улыбнулась. Она как никто была рада этой встречи. Встречи со своей сестрой Марьей.

–Здравствуйте. – поздоровалась она как обычно уважительно, затем поинтересовалась. – Как дела?

Не зная, что сказать, Марья Анастасиевна тупо смотрела на сестру. Она не могла поверить своим глазам что это она.

–Я не верю своим глазам! – радостно воскликнула Марья. – Олеся, это Вы?

–Да. – ответила Олеся. – Это я.

–Да что же это! Я не верю! Откуда?

–Я здесь по приглашению Аманды. – пояснила она. – Это она пригласила меня на этот корабль.

–Да что же это! – не верила своим глазам Марья. – Садитесь за стол, – предложила она. – поболтаем.

Олеся села за стол, а официант дал ей меню, а Аманда ушла, чтобы не мешать женщинам говорить.

–Здесь хорошая кухня. – сказала Олеся. Затем она предложила. – Давайте я закажу на троих.

Женщины согласились.

Приняв заказ, официант удалился, а женщины стали делиться новостями или просто говорить каждая о своем.

Марья нетерпеливо спросила:

–Ну, рассказывайте, что нового? – казалось, что Марья на секунду забыла, что произошло с ее сестрой, и где они сейчас находятся. Но это не так. Конечно, Марья тотчас опомнилась. Она вспомнила что произошло с ее сестрой. И радость с ее лица тотчас пропала. Вместо него на ее лице появилась выражение сочувствие. Радости и чего-то еще. В этот момент она перефразировала свой вопрос. – Где Вы сейчас? – затем она рассудила. – Если не здесь, то где?

–Я? – запнулась на секунду Олеся. – Сейчас лежу в коме в Раменской больнице.

–Это я уже слышала.

–Да, я говорила об этом в парке.

–Так все было реально?

–Реально. – ответила на вопрос Олеся. – Реально так же, как и сейчас.

Марья посмотрела непонимающе не Олесю, затем на Клавдию Ивановну.

–Это не может быть реально. – сказала она. – Ведь там, где мы сейчас, это нереальный мир! – Тут она поняла, что ее мать, Клавдия Ивановна относиться к происходящему ни так как относилась ее мать будь она в реальном мире. Казалось, что ей было хорошо. Она была счастлива что Олеся снова с ней. Впрочем, это и понятно. Ведь Олеся была ее любимой дочерью, и делить ни с кем она ее не собиралась. На ее глазах появились слезы радости, казалось, что она не верила, что ее дочь снова с ней рядом. Да и как тут не поверить? Ведь она сидела рядом, около нее. На ее глазах были горькие слезы.

–Я не верю, что я снова вижу свою дочь! – со счастливыми слезами на глазах сказала Клавдия Ивановна. Она обняла свою дочь и воскликнула. – Неужели это моя Олеся! Моя дочь.

–Да, это я. – сказала Олеся Анастасиевна. – Сижу здесь, рядом с Вами, маменька.

–Я не верю, что я снова вижу свою дочь.

–Но это так. – ответила Олеся. – Я здесь, и никуда я не делась.

–Но ведь была ужасная авария. – сказала Клавдия Ивановна. – Как? – не понимала она. – Как это возможно? – затем Клавдия Ивановна придя в себя, и разомкнув свои объятия села на свой стул.

–Все в этом мире относительно. – сказала она. – Вот я, лежу в Раменской больнице, в коме. – сказала она. – Про меня уже все давно забыли. Я никому не нужна. – она сделала грустную паузу, и сказала. – Порой мы сами себе не нужны, что тут говорить о других. – тут она поинтересовалась. Она просто не знала, что сказать? Ведь сказать можно было много, но кто знает, поймут ли? Затем она неожиданно спросила. – Скажите, Вы меня любили? Маменька?

–Конечно любила. – удивилась Клавдия Ивановна этому неожиданному для нее вопросу. – Что за вопрос? – затем она спросила. – К чему этот вопрос?

Затем Олеся поинтересовалась:

–А Марью Вы любили?

На этот вопрос не было однозначного ответа. Весь ответ сводился к одному; любовь это лишь ненависть к человеку, который порой хочет любви. Но любовь порой бывает жестока, и превращаясь лишь в жестокую ненависть по отношению к любящему человеку, претворяет ее в жизнь, и становится невыносимо жестокой. Так что кто говорит, что любовь это лишь только что-то абстрактно-неземное чувство, те нагла врут. Врут, потому что любовь это лишь ненависть и порой презрение. Человек способен любить лишь самого себя, такого какой он есть на самом деле. А любить другого человека с его всеми недостатками и пороками это ни то, что сложно, просто невыносимо тяжело. И из этой тяжести непосильной любви вырастает ненависть, и непреодолимая стена. Так что исходя из вышеописанного можно сделать однозначный вывод: человек не способен любить кого бы то ни было, он способен любить лишь самого себя.

–Конечно! – поспешно отпарила Клавдия Ивановна. – Что за глупый вопрос?

–Вы не ответили на него. – заметила Олеся Анастасиевна. – Лишь сказали поверхностно. – затем она заметила. – Вы сказали: конечно, что за глупый вопрос

Клавдия Ивановна тотчас же отпарила:

–А надо было сказать по-другому?

–Да. – подчеркнула Олеся Анастасиевна, и добавила. – Нужно было сказать, да или нет, и больше ничего. – она пронзающим взглядом посмотрела на мать, и словно требуя от нее однозначного ответа, спросила. – Да или нет.

В душе Клавдии Ивановны закипела буря. Буря смятение. С одной стороны, она понимала, что всеми фибрами своей души она ее не то, что ненавидела, а просто презирала. Ведь как уже было написано ране, она считала, что Марья сломала ей и ее карьеру по политической жизни, и ее саму, ее жизнь. Сейчас, вспомнив обо всем этом, Клавдия Ивановна передернулась.

Нет, конечно, это ни так. Она не передернулась в общем понимании этого слово. Ее передернуло что-то изнутри. Ее неостывшая ненависть и злоба передернули ее ни только все тело так, что со стороны казалось, что ее тело свела судорога. Но и ее лицо, которое показало полное недовольство, а в глазах было видно презрение.

–Что Вы хотите услышать? – спросила Клавдия Ивановна. – Вы хотите, чтобы я сказала правду или солгала?

Олеся Анастасиевна сказала:

–Правду.

Клавдия Ивановна посмотрела на Марью презрительным взглядом, и на ее лице появилась оскал. Затем она сквозь зубы прошипела словно змея:

–Ненавижу, – это одно единственное слово, которое говорила обо всем. О презрении, о ненависти, о любви. Да в каждой матери есть любовь к своему ребенку, и Клавдия Ивановна была не исключением. В потаенном уголке ее сердце была частичка той материнской любви, которая должна испытывать каждая женщина по отношению к своему ребенку. – Ненавижу и люблю. – горько заревела Клавдия Ивановна. – Да что мне бог такую дочь послал? – проклинала она себя и все вокруг. – Я что, в чем виновата? – думала она вслух. – Ни в чем я не виноватая. – затем она утвердила. – Ни в чем. – она смотрела на Марью и видела в ней и свою дочь и ту, кто лишил ее жизни. Тут она вытерла слезы, и ее лицо снова стало лицом женщины, которая пришла в этот плавающий ресторан со своей дочерью, Марьей. Ее лицо выражало любовь. Она видела перед собой свою дочь. Дочь, которая нуждалась в помощи. Дочь, которая нуждалась в поддержке, любви и заботе. Где-то в глубине сердце она понимала, что никто о ней не позаботиться лучше, чем она сама. Вряд ли Марья будет кому-нибудь нужна? Всем она будет в тягость. В лучшем случае лишь только посочувствуют, и все. На этом их забота закончится.

Клавдия Ивановна тяжело вздохнула, и тихо призналась:

–Конечно я любила. «Любила и люблю свою дочь». – сказала она. – Кто может любить свое дитя если не собственная мать. Вы спрашиваете любила я Марью? Конечно любила. Я и сейчас ее люблю, и ничего не могу с этим поделать. – она сделала паузу, и призналась. – Ведь я ее ненавижу. Ненавижу за то, что она сломала мне всю мою жизнь. Что она не такая как я или Вы Олеся. – затем она, сделав долгую тяжелую паузу, продолжила. – Я уже никогда не изменюсь. Я такая какая есть, и воспринимайте меня такой. – затем она призналась. – Да, я ненавижу неформалов. Для меня их новые так сказать веяние в жизнь не что иное, как просто хулиганство. «Попомните мое слово», – сказала она. – ни к чему хорошему это не приведет. – затем она сказала. – Вот наглядный пример неформалов. – она посмотрела на дочь сочувственным взглядом, и сказала. – Результат налицо. Новое веяние жизни сделало мою дочь инвалидом. «Что дальше?» – спрашивала она саму себя и Марью. – Что дальше? – она сделала долгую грустную паузу, тяжело вздохнула, затем сказала. – Ничего. – это слово прозвучало как приговор. «ничего». Классик сказал как-то, кажется, это был Шекспир устами Гамлета: «Из ничего не выйдет ничего». Так и у Марьи. Дальше ничего. Лишь пустота, и только. Впрочем, на эту тему уже было размышление в другой главе. К чему писать то, что уже написано? Надо двигаться дальше, и Марья не исключение.

–Да. – призналась она. – Я неформала. Я останусь ей до конца, до самой моей смерти. – затем она сказала. – Но в том, что произошло со мной ничьей вины нет. Виновата только я одна.

–Я, конечно, хвалю Ваше признание, – сказала Клавдия Ивановна. – но оно не вернет ноги.

Марья согласилась с матерью:

–Это так.

–Не надо расстраиваться. – сказала Олеся. Правда она не знала, что сказать в такой ситуации. – Надо продолжать жить.

– Жить? – усмехнулась Марья. – Вряд ли это можно назвать житьем. – затем она сказала. – Жизнь – это мгновение, а жизнь – это вечность.

Клавдия Ивановна посмотрела на дочь удивленным взглядом, а затем сказала:

– Не знала, что моя дочь поумнела.

– Иногда, – ответила Марья. – чтобы чтоб что-то понять, надо что-то потерять. – затем она добавила. – Я это поняла только сейчас. – затем она добавила. – Меня жизнь проучила, и научила ценить ее. – затем она тихо добавила. – всю свою жизнь я буду вспоминать это. – она тихо умолкла, и тяжело вздохнула. Ей было тяжело говорить об этом. Ведь то что произошло с ней, никто не был виновен. Никто, кроме ее самой. Впрочем, виновата была ни только она. Ее мать была виновна тоже. Ведь она по сущности бросила дочь на произвол судьбы, и к чему это привело? Страшно. Марья грустно посмотрела на свой обрубок левой ноги, и снова тяжело вздохнув, сказала. – Моя жизнь, по сути, уже кончина. Вряд ли я стану счастливой в этом мире. Единственная радость, это то, что я беременна, и в надежде удочерить мою племянницу. – затем она сказала. – Я знаю, что мне одной могут ее не отдать, но я надеюсь, что все же ее мне отдадут. – затем она, сделав паузу, добавила. – Жизнь – это нелегкая штука. Не успеешь погулять, вдоволь насладиться жизнью, как она оставляет нас наедине с самими собой, и делает одних счастливыми, а других нет. – она тяжело вздохнула, добавив. – Это я знаю точно. – затем она добавила. – Наверняка.

Никто не знал, что сказать? Слушая Марью, и Клавдия Ивановна, и Олеся Анастасиевна понимали, что сейчас Марья говорит правду. Изливает перед ними свою душу, словно прося прощение за что-то. Марья была искренняя. Она не лгала, она была искренна со всеми. Можно сказать, она изливала душу.

Клавдия Ивановна, выслушав свою дочь сказала:

– Я даже не подозревала что моя дочь философ. Я думала, что она лишь способна на пакости и только. – она сделала паузу, и с сожалением добавила. – Как я ошибалась. – она сделала тяжелую паузу, и сказала. – Это я виновата в разыгравшейся трагедии. – винила она саму себя. – Я и больше никто. – дальше она продолжила винить себя, начиная каждое свое предложение с союза «если бы». Впрочем, причитать ей не шло. Было видно, что она просто хочет отговориться, убедив свою дочь что та совершенно невиновата в случившемся. Это она, ее непутевая мать недосмотрела за своей дочерью. Да, в этой женщины погибла великая актриса. Впрочем, политика – это такая же сцена, и кто на ней куклы, а кто кукловоды, это вопрос.

Тут Марья сказала:

– Из Вас получилась бы замечательная актриса! – затем она с иронизировала. – Такой талант пропал.

– Я не понимаю Вашей иронии. – жестко сказала Клавдия Ивановна. – Это что, усмешка?

– Я никогда не видела, чтобы Вы винили саму себя за что-либо сделанное Вами, маменька. – сказала Марья. – Вы всю свою жизнь то и делали что ненавидели меня, и я не поверю, что Вы изменились.

Клавдия Ивановна ответила:

– Вряд ли Вы поймете как мне сейчас тяжело. Вы думаете, что я кремень. Женщина из стали? Вы все ошибаетесь. Мне тоже не чужды человеческие слабости. Вряд ли Вы поверите мне, что вообще-то я ни такая какую Вы привыкли меня видеть.

Марья поинтересовалась:

– А какая Вы?

– Я просто женщина. – сказала она. – Я просто мать. Мать, хотящая чтобы ее ребенок не был изгоем общество, чтобы на него всю жизнь показывали пальцем и говорили; он неуч пошел. – она сделала паузу, затем добавила. – Я этого не хочу. – затем она сказала. – Я хотела, чтобы Вы обе выучились, вышли в люди и стали теми, кто стали бы хозяйками собственной судьбы. Теми, кто ни в чем бы не нуждался. – затем она с грустью сказала. – Но, к сожалению,

этого не произошло. Как бы я ни старалась вывести Вас в люди, так у меня ничего не получилась. – она посмотрела на Олеся и с горестью произнесла. – К сожалению Вы мертва. – затем она посмотрела на Марью. – А Вы всю свою жизнь будете прикованы к этому ненавистному креслу. – затем она утвердила. – И это факт. Неоспоримый факт, от которого никуда не деться. Все мои усилия были напрасны. – затем она сжала силу волю в кулак, и сказал с чистой ненавистью к самой себе воскликнула. – КАК Я СЕБЯ НЕНАВИЖУ!!!

Женщины не заметили, как заказ, который принял у них официант уже давно стоял на столе. Они даже не заметили, что плавающий ресторан пересек тушинское водохранилище и уже плыл дальше и дальше, прочь из города.

Олеся, посмотрев на проплывающую вдоль берега город Москву ничего не сказал. Ей было все равно, ругаются ли Клавдия Ивановна и Марья или просто о чем-то говорят. Ей было все равно. Она слышала музыку. Ту музыку, которую хотела послушать Марья, и которую ей так до сих пор не удалось услышать.

Но что это такое? Марья тоже слышала эту музыку. Музыка, которую слышала она своим сердцем. Душой маленькой девочки, душой ребенка.

Музыка лилась словно ниоткуда, словно умиротворяя и успокаивая их. Вряд ли кто-либо может слышать ее, ведь она это мы! Мы это сами люди. И кто знает, кто может ее слышать. Ведь чтобы ее слышать нужно быть ребенком. Но кто может сказать сам про себя, что он еще ребенок? Никто. Мы становимся взрослыми или считаем себя таковыми слишком рано. Некоторые уже в десять лет становятся родителями. Родителями, у которых нет ничего из детства, лишь дым сигареты и бутылка пива или что-то покрепче в десять лет, а может быть и раньше. Результат таково взросление – одиночество. Пьянства, дебош, наркотики и... Мы уничтожаем сами себя. Мы сам себя убиваем.

Вернемся к Марье и Олеся. Что они видят? Что они слышат? Сейчас Вы об этом узнаете.

На палубе все стихло. Свечные огни потускнели сами собой. И теперь вместо яркого ночного света пылающих на ветру свеч, было видно покойный их красно желтый огонь. Вдали появился рояль. Черный наводящей ужас инструмент. Вы спросите, почему ужас? Извольте, отвечу. В тусклом пламени свечей что может ни показаться. Порой человек может представить такое, что волосы дыбом встанут, а свет пламени лепестка свечи порой может показать нам то, о чем мы давно забыли. И лишь ее тень способна испугать нас. Вот и ответ на этот вопрос: почему рояль показался зловеще ужасающем. Это лишь тень. Тень, которая способна испугать. Довести человека до инфаркта, сделать так чтобы у него появился паралич после страха, который возник неоткуда, словно из воздуха родился он. страх тени зловещего, порой неожиданного. Так что вряд ли можно было сказать, что рояль ужасал присутствующих. Это было б неверно сказано. Скорее это его возникшая неоткуда тень, заставила от неожиданности вздрогнуть всех присутствующих на палубе ресторана. Вскоре вдали появился свет, и словно ниоткуда к роялю подошла женщина в красивом розовом платье. У него были длинные рукава, которые заканчивались на запястьях. У него было небольшое скрывающее ее красивую грудь декольте, из которой была видна небольшая ложбинка из-под платья зоны декольте. Вообще-то, что касается ее груди, то вряд ли можно было бы назвать ее маленькой. Она была довольно большой. Грудь твердого раз Само же платье было длинным, и лишь небольшие черные сапожки были видны из подола платья. На само же платье под тусклым светом светящихся свечей, и держащей в правой руке подсвечник, в который можно поставить три свечи, переливались блеском наших на нее бриллиантовой мишуры. Она подошла к роялю, и поставив свечку на рояль села на стоящий у клавиатуры стул. Теперь рояль не казался таким страшным. Теперь он приобрел свой естественный вид. Черный, горделивый, он стоял на появившейся словно ниоткуда сцене. Когда женщина села на стул, за рояль, ее лицо освятили стоящие на подсвечники три свечи, их тусклый свет. Теперь можно было разглядеть ее лицо. Оно было красиво. Чуть-чуть вытянутое. Маленький носик, черные жгучие глаза. Длинные до пола распущенные, повязанные в неболь-

шой пучок на голове черные. Ее руки были красивы. За всю свою жизнь, которую она когда-то прожила на земле, она никогда не занималась физическим трудом. Она была сочинитель. Она сочиняла музыку. Музыка для души, которую она слышала в своем сердце, в своей душе. Она слышала ее в лесу, в растениях, даже в живущих в лесу животных и поющих радостные песни певучих птиц. И вот, она сделала первый аккорд. Ее тонкие гибкие пальчики плавно стали скользить черно-белой клавиатуры рояля. Она тихо, будто трепеща перед музыкой и инструментом, словно скользя по черным белом клавиш, начала играть свою партию и, забыв обо всем на свете, ушла в музыку исполняющей партии. Казалось, что она играет так, что кроме музыки ей ничего было не надо. Она была погружена в музыку, играя на рояле так, что казалось, это не она играет свою партию, а сама музыка, вот она. Взяла за руки ее, и сама ее вела по своим музыкальным нотам. Она лилась из этого музыкального инструмента, словно соловей пел свою песню. Но вот музыкальная композиция закончилась, и присутствующие в зале зрители, встав, зааплодировали. Зрители аплодировали довольно долго, а игравшая на сцене женщина готовилась к следующей партии. Овации слушающих не знала границ. Руки рукоплескали. И вот, словно ниоткуда появился оркестр. Сидя на стульях, у своих инструментов они с нетерпением ждали, когда дирижер взмахнет своей дирижерской палочкой, и они оживят свои инструменты вдохнув в них музыкальную композицию своей души и сердце. Ведь музыка льется лишь из сердца, а та в свою очередь идет от души. И вот, дирижер взмахнул своей дирижерской палочкой, и инструменты зазвучали. Они ожили в музыкальном сопровождении своих друзей-нот. Дирижер дирижировал своей дирижерской палочкой, смотря на оркестрантов, внимательно вслушиваясь в каждую скрипку и другой музыкальный инструмент. Вот оркестр затих, и слушатели услышал стоящий на сцене рояль.

Женщина снова, будто трепеща перед музыкой и инструментом, словно скользя по черным белом клавиш, начала играть свою партию и, забыв обо всем на свете, ушла в музыку исполняющей партии. Казалось, что она играет так, что кроме музыки ей ничего было не надо. Она так же, как и в первый раз была погружен в музыку, играя на фортепьяно так, что казалось, что это не она играет свою партию, а сама музыка льется из стоящего на сцене рояля. Вот она, прекрасна. Взяла за руки этого человека, и сама его ведет по своим музыкальным нотам. Она лилась из этого музыкального инструмента так, что казалось, что словно соловей пел свою сладкую песню. Но вот снова вступил оркестр, влившись в музыкальную композицию партии. Прекрасная музыка! Олеся и Марья сидели за столом, и не могла сказать ни единого слово. Они за свою жизнь никогда не слышали такого красивого исполнения музыкальной композиции, льющейся из сердца и сопровождающейся душевным вдохновением.

– Прекрасно. – тихо сказала Марья. – Эта музыка меня успокаивает. – затем она обратилась к Олеся. – А Вы ее слышите?

– Конечно. – тихо ответила Олеся. – Я ее слышу. – с какой-то долей таинственности ответила она. – Она так прекрасна, словно неземная.

Тут Клавдия Ивановна, прервав их, поинтересовалась:

– Это Вы о чем? – не понимала она.

– О музыке. – ответила Марья. Затем она поинтересовалась. – Разве вы ее не слышите?

– Нет. – ответила удивленная Клавдия Ивановна. Она была в недоумении. Никакой музыки она не слышала. Она сидела за столом, смотрела на проплывающей мимо нее город, и слышала лишь разговор, в котором сама принимала участие. Скорее всего даже не разговор, а лишь то, что она хотела слышать. То, что ей было в радость. Ничего другого она слышать не хотела. Только то, что сама хотела слышать. А слышать она хотела лишь одну свою дочь, Олеся. Только ее и больше никого. – Я музыки не слышала. – сказала она. – Да и какая тут музыка позвольте сказать, ведь мы в плавучем ресторане, то есть на судне. – затем она сказала. – Посмотрите черт побери, где тут музыканты позвольте спросить? Их нет. «Нет и быть

не может», – затем она сказала. – Это в конце-то концов ресторан на воде, а не концертный зал имени Чайковского. – затем она утвердила. – Здесь нет музыки, только еда.

–Вы ошибаетесь. – сказала незаметно подошедшая к ним Аманда. – В нашем ресторане есть все.

Клавдия Ивановна с усмешкой посмотрела на Аманду, затем иронично, словно считая, что все это одна большая шутка, поинтересовалась:

–И Музыканты здесь тоже играют? – в этом вопросе была слышна неподдельная усмешка, как будто Клавдия Ивановна желала принизить Аманду, чтобы та не лгала. – Так, где же музыканты позвольте спросить?

Аманда равнодушно посмотрела на Клавдию Ивановну. Ей стало жаль бедную женщину. Ведь она в жизни не видела никакого счастья. Вся ее жизнь была в заботах. Никакой радости жизни. Лишь одна преданность своему делу и партии СССР.

–Никто не сможет услышать музыку. – начала Аманда. – Ее может услышать лишь тот человек, который даже в самой адской ситуации и ее безнадежным исходом остается счастливо.

–Вы считаете, что Марья остается счастливой? – удивилась Клавдия Ивановна. – У нее же ног нет. Всю жизнь проведет в коляске. Что тут за счастье позвольте спросить? – затем она заявила. – Она же инвалид! – затем добавила. – Какое тут позвольте спросить счастье в ее инвалидности?

Клавдия Ивановна была, конечно, права, в инвалидности нет никакого счастья, лишь одни страдания.

Тут Марья сказала:

–Вы жестоки, маменька.

–Я не жестока. – отпарила Клавдия Ивановна. – Я всегда говорю только правду. – затем она добавила. – Порой она жестока. Но она такова какова она есть на самом деле, не больше и не меньше. А кому это не нравится прошу. Путь свободен. Гуляйте. Авось ни только ноги потеряете, головы лишитесь. – затем она заявила. – Возможно я и не слышу музыку, но разве в музыке счастье? «Нет, – сказала она. – это не так». – Жизнь жестока, и это факт. А кто слышит музыку в этой жизни – счастливый человек.

Аманда тотчас же поинтересовалась:

–Значит Вы признаете, что Марья счастлива?

Клавдия Ивановна усмехнулась:

–Что ж, – сказала она. – Вы меня поймали. – затем она сказала. – Возможно она и счастлива. – затем она пояснила. – Счастлива что поняла, что не погибла, а лишь лишилась ног. – затем она спросила. – Но счастлива она на самом деле? Ведь для нее жизнь закончилась не начавшись. Куда она пойдет учиться? Ведь здоровые люди никому не нужны, что тут говорить об инвалидах. – на ее глазах появились горькие слезы. Она не могла видеть свою дочь в этом кресле. Ведь она знала, что для Марьи жизнь закончилась не начавшись, и что ее ожидает в будущем никто не знал. – затем она сказала. – Хоть что Вы не говорите я права. – затем она добавила. – Жизнь – это не музыка, это лишь одни страдания. И Вы все присутствующие здесь это знаете не хуже меня. – затем она обернулась к сидевшим за столами людей, и прокричала. –

НЕ ПРАВДА ЛИ, А?

Сидевшие за столами люди ничего не ответили. Они словно не слышали Клавдию Ивановну. Всем было все равно. Каждый думал и говорил только о своем. Каждого занимали свои проблемы и мысли, и другие люди и их проблемы их не касались.

Вместо ответа раздался отголосок ее вопроса. Он пронзил воздух, и дойдя до стен корабля-ресторана, вернулся отголоском эхо назад. Пройдя через уши Клавдии Ивановны и остановившись в ее голове. В это самое время у Клавдии Ивановны заболела голова. То есть она

заныла. Казалось, что у нее в голове миллиард иголок пронзали ее мозг и отдавались болью в черепную коробку так, что казалось, что голова просто ныла. Затем в ее мозгу появилось ощущение полной пустоты. Казалось, что ее мозг просто исчез. В нем появилась пустота, а с веска лилась какая-то жидкость. Это ощущения заставили Клавдию Ивановну взяться за голову, и она что есть мочи, воскликнула:

– Не-е-е-е... т!!!

В это самое время Марья и Олеся увидели безумие в глазах Клавдии Ивановны. Ее взгляд выражал полный испуг и непонимание осознание что с ней происходит? Девочки переглянулись меж собой. Им обеим стало страшно. Страшно, что их мать стала такой. Безумной женщиной. Как они могли проглядеть это? Ладно Марья, но как же Олеся? Ведь она все это время находилась с Клавдией Ивановной. Они общались. И никогда она так и не замечала, что у Клавдии Ивановны прогрессирует безумие. А может это и не безумие вовсе? Может Клавдия Ивановна сошла с ума? Задавая себе этот вопрос, они не находили на него ответ.

Аманда протянула правую руку к голове Клавдии Ивановны, и шелкнула пальцами. В ту же секунду боль так терзающе Клавдию Ивановну, прекратилась, а Аманда сказала:

– Не надо кричать здесь. Никто Вас все равно не услышит. – затем она пояснила. – Мои гости сами по себе. Каждый из них из своего времени, из своей эпохи. Они не слышат никого кроме тех, кто сидит с ними за одним столом. Это правильно. Ведь если бы они слышали друг друга, то кто знает, смогли бы они понять ни то, что других, а самих себя? – затем она скептически добавила. – Вряд ли?

Клавдия Ивановна почувствовала, как терзающая ее мозг боль, отступила. Боль и головокружение исчезли. Исчезли словно их не было вовсе. Задавая, сама себе вопрос, что это было? Она не могла прийти к однозначному ответу. Звуковая волна, отраженная от стен плавающего ресторана, не оставляла мысли что, этот ресторан один большой звуковой инструмент. Единный инструмент, в котором были присуще все звуковые дорожки музыкального сопровождения. Клавдия Ивановна, недоуменно посмотрев на Аманду, закрыв ладонями уши, поинтересовалась:

– Что это было?

– Звук Вашей судьбы. – непонятно сказала Аманда. – Это Ваши ноты жизненного пути. – пояснив она добавила. – Громогласный голос не всегда сопровождается жизненным путем дороги жизни. Не всегда громогласный голос способен разрешить проблемы жизни. Он лишь тень жизненного пути в далеком жизненном пути. Крикнешь, и он вернется к человеку резонансом эхом далекого прошлого, грядущего будущего. Жизненного пути.

– Что Вы имеете в виду?

– Поступки. – ответила Аманда. – Человеческие жизненные поступки. – она, сделав паузу, сказала. – Человек властен над своей судьбой, и глупец тот, кто говорит, что судьба властна над человеком, это ни так. – затем она сказала. – Люди сами предопределяем свои поступки. От них зависит их жизненный путь, их судьба. – затем она привела пример. – Вот Вы Клавдия Ивановна, не ужели Вы ни о чем не жалеете? Ни хотите вернуть назад то, что хотели бы исправить?

– Нет. – твердо ответила Клавдия Ивановна. – Не хочу. – затем она сказала. Я прожила жизнь так, что каждый на своем месте позавидовал мне.

– Позавидовал бы? – удивилась Аманда. – Чему? – она сделала недоуменную паузу, затем спросила. – Тому что Вы прожили жизнь без каких там было радостей?

– А чему радоваться? – удивилась Клавдия Ивановна. – Он поглядите радость какая стала, КПСС пал, советы ушли в небытие. И что? Радость? – ухмыльнулась она. – Где тут радость позвольте спросить? Радость то, что, – она показала рукой на Марью, затем добавила. – Марья осталась без ног. – сказала она. Радость то, что радость вскружила всем голову, и те, как оголтелые стали от радости все крушить, уничтожая то, что мы старые партийцы создавали восемь-

десять лет, а потом почувствовав свободу разрушили все в одночасье. – затем она уточнила. – Вы считаете, что это и есть радость жизненного пути? Нет, меня никто не переубедит в обратном. Свобода – это уничтожение того, что строилось годами. Пусть кто-нибудь скажет, что я неправа, а я тогда скажу тому человеку. Свобода приводит людей лишь к саморазрушению, и никто не сможет их спасти. Они истребят самих себя, даже не поняв этого. – затем она добавила. – Марья тому подтверждение. Она хотела стать свободной, для нее не существовала никаких правил, и вот результат. – тяжело вздохнула она. – Кресло, к которому она будет прикована навечно, грошовая пенсия, и жалость – вот ее удел жизненного пути, ее радости жизни, ее так называемой свободы. Молчите, нечего сказать? Вы знаете, что я права. Права, потому и молчите. – она сделала долгую и тяжелую паузу, будто о чем-то размышляя, затем тяжело вздохнула и сама себе сказала. – Я права, я всегда права.

Да, Клавдия Ивановна была права, и Аманда это знала. Свобода, данная человеку, никогда не предвещает ничего хорошего кроме беды. Ведь свобода это лишь иллюзия беззаботной жизни. На самом деле свобода это не что иное, как показ власти человеком его истинных желаний. Свобода дана людям затем, чтобы понять власти, президенту РФ, чего ему стоит опасаться. Давая свободу власть контролирует людей, а те сами того не подозревая галдят направо и налево какая в России и во всем мире хорошая власть. Повеситься хочется.

–Что ж, – согласилась Аманда с Клавдией Ивановной. – Возможно Вы и правы. – Радость человека иллюзорна. – сказала она. – Ее всегда замещает свобода, которая никогда не даст человеку той свободы, которую он намерен получить.

–Вот видите, – сказала она. – Я всегда права.

Тут Аманда поинтересовалась:

–Скажите, Вы любите своих дочерей?

Клавдия Ивановна не ответила на этот вопрос. В ней боролись два чувства: чувство любви и ненависти. Вряд ли можно было сказать, что она ненавидела своих дочерей. Она их конечно любила. И это она только что поняла. Она ненавидела себя, и призирила свое легкомыслие. Кто знает, что могло бы произойти если бы Клавдия Ивановна не отвернулась бы от Марьи. Приняла б ее такой какая она есть на самом деле. Возможно, такой трагедии не случилось бы. Олеся Анастасиевна была бы жива, а Марья Анастасиевна не потеряла бы ноги. Ведь в попытке затем, чтобы доказать своей матери, что она ошибается, и то, что ее дочь Марья лучше, чем она о ней думает, Марья сделала то, что привело ее, по сути, к гибели. Она хотела доказать по-своему, что она по-своему права, и это доказательство привело ее к трагедии. Инвалидности. Многие дети, по сути, все, доказывают своим родителям что они правы, а родители нет. А родители, наоборот. Все это приводит к трагедии. И пока дети не поймут, что они порой неправы, а родители этого им не объяснят, и они не придут к компромиссу, Отцы и дети всегда будут спорить, а порой враждовать меж собой. Так было, так есть, и так будет всегда. Это жизнь, а жизнь – это дорога, по которой идет человек. Она порой идет прямо, порой разветвляется на несколько дорог как в сказке про былинного богатыря. Порой мы доходим до переулка, и не знаем куда идти дальше? Мы встречаем множество препятствий на дороге. Это кочки, канавы. Порой это кусты и деревья. Эта дорога и есть – жизнь. Жизнь в дорогу в целую вечность, и жизнь дорогой лишь миг.

Клавдия Ивановна плача, призналась:

–Я ненавижу себя.

–Я ни тот вопрос задала. – сказала Аманда, и снова повторила его. – Вы любите своих детей?

Тут Клавдия Ивановна посмотрела на Аманду так, что вряд ли Аманда могла заподозрить в ее взгляде подлог. Клавдия Ивановна смотрела на нее искренне. В ее взгляде можно было прочесть ненависть к самой себе. Она ненавидела себя за то, какая она есть на самом деле. Затем она вытянула сквозь зубы:

–Конечно же люблю. – затем она сказала. – Я всегда любила, люблю и буду любить моих девочек. – затем она призналась. – Я ненавижу себя, что я за ними недоглядела. – затем она неожиданно сама для себя призналась. – Я бросила их на произвол судьбы. Отпустила их. Предоставила их самим себе. Что я за мать та такая? Всю жизнь заботилась обо всех, а о дочерях забыла.

Аманда сказала:

–Я рада что Вы осознали, что любите своих дочерей. – затем она добавила. – Другим матерям даже это не удастся. – затем она кинула. – Родят, бросят, и как будто, так и надо. – Аманда прошипела. – **НЕНАВИЖУ**. – пояснив. – Ненавижу таких если можно сказать, **МАМАШ**. – затем она обратилась к Марье, сказав. – Власть над судьбой в Ваших руках. Да, у Вас нет ног, и этого уже не исправить. Крепитесь. Жизнь принесет еще немало разочарований и горестей. «В ней так же будут радости». – затем она сказала. – Сегодня Вы узнали, что несмотря ни на что, Ваша любит Вас, а это немало.

Марья, смотря на свою мать, сказала:

–Я всегда была уверена в этом.

Олеся подтвердила:

–Я тоже.

Клавдия Ивановна сказала:

–И я Вас люблю.

Затем они протянули друг другу руки, и взяв друг друга за ладони, крепко сжали их в своих. Тут все трое осознали, что это цепь. Оковы семьи. Семейного счастья. Его никогда не разорвешь. Ведь семья – это самое ценное на свете, что есть в жизни. И кто этого не понимает, тот не сможет оценить золото, алмаз, бриллиант. Ведь их ценность ничто по сравнению с ценностью семьи. И даже если заработать все золото мира разом, оно не сравнится с ценностью семейного очага, домашнего уюта у очага. Семейного очага счастья.

Клавдия Ивановна сказала:

–Я обещаю. – заверила она девочек. – Я буду хорошей матерью для Марьи. – затем она хотела поклясться в этом, но не смогла. Ведь рядом сидела Олеся, а та, как она считала, была уже мертва. Она не могла поклясться в том, в чем поклясться не могла. Она боялась, что она не сможет стать матерью, которую заслуживала Марья. Она просто боялась не исполнить свою клятву. Свою материнскую клятву. Она разжала ладони и сказала. – Я не могу.

Аманда поинтересовалась:

–Почему?

–Я боюсь стати плахой матерью.

Марья поспешно сказала:

–Вы будете хорошей матерью. – сказала она, и взяв ее за руку ласково и любя, добавила Марья. – Маменька. – как уже было написано ране, несмотря ни на что любила свою мать. Она понимала ее и хотела, чтобы та была счастлива. Затем тихо она добавила. – Я это знаю.

Они смотрели друг на друга, и плакали. Им обоим было много что сказать друг другу, и сказать было нечего. Так бывает с людьми. Когда хочешь с кем-либо встретиться подготавливаешь речь, а встретившись и сказать-то оказывается нечего.

Клавдия Ивановна плача, сказала:

–Я не смогу стать Вам хорошей матерью. – сказала она. – Я стала матерью, – она посмотрела на одну из дочерей, и добавила. – для Олеси. – затем она сказала. Я любила ее больше своей жизни, и забыла о том, что у меня есть вторая дочь. – она посмотрела на вторую дочь, и сказала. – Вы Марья. – затем она сказала. – Я всегда гордилась своей старшей дочерью и не уделяла никакого внимание младшей. – затем она с горестью и сожалением сказала. – В итоге я потеряла свою старшую дочь, а младшую... – тут она запнулась. Ей было трудно говорить об этом. Говорить о том, что отчасти по ее вине Марья стала инвалидом. Она думала: если бы я

не отвернулась от Марьи, то возможно все было по-другому. Эти мысли не давали ей покоя. Она винила себя за случившееся, и не могла себе простить эту легкомысленную халатность с ее стороны.

Понимая, что Клавдия Ивановна хочет, но не может сказать, Марья поспешно сказала за нее:

–Я никого не виню в случившемся. Виновата я сама, лишь одна.

–Нет. – возразила Клавдия Ивановна. – Виноваты мы обе. – затем она добавила. – Я виновата больше, чем Вы, Марья. Я не заботилась о Вас так как вы хотели. Я лишила Вас своего общества. По сути, я Вас предоставила самой себе. – затем она заключила. – В этом моя ошибка.

На ресторанной палубе снова зазвучала Музыка. Это Штраус, легкая музыка из какого-то произведения. Гости на палубе встали из-за столов, и пустились в быстрый танец. Казалось, что ресторан закружился. Закружился в безудержной страсти танца. Легкого и веселого вальса «The Blue Danube – Голубой Дунай». Короля вальса Йоганна Штрауса.

–Пришло время танцев. – сказала все еще стоящая у стола Аманда. Затем она добавила. – Слышите звуки музыки. «Это вальс!» – сказала она. – Вальс. The Blue Danube.

Марья тотчас перевела:

–Синий Дунай. – она грустно вздохнула. – Как это жестоко. – сказала она.

Аманда спросила:

–Почему?

–Я всегда хотела прокатиться на пароходе по Дунаю. – грустно сказала она. – теперь это невозможно? – она сделав долгую тяжелую паузу, добавила. – Посмотреть на города. Будапешт, Вена, Братиславу, Белград. Регенсбург, Линц. Ульм, Русе, Нови-Сад. Ингольштадт, Дьор, Эстергом. Вуковар, Земун, Панчево и Сремски-Карловиц. – затем Марья сказала. – Эти города лежат на пути Дуная. Как бы я хотела их увидеть хоть одним глазком! Но, – понимала она. – К сожалению это невозможно.

–Отчего же? – возразила Аманда. Затем она сказала. – Возможно.

–Что? – не поняла Марья. – Что Вы сказали? Возможно? Да Вы смеетесь надомной.

–Ничуть. – ответила стоящую возле стола Аманда. – Возможно. – затем она показала рукой на левый берег, и сказала. – Смотрите, это же Дунай.

Глава 11.

Музыка души

Итак, напомним на чем закончилась предыдущая глава этой истории. Не удивляйтесь, все что здесь написано лишь к продолжению той истории, которая по своей сути трагична. Итак, начнем с небольшого перечета предыдущей главы, чтобы начать писать следующую главу, которая является продолжением предыдущей. Итак, начнем.

... На ресторанной палубе снова зазвучала Музыка. Это Штраус, легкая музыка из какого-то произведения. Гости на палубе встали из-за столов, и пустились в быстрый танец. Казалось, что ресторан закружился. Закружился в безудержной страсти танца. Легкого и веселого вальса «The Blue Danube – Голубой Дунай». Короля вальса Иоганна Штрауса.

– Пришло время танцев. – сказала все еще стоящая у стола Аманда. Затем она добавила. – Слышите звуки музыки. «Это вальс!» – сказала она. – Вальс. The Blue Danube.

Марья тотчас перевела:

– Синий Дунай. – она грустно вздохнула. – Как это жестоко. – сказала она.

Аманда спросила:

– Почему?

– Я всегда хотела прокатиться на пароходе по Дунаю. – грустно сказала она. – теперь это невозможно? – она, сделав долгую тяжелую паузу, добавила. – Посмотреть на города. Будапешт, Вена, Братиславу, Белград. Регенсбург, Линц. Ульм, Русе, Нови-Сад. Ингольштадт, Дьор, Эстергом. Вуковар, Земун, Панчево и Сремски-Карловиц. – затем Марья сказала. – Эти города лежат на пути Дуная. Как бы я хотела их увидеть хоть одним глазком! Но, – понимала она. – К сожалению это невозможно.

– Отчего же? – возразила Аманда. Затем она сказала. – Возможно.

– Что? – не поняла Марья. – Что Вы сказали? Возможно? Да Вы смеетесь надомной.

– Ничуть. – ответила стоящую возле стола Аманда. – Возможно. – затем она показала рукой на левый берег, и сказала. – Смотрите, это же Дунай. – затем она сделала рукой движение, показывающее все его величие, и затея дыхание сказала. – Как он прекрасен.

Женщины посмотрели на проплывающий рядом берег и поняли, что это не Москва. Все вокруг было чужим. Город, который величественно стоял вдоль берега словно сопровождая проплывающих по реки-Дунай корабли напоминал, что этот город, город вальса Иоганна Штрауса. Как он прекрасен! Дунай. Город

Вена – столица Австрии. Расположилась в восточной части страны на реке Дунай. В которой культурное и интеллектуальное наследие города внесли также известные жители, как В. А. Моцарт. Л. Бетховен и З. Фрейд. Вена также знаменита своими императорскими дворцами, среди которых Шенбрун – летняя резиденция династии Габсбургов. А в районе Музейный квартал в исторических и современных зданиях собраны работы таких художников как Э. Шиле и Г. Климент. Вообще страны Европы, имеющие свою историю в искусстве, могут считаться поистине кладезь духовного наследия планеты.

Марья, смотря на реку Дунай, слышала в нем звуки музыки. Произведений Штрауса и других композиторов.

– Прекрасно. – тихо сказала она. – Вы слышите? – тихо сказала она и на секунду замерев, добавила. – Музыка. – затем, сделав паузу, она добавила. – Я ее слышу. Как она прекрасна.

Вообще, можно ли услышать то где этого нет? На этот вопрос можно рассуждать вечно. Философы утверждают: можно. Психологи что можно лишь в том случае, когда человек находится в определенной точки своего жизненного пути. Когда он раскрывается перед самим

собой и уходит в мир покоя и гармонии своей души, и тело. Что касается психиатрии, то тут все ясно как лоточной снег: слышишь голоса или музыку которой на самом деле не в помине: шизофреник. Все легко свалить на шизофрению. Жаль, что психиатры ничем не лучше любого из докторов. Будто это доктор философских наук или психолог. Те хоть изучают первоначальную сущность этой сущности человеческого сознание и его подсознание. Некоторые сводят все к надсознанию и переводят все в рациональность сознание покоя и равновесие человеческого сознание, его покоя и бодрствуя. И лишь психиатр все списывают на банальную шизофрению, хотя ее нет. Есть только желания стремления к чистоте души. Жаль, что доктора этого не понимают. Ведь иногда душа не гармонирует с телом, и доктора просто залечивают своих пациентов до смерти. А что стоит, дать человеку свободу, и из гусеницы превратить его в бабочку. Впрочем, это размышление совсем для другой истории. Вернемся же к нашей.

В какой-то миг Марья почувствовала, что у нее словно появились крылья. Она словно воспарила в небо. Легко летя вверх и вверх. Музыка словно несла ее за собой, а возможно и впереди себя. Игривый проказник-ветер летел рядом с ней легонько, словно перо неся ее все дальше и дальше, выше и выше, за облака. Туда, где чистый звук музыки лился из Поднебесных музыка арф и громогласных—глашатаых труб. Теперь она чувствовала вместо ног крылья. Они несли ее далеко и еще дальше. Звуки музыки вальса The Blue Danube звучали в ее голове. И не только в голове, но и в ее душе и сердце. Как прекрасно, когда человек слышит музыку в своем сердце, в своей душе. Как прекрасно, когда эта музыка помогает воспарить человеку под небеса. И как ужасно, когда эта невидимая нить обрывается. Человек губит сам себя. Он сам принимает собственный яд, и вскоре умирает. Правда он не умирает физически. Он живет. Но его душа умерла, а сердце зачерствело. Что это как не ужас кошмара надвигающегося апокалипсиса? Страшно.

Впрочем, ни так страшен черт как его малюют. Некоторые люди живут словно в раю, а на самом деле в аду. И некоторые живут в аду не зная, что это и есть рай. Ни мне судить этих людей. Им предоставленный выбор их жизни свелся к одному, страданию. Что есть ад? Страдания. Что есть рай? Страдание. Вот и выходит, что рай и ад одно и то же, страдания. Так что кто бы судил? Когда в сущности попадешь в одну из точек бытия которая станет для нас лишь страданием.

Музыканты умолкли, и Марья грохнулась с небес на землю. Наступило осознание полного недоумение. Как это возможно? Ведь она только что парила в облаках, а сейчас? Она не понимала, что произошло? Боль вернулась. Она посмотрела на свои ноги и, чувство глубокого разочарование и горести охватило ее сердце. Она не понимала, зачем нужны были несбыточные надежды? Зачем кто-то подарил ей счастье и так поганно забрал его обратно. Зачем обнадёживать человека, когда знаешь, что все равно этого не произойдет. Зачем? Только лишь затем, чтобы посмеяться над человеком? Дать понять, что он вошь в игре двух держав? Впрочем, почему двух? Одной державы. Трехликого дьявола-бога. Ведь кто хочет служить ему – богу, тот пожертвовать обязан все для него. Но для кого? Для него или его служителей? Служителей, которые чревоугодничают и разъезжают на мерседесах за счет прихожан? На этот вопрос нет человеческого ответа, лишь философский. «Бог это лишь плод нашего отчаянного хотение верить в что-либо, и только. Ведь римляне и греки верили в своих богов, и они так у них и остались. Что касается бога, и его трех сущностей, то это лишь гипноз что-то хотение поверить в нечто новое, и дать эту веру другим. Ведь бога так никто и не видел, лишь верим в него – тот гипноз человеческого сознание, которым наградил нас человек живший две тысячи лет тому назад, и только. Ведь верой вера, а влияющие на жизнь плавающие в глубине космического пространства планеты никто не отменял. Они влияют на жизнь на земле, приливы и отливы связаны с луной, а времена года с солнцем. Мы молимся богу, но не знаем, что человек живет со своей планетой, планетой, влияющею на его судьбу. Так зачем же давать ненужные надежды, когда и надеяться не на что. Ведь судьба зависит лишь только от нас – людей,

и оттого, когда в космическом мире бесконечного пространства благословят нас звезды. Всех и каждого в отдельности.

Марья было уготовлено судьбой стать инвалидом. Многие инвалидами рождаются, а некоторые ими становятся. И это конечно не связано с богом или дьяволом. Это связано лишь с тем, когда произошло зачатие плода, и только.

Это лишь мое мнение, у Вас совсем иное. Смешно, в мире столько религий, и столько Новых годов, что просто посмеяться хочется. Ведь летоисчисления у всех разные, а годовой оборот солнца во круг земли одно. Смех, да и только.

Поняв, что она уже не в небе, Марья посмотрела во круг себя чтобы убедиться, что она там, где была до того, как воспарила в небо. Все было так как всегда. Столик за которым сидела Олеся и Клавдия Ивановна. У него стояла Аманда. С плавучего ресторана был виден берег проплывающей мимо них Вены. На столах стояли подсвечники, в которых стояли горящие свечи. Затем она сказала:

– Это жестоко. Зачем дарить надежду если она иллюзорна, и никогда не осуществиться? – затем она тихо добавила. – Жестоко.

Не зная, что сказать, Клавдия Ивановна с упреком посмотрела на Аманду, но та не предала этому взгляду никакого значения. Казалось, что она застыла в той позе, в которой стояла до этого. Смотря вдаль, она словно была отчужденная от всех. Ее мозг был занят мыслями, но не теми, которые у нее были до сих пор. Мысли были совершенно иными, а взгляд был безжизненно пустым. В какой-то момент она пришла в себя, и посмотрев на Марью, заинтересовалась:

– Вам понравился вальс?

– Да. – ответила Марья, затем заинтересовалась. – Что это было?

– Вальс Штрауса Голубой Дунай.

– Я не об этом.

– А чем же?

– Я чувствовала, что я лечу в облака. – объясняла Марья. – Я чувствовала, что у меня словно появились крылья. Будто я порхаю там, – показала она рукой на небо. – в облаках. – затем она сказала. – Но стоило музыки закончиться, как я упала в большой колодец. – объясняла она. – Меня словно тащило вниз! «И вот я здесь», – горько сказала она, и тяжело вздохнув тихо добавила. – это жестоко. «Жестоко дарить людям надежду на счастливую жизнь и их исцеления», – затем она сказала. – это жестоко.

Аманда ответила так:

– Все в этом мире эфемерно.

– Надежда тоже?

– И она.

Тут Клавдия Ивановна вмешалась, сказав:

– Зачем Вы так? Девочка и так не находит себе место, а Вы еще обнадеживаете ее впустую.

– Я никогда и никого не обнадеживаю. – резко ответила Аманда. – Человек обнадеживает себя сам! Надеяться на то, что никогда не сбудется. – она, сделав паузу, добавила. – Человек всегда надеяться на лучшее, – затем она добавила. – только этого лучшего можно не дожидаться. Оно никогда не наступит. – затем она добавила. Только в надеждах и фантазиях самого человека.

Марья сказала:

– Это жестоко.

– Это жизнь. – ответила Аманда. – Жестокая беспощадная жизнь, и ее злодейка, судьба. – затем она призналась. – Я тоже когда-то хотела жить. Но мне не позволили жить, насладиться жизнью. – затем она продолжила. – Я любила, а он изменил мне. Тогда я с ним развилась, оставив его без гроша в кармане. Недолго думая, его любовница его бросила, а он прибежал

ко мне просить прощение. Я его не простила, и выгнала его из моей жилплощади. Пушай идет куда хочет, лишь бы с глаз долой и из сердца вон. Навсегда. Я больше не слышала о нем, и лишь в конце его бесславной жизни он написал мне письмо, в котором он просил прощение. Но я его так и не простила.

Выслушав Аманду, Клавдия Ивановна поинтересовалась:

–К чему Вы это нам рассказываете?

–Я рассказываю Вам эту историю потому, что хочу чтобы вы поняли, не стоит злиться на свою судьбу, а то судьба рассердится на Вас.

Марья сказала:

–Не поняла.

А Олеся сказала:

–Я тоже.

–В тот раз мне надо было хотя бы дать ему хотя бы шанс. – сказала Аманда. – Но я его выгнала. – она сделала грустную паузу, и сказала. – Теперь мой удел принимать на этом плавучем ресторане влюбленные пары, сама же при этом оставаясь одинокой.

Тут Клавдия Ивановна сказала:

–Порой лучше быть одинокой чем семейной.

–Может Вы и правы. – согласилась с ней Аманда. – Порой одиночество лучше любого лекарства от сердечных ран. Не быть ни от кого зависимой, ни к кому привязанной, и не стоять на кухне день и ночь пытаюсь состряпать из ничего хоть что-то. А о стирке уж молчу, – надоело.

В это самое время к Аманде подошла женщина, игравшая на рояле. Она посмотрела на гостей, и спросила:

–Вам понравился вальс?

Ее голос был тонок как звук самой флейты. Играя свою мелодию в лесу под пенья сидящих на деревьях птиц.

Сидевшие за столом женщины посмотрели на спрашиваемую их женщину, и одна из них ответила за всех:

–Нам понравился вальс.

Женщина посмотрела на Марью, сказала:

–Я знаю, что Вы чувствовали каждую ноту одного из замечательного произведения Иоганна Штрауса. – затем она поинтересовалась. – Что Вы хотели бы сказать по этому поводу?

Этот вопрос почему-то смутил Марью. Она не хотела говорить о том, что она чувствовала, слушая это произведение великого мастера вальса.

–Вы хотите знать? – сказала она, затем спросила. – Как Вас зовут?

–Извините, я не представилась. Меня зовут Доремианна.

Тут Марья поняла, что и Аманда и Доремианна все еще стоят, и она предложила им сесть, на что Аманда сказала:

–Мы не можем сесть за стол с гостями. – затем она добавила. – Каждая из нас сидит на своем месте, и только. Я за столом хозяйке, а Доремианна за роялем. – затем она добавила. Мы не можем сесть не на свое место, – и сделав паузу она добавила. – Это было бы неправильно.

Женщины переглянулись, и Марья с понимающе ответила:

–Порядок прежде всего.

Аманда подтвердила:

–Это верно. – затем она добавила. – Все в этом мире не идеально, даже искусство.

Доремианна поинтересовалась:

–Это Вы о чем?

–Об искусстве как таковом. – ответила Марья. – Все искусство не совершенно. – сказала она, затем добавила. – Даже вальс.

Доремианна удивилась и недоуменно спросила:

–Вам не нравится вальсы Штрауса?

–Нет. – возразила она. – Вальсы Штрауса мне очень нравится. – затем она добавила. – Если бы он жил в наше время, то я уверена, что он написал бы свои лучшие произведения. – затем она пояснила. – Я имею в виду что искусство движется вперед, и бессмертные произведения бессмертных композиторов будут жить вечно. – затем она сказала. – Но если бы эти музыканты жили в наше время, то они создали б произведения в тысячу раз лучше, чем тогда при их жизни.

–Это так. – согласилась с сестрой Олеся. – Искусство много потеряет если классика умрет. – затем она добавила. – впрочем, она сейчас умирает. – затем она сказала. – Джас уж не играют, а рок-н-ролл заменил рэп. Скоро появиться попса. Рэп – музыка для дебилов, а попса не знаю для кого. – затем она сказала. – Эта музыка, если ее можно так назвать, конечно найдет своего слушателя, но все же скажу я Вам, рок-н-ролл и джас когда-нибудь возьмут свое потерявшее лидерство, а вместе с ними и классика. – затем она сказала. – Так что Марья права, искусство не стоит на месте. Оно движется вперед. – затем она с сожалением добавила. – Жаль, что молодежь не осознает это. На веянии с новой жизнью они уничтожают все то, что для них делали годами. – она посмотрела на Клавдию Ивановну, и сказала. – В этом я абсолютно согласна с Вами маменька.

Клавдия Ивановна легонько улыбнулась дочери, и сказала:

–Я рада, что кто-то понимает меня, и всегда будет на моей стороне. – затем она посмотрела на Марью, и как бы ей в упрек сказала. – Жаль, что осознание порой приходит слишком поздно. – затем она добавила. – Иногда чтобы осознать правоту матери... – тут она запнулась. Ей нечего было сказать. Ведь перед ней сидела ее дочь. Дочь, которую уже судьба наказала за ее беспечность. Теперь она на всю свою оставшуюся жизнь будет прикована к этому ненавистному для Клавдии Ивановны креслу. Что тут добавить? Вряд ли что можно сказать или добавить. Ведь сказать даже нечего, а добавить, подавно. Тут она сказала. – Я никогда не желала своим дочерям подобной судьбы. – затем она добавила. – Жаль, что осознание неизбежного конца и правды матери приходит слишком поздно.

–Я это знаю. – тихо ответила Марья, добавив. – Я уже это говорила.

Затем Клавдия Ивановна сказал:

–Что спрашивать, что чувствовала Марья, – она посмотрела на Доремианну, сказала. – когда Вы играли вальс Штрауса голубой Дунай? – затем она тихо добавила. – Ведь она от этого не встанет на ноги?

–Не встанет. – согласилась Доремианна. – Но она будет летать! – обнадежила она ее. – Разве это не счастье? Летать! Чувствовать сому музыку и порхать вместе с ней на крыльях любви. Разве это не прекрасно?

–Лишь тогда, – ответила, вытирая слезы платком Клавдия Ивановна, когда все части тело при себе. – затем она сказала. – А двухчасовое забытье под звуки музыки в каком-нибудь концертном зале, это совсем другое. Не правда ли?

–Может быть Вы и правы. – согласилась с Клавдией Ивановной, Доремианна. – Музыка лишь способна унести нас от каких-либо проблем лишь на какое-то время, а потом мы возвращаемся в реальность.

Клавдия Ивановна согласилась, сказав:

–Верно.

Тут Доремианна снова посмотрела на Марью, и спросила:

–Все же, что Вы чувствовали, когда я играла?

Марья тихо спросила:

–Вы хотите это знать?

–Мне просто интересно.

– Мне казалось, – начала свой рассказ Марья. – что я лечу в облака. – объясняла Марья. – Я чувствовала, что у меня словно появились крылья. Будто я порхаю там, – показала она рукой на небо. – в облаках.

– Я так и знала. – ответила Доремианна. Затем пояснила. – Я чувствовала то же самое что чувствовала я. – затем она сказала. – Вы так же, как и я, музыкант. Позвольте дать мне Вам совет. – Поступайте в консерваторию. Вы станете отличным музыкантом. – она сделала паузу, добавила. – Может станете лучше нынешних.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.